

Уильям Теккерей

Базар житейской суеты.

Часть 2

Уильям Мейкпис Теккерей

Базар житейской суеты. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7528525

Аннотация

Произведение дается в дореформенном алфавите.

«Повѣсть наша завязла на нѣсколько мгновений между великими событіями и лицами, и зацѣпилась, въ нѣкоторомъ родѣ, за полу всеобщей исторіи Европы. Орлы Наполеона Бонапарте вылетѣли изъ Прованса, гдѣ они усѣлись послѣ кратковременнаго пребыванія на Эльбѣ, и затѣмъ, перелетая съ кровли на кровлю, достигли наконецъ до высочайшихъ башенъ парижскаго собора Notre Dame; но кто бы могъ подумать, что эти благороднѣйшія птицы великихъ людей могутъ какъ-нибудь ненарокомъ заглянуть, съ позволенія сказать, на Россель-Скверъ, гдѣ человѣчество прозябаетъ спокойно, въ согласіи и мирѣ, не думая и не замѣчая, зачѣмъ, куда и для чего летятъ быстрокрылыя орлы?..»

Содержание

Глава XVIII	4
Глава XVIII	31
Глава XIX	54
Глава XX	76
Глава XXI	94
Глава XXII	115
Глава XXIII	129
Глава XXIV	157
Глава XXV	201
Глава XXVI	217
Глава XXVII	230
Глава XXVIII	251
Глава XXIX	283
Глава XXX	307
Глава XXXI	334

Теккерей Уильям Мейкпис

Базар житейской суеты. Часть вторая

Глава XVIII

Для кого кептенъ Доббинъ купилъ фортепяно?

Повѣсть наша завязла на нѣсколько мгновеній между великими событіями и лицами, и зацѣпилась, въ нѣкоторомъ родѣ, за полу всеобщей исторіи Европы. Орлы Наполеона Бонапарте вылетѣли изъ Прованса, гдѣ они усѣлись послѣ кратковременнаго пребыванія на Эльбѣ, и затѣмъ, перелетая съ кровли на кровлю, достигли наконецъ до высочайшихъ башенъ парижскаго собора Notre Dame; но кто бы могъ подумать, что эти благороднѣйшія птицы великихъ людей могутъ какъ-нибудь ненарокомъ заглянуть, съ позволенія сказать, на Россель-Скверъ, гдѣ челоѳчество прозябаетъ спокойно, въ согласіи и мирѣ, не думая и не замѣчая, зачѣмъ, куда и для чего летятъ быстрокрылые орлы?

— Наполеонъ высадился при Каннахъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что Вѣна засуетилась въ па-

ническомъ страхѣ, Пруссія настожила уши, Талейранъ и Меттернихъ глубокомысленно закивали головами, между тѣмъ какъ принцъ Герденбергъ и маркизь Лондондерри совсѣмъ сбились съ толку; но какимъ образомъ, скажите на милость, извѣстiе въ этомъ родѣ могло разстроить спокойствiе молодой дѣвицы на Россель-Скверѣ?

И жила миссъ Амелiя безмятежно въ своей уютной комнаткѣ верхняго этажа, и ночной сторожъ весело распѣвалъ передъ ея окномъ свою дикую пѣсню, возвѣщая россель-скверскому мiру, что вотъ, дескать, пора ложиться спать, потому-что пробилъ такой-то часъ. На улицѣ молодую дѣвицу охраняли желѣзныя перила, и если случалось ей идти за ленточкой на Соутамптонскiй-рынокъ, черный слуга, вооруженный огромной палкой, неминуемо слѣдовалъ по пятамъ своей барышни, изъясняя отчаянную готовность защитить ее отъ всякой напасти. Родители берегли ее какъ зѣницу ока, лелѣяли, ласкали, и когда барышня уходила въ спальню, ангелы-хранители бодрствовали еженощно надъ ея изголовьемъ. Что жъ? неужели европейская борьба не пощадитъ этой бѣдной, скромной, беззащитной дѣвушки, которая такъ мило воркуетъ надъ своими голубиными мечтами, или вышиваетъ муслиновые воротнички на Россель-Скверѣ? Неужели громы военной бури разразятся и надъ тобой, прелестный, скромный, оранжерейный цвѣточекъ, взлелѣянный подъ родительскою кровлей?

Да, наполеоновы орлы задѣли своими крыльями бѣдную

миссь Эмми Седли. Исторія ея сердца тѣсно соединена съ политической исторіей Европы.

Во первыхъ; роковая вѣсть о Наполеонѣ проглотила богатство ея отца. Всѣ его спекуляціи и коммерческія соображенія перевернулись вверхъ дномъ, и ни одно предпріятіе не удалось. Товарищи по торговлѣ обанкротились, и биржевые фонды повысились именно тогда, когда, по его разсчетамъ, выходило; что они непременно упадутъ. Впрочемъ, къ чему тутъ пускаться въ дальнѣйшія подробности? Если коммерческій успѣхъ сопровождается движеніемъ медленнымъ и нерѣшительнымъ, за то всякому извѣстно; какъ быстро и легко можетъ разориться богатѣйшій негоціантъ.

Старикъ Седли хранилъ зловѣщую тайну въ глубинѣ своего собственнаго духа. Все; повидимому, шло своимъ обыкновеннымъ чередомъ въ его спокойномъ и богатомъ домѣ: добрая мистриссъ Седли не подозрѣвала ничего, и хлопотливо вела свои дѣлишки, занимаясь хозяйствомъ и дѣлая визиты магазинамъ въ утренніе часы; прелестная дочка постоянно погружена была въ одну и ту же нѣжную мысль, и рѣшительно не заботилась о томъ, что совершается на европейской почвѣ въ политическомъ и коммерческомъ мірѣ.

Однажды вечеромъ, мистриссъ Седли писала приглашительные билетки, которые надлежало отправить къ ея будущимъ гостямъ; Осборны недавно давали балъ и, разумѣется; ей не отставать же отъ другихъ. Джонъ Седли воротился домой очень поздно, и сидѣлъ теперь молча и задумав-

шись у камина, между тѣмъ какъ его супруга лепетала разный вздоръ. Эмми ушла въ свою комнату съ больною головою и стѣсненнымъ сердцемъ.

— Бѣдняжка! она совсѣмъ истосковалась, проговорила мать: Джорджъ Осборнъ вовсе не думаетъ о невѣстѣ. Эти гордецы ужь, право, начинаютъ меня выводить изъ терпѣнiя. Чопорныя дѣвчонки не были у насъ около трехъ недѣль; Джорджъ два раза былъ въ городѣ и не думалъ завернуть къ намъ. Эдуардъ Дель видѣлъ его въ оперѣ. Эдуардъ, я знаю, съ радостью готовъ на ней жениться, да и кептенъ Доббинъ, если не ошибаюсь... только у меня душа не лежитъ къ этому человѣку. Какимъ, подумаешь, денди сталъ выглядывать этотъ Джорджъ Осборнъ! И приступа нѣтъ. Да вѣдь этакъ, пожалуй, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ, коль на то пошло. Два, три ласковыхъ словечка Эдуарду Делю, и вотъ мы увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Надобно дать балъ, мистеръ Седли. Что жъ ты ничего не промолвишь, Джонъ? Во вторникъ, что ли, черезъ двѣ недѣли — а? Что ты ничего не отвѣчаешь? Ахъ, Боже мой, не случилось ли чего-нибудь?

Джонъ Седли быстро вскочилъ съ кресель на встрѣчу къ своей женѣ, которая бросилась къ нему. Онъ обнялъ ее, поцаловалъ, и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Мы разорились, Мери. Намъ должно, моя милая, вновь начинать свою жизнь. Ужь лучше разомъ объявить тебѣ обо всемъ: знай, Мери — я банкротъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ дрожалъ всѣми членами, и

едва держался на ногахъ. Ему казалось, что эта оглушительная вѣсть поразить и отуманить его бѣдную жену, неслышавшую отъ него жесткаго слова во все время ихъ супружеской жизни. Но вышло на повѣрку, что онъ самъ былъ гораздо болѣе растроганъ, несмотря на то, что ударъ внезапно обрушился надъ головою мистриссъ Седли. Когда онъ упалъ въ изнеможеніи на свои кресла, жена съ твердостью приняла на себя обязанность его утѣшительницы, между тѣмъ какъ онъ воображалъ, что эта роль будетъ принадлежать ему. Мистриссъ Седли взяла его трепещущую руку, поцаловала и обвила ее вокругъ своей шеи; она называла его своимъ Джономъ, своимъ милымъ Джономъ, своимъ старымъ мужемъ, своимъ добрымъ старымъ мужемъ, и при этомъ тысячи безсвязныхъ словъ, внушенныхъ нѣжностью и любовью, полились потокомъ изъ ея любящей груди. Эти утѣшенія, эти ласки, искреннія, добродушныя и простыя, расположили его сердце къ невыразимо-отраднѣйшей грусти, и освободили его душу отъ сокрушительнаго бремени отчаянной тоски. Болѣе чѣмъ когда-либо, Джонъ Седли сознавалъ себя счастливымъ мужемъ и отцомъ семейства.

И долго сидѣли они среди безмолвія спокойной ночи, повѣряя другъ другу тайны своей души. Джонъ Седли говорилъ женѣ о своихъ неудачахъ и потеряхъ, рассказывалъ, какъ измѣнили ему нѣкоторые старинные друзья, и какъ другіе люди, которыхъ почти не зналъ онъ, поступили съ нимъ великодушно. Мистриссъ Седли слушала внимательно, и только

разъ — одинъ только разъ въ продолженіе всей этой бесѣды, сердце вѣрной супруги обнаружилось въ порывѣ неудержимой грусти.

— Боже мой, Боже мой! воскликнула она, что-то будетъ теперь съ бѣдной Эмми!

Отецъ забылъ про бѣдную Эзгаи. Она лежала въ своей спальнѣ съ открытыми глазами, и сонъ бѣжалъ далеко отъ нея взволнованной души. Въ родительскомъ домѣ, среди друзей, въ обществѣ матери и отца, она была одна. Многіе ли станутъ безъ разбора говорить о тайнахъ своего сердца? Кто согласится быть откровеннымъ тамъ, гдѣ нельзя рассчитывать на взаимную симпатію, гдѣ даже не могутъ и понять насъ окружающія особы? И такъ, миссъ Амелія Седли жила отшельницей подъ родительскою кровлей, и некому ей было вѣрить своей задушевной тайны. Не было у ней искренняго друга именно тогда, когда всего болѣе былъ для нея нуженъ искренній другъ. Она не могла рассказывать старушкѣ-матери о своихъ опасеніяхъ и заботахъ; будущія золовки чуждались ее съ каждымъ днемъ больше и больше. И были у ней такія зловѣщія предчувствія, сомнѣнія и опасенія; въ которыхъ она не могла признаться даже самой себѣ; хотя они уже давно томили и терзали ея душу.

Ея сердце продолжало жить вѣрой и надеждой, что Джорджъ Осборнъ еще достоинъ ея, еще вѣренъ своей невѣстѣ, хотя разсудокъ громко убѣждалъ ее въ противномъ. Какъ часто она говорила и писала ему, не получая въ отвѣтъ ни од-

ного разумнаго слова! Его эгоизмъ и равнодушiе становились слишкомъ очевидны, даже для глазъ ослѣпленныхъ любовью. Кому же несчастная страдалица ввѣрить исторiю своей ежедневной пытки и борьбы? Самъ ея герой понималъ ее, можетъ-быть, только вполонину, если не меньше. Она не хотѣла и не смѣла признаться себѣ самой, что человекъ, котораго она полюбила, стоитъ гораздо ниже ея, и что она слишкомъ поторопилась вручить ему свое сердце. Миссъ Амелiя была слишкомъ скромна, нѣжна, слишкомъ довѣрчива, слова, слишкомъ *женщина* для того, чтобъ по произволу измѣнять обѣты, разъ навсегда произнесенные ея сердцемъ.

Такъ проходила затворническая жизнь миссъ Амелiи Седли, когда, въ мартѣ мѣсяцѣ, тысяча-восемьсотъ-пятнадцатаго года, Наполеонъ Бонапарте высадился при Каннахъ, и вся Европа забарабанила тревогу, и фонды упали на лондонской биржѣ, и старикъ Джонъ Седли разорился.

Мы не намѣрены идти за почтеннымъ негоціантомъ черезъ всѣ мытарства, которымъ онъ долженъ былъ подвергаться на пути къ окончательному разоренiю. Его огласили на королевской биржѣ – онъ не явился; векселя его были предъявлены, и банкротство сдѣлалось формальнымъ. Движимое и недвижимое имѣнiе на Россель-Скверѣ подвергнули аресту и продали съ молотка. Джонъ Седли и его семейство удалились, какъ мы видѣли, приклонить свои головы, гдѣ Богъ послалъ.

Само-собою разумѣется, что несчастный банкротъ не мо-

гъ болѣе держать въ своемъ домѣ слугъ и служанокъ, которыхъ имена появлялись по временамъ на этихъ страницахъ. Всѣ эти достойныя особы были удовлетворены сполна, и Джонъ Седли наградилъ ихъ съ джентльменскою щедростью, которую часто въ его положеніи обнаруживаютъ люди, обремененные только огромными долгами. Имъ было очень жаль покинуть теплыя мѣста; но никто, однакожъ, не обнаружилъ отчаянной грусти при разставаньи съ великодушными господами. Горничная Амеліи заплакала немного, йялуя свою барышню въ послѣдній разъ, но скоро успокоилась совершеннойшимъ образомъ, когда удалось ей приискать доброе мѣстечко въ джентльменскомъ кварталѣ англійской столицы. Чорный Самба, очертя голову, рѣшилъ завести харчевню, и заведеніе его красуется донынѣ въ одномъ изъ лондонскихъ предмѣстій. Честная старушка, мистриссъ Бленкиншопъ, видѣвшая на Россель-Скверѣ рожденіе Джозефа и Амеліи, и даже присутствовавшая на свадьбѣ Джона Седли и его жены, осталась безъ жалованья при своихъ господахъ, такъ-какъ, съ теченіемъ времени, ей удалось сколотить деньжонокъ на чорный день. Она послѣдовала за несчастными людьми въ ихъ скромное убѣжище, продолжала служить имъ вѣрой и правдой, и ворчала повременамъ на мистриссъ Седли.

Безпрестанныя столкновенія и споры съ кредиторами измучили бѣднаго старика до такой степени, что, въ продолженіе какихъ-нибудь шести недѣль, онъ постарѣлъ гораздо

болѣе, чѣмъ прежде въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. При этихъ столкновеніяхъ и спорахъ, самымъ неумолимымъ и упорнымъ его оппонентомъ оказался Джонъ Осборнъ, старый его другъ, сосѣдь и кумъ, — Джонъ Осборнъ, котораго онъ вывелъ въ люди, поставивъ на гладкую дорогу въ коммерческомъ мірѣ, — который былъ ему обязанъ тысячу разъ, и который, наконецъ, помолвилъ своего сына на дочери Седли. Чѣмъ же могутъ быть объяснены враждебныя чувства Джона Осборна?

Если, примѣромъ сказать, два задушевные пріятеля, изъ которыхъ одинъ былъ одолженъ другому сотню тысячъ разъ, столкнулись какъ-нибудь между собою на базарѣ житенской суеты и поссорились изъ-за какой-нибудь погремушки, то благодѣтельствованный другъ нерѣдко преслѣдуетъ своего благодѣтеля гораздо строже, чѣмъ всякій посторонній врагъ или соперникъ. Въ такихъ случаяхъ, чтобы оправдать свое собственное жестокосердіе и неблагодарность, онъ непремѣнно доказываетъ вину противной стороны. Онъ не эгоистъ, не сердится, что спекуляція не удалась — нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ — но его бѣснуетъ собственно то обстоятельство, что товарищъ завлекъ его въ эту спекуляцію съ самыми низкими намѣреніями, которыхъ, разумѣется, онъ отнюдь не подозревалъ въ его черной душѣ. Такимъ образомъ, задушевный пріятель старается доказать, что несчастный его партнеръ — низкій человѣкъ съ головы до ногъ, иначе, пожалуй, легко подумаютъ, что онъ самъ плутъ первой руки.

Притомъ, въ коммерческомъ мірѣ, какъ всѣмъ извѣстно, существуетъ общее правило, удобно располагающее кредиторовъ къ строгости, – правило, что люди въ затруднительныхъ обстоятельствахъ рѣдко ведутъ себя съ безукоризненною честностію. Почти всегда они скрываютъ что-нибудь, преувеличиваютъ вѣроятность счастливой удачи, рискуютъ зажмурия глаза и очертя голову, утаиваютъ настоящее состояніе вещей, говорятъ, что дѣла ихъ процвѣтаютъ, между-тѣмъ какъ нѣтъ для нихъ ни малѣйшей надежды; они улыбаются (и что это за кислая улыбка!) на краю банкротства, готовы воспользоваться всякимъ предлогомъ для отсрочки платежа, и даже безсовѣстно вступаютъ въ новые долги, чтобы отдалить по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней неизбѣжную гибель.

– Прочь, прочь... дурная трава изъ поля вонь! кричалъ торжествующій кредиторъ, обременя проклятіями своего погибающаго врага. Пусть онъ пропадаетъ какъ собака. Мы не обязаны потакать безчестнымъ людямъ.

– Глупецъ! зачѣмъ ты хватаешься за соломенку? говорилъ спокойный здравый смыслъ утопающему челоуѣку.

– Негодный, жалкій челоуѣкъ! долго ли ты будешь вилать и увертываться отъ неизбѣжной необходимости вписать свое имя на столбцѣ роковой газеты? говоритъ процвѣтающій счастливецъ коммерческаго міра оторопѣвшему горемыкѣ, поставленному на край мрачной бездны.

Джонъ Осборнъ преслѣдовалъ своего задушевнаго дру-

га съ отчаяннымъ упорствомъ закоснѣлаго врага. Ктому же, надлежало ему окончательно разорвать тѣсную связь между дочерью Седли и своимъ собственнымъ сыномъ, и такъ-какъ обѣ фамиліи зашли слишкомъ далеко въ этомъ дѣлѣ, компрометируя нѣкоторымъ образомъ счастье и даже нравственный характеръ бѣдной дѣвушки, то необходимо было выставить сильнѣйшія причины для такого разрыва, и Джонъ Осборнъ, во что бы ни стало, долженъ былъ доказать, что поведеніе Джона Седли никуда не годится.

Такимъ образомъ, на биржѣ, въ присутствіи кредиторовъ, Джонъ Осборнъ обнаруживалъ отчаянное презрѣніе къ Джону Седли, и это почти совсѣмъ доканало разбитое сердце погибающаго челоѣка. Всякія сношенія Джорджа съ миссъ Амеліей были запрещены строжайшимъ образомъ, подѣ опасеніемъ отеческихъ проклятій, если молодой челоѣкъ, сверхъ чаянія, задумаетъ опять сдѣлаться внимательнымъ къ своей бывшей невѣстѣ. Произнося это непреложное veto, Джонъ Осборнъ не посовѣстился оклеветать невинную дѣвушку, называя ее легкомысленной и вѣтреной кокеткой, заслуживающей полнаго презрѣнія со стороны порядочнаго джентльмена. Гнѣвъ и ненависть отличаются, между-прочимъ, тѣмъ оригинальнымъ свойствомъ, что клеветникъ, съ теченіемъ времени, самъ начинаетъ мало-по-малу вѣрить въ справедливость своихъ наговоровъ и сплетней. Джонъ Осборнъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, убѣжденъ, что Амелія пренегодная дѣвчонка.

Когда совершилась роковая катастрофа, и несчастное семейство банкрота переѣхало изъ Россель-Сквера къ Аделаидинымъ вилламъ, Амелія должда была увидѣть, что все кончилось между нею и Джорджемъ. Джонъ Осборнъ потрудился написать къ ней собственноручное письмо, гдѣ, въ грубыхъ выражегіяхъ, извѣщаль молодую дѣвушку, что *отнынь и впредь навсегда имѣютъ быть прекращены всякія обязательства между двумя фамиліями, поелику господинъ Джонъ Седли, къ великому огорченію и соболъзнованію, обнаружилъ, въ послѣднее время, многія качества и свойства, несовмѣстныя съ достоинствомъ истиннаго джентльмена.* Всѣ эти удары молодая дѣвушка перенесла съ такою твердостію, какой вовсе не ожидала отъ нея мистриссъ Седли (старикъ Джонъ мало думаль о своей дочери; голова его исключительно была занята собственными дѣлами, бросавшими мрачную тѣнь на его коммерческую честь и доброе имя). Амелія прочитала письмо старика Осборна съ холоднымъ спокойствіемъ и грустной улыбкой на устахъ. Оно только служило для нея подтвержденіемъ мрачныхъ предчувствій, уже давно бременившихъ ея душу. Она прочитала себѣ приговоръ за преступленіе, въ которомъ давно была виновата, и приговоръ этотъ казался справедливымъ; зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она любила слишкомъ сильно, наперекоръ внушеніямъ разсудка? И теперь, какъ прежде, бѣдная дѣвушка не обнаруживала своихъ мыслей. Горькая чаша ея страданій уже давно была наполнена до самага края, и послѣднія событія

не прибавили къ ней ни одной капли. Такимъ образомъ, она перебралась изъ большого дома въ маленькую хижину безъ всякихъ взрывовъ болѣзненной тоски. Большую часть времени, теперь какъ и прежде, она оставалась въ своей маленькой комнатѣ, предавалась безмолвной грусти, и таяла какъ свѣчка со дня на день.

Изъ этого, однакожь, вовсе не слѣдуетъ, что всѣ женщины, при подобныхъ обстоятельствахъ, ведутъ себя совершенно одинаковымъ образомъ. Вы, на примѣръ, милая моя миссъ Буллокъ, отнюдь ие стали бы крушить и томить своего джентльменскаго сердца. Вы принадлежите къ числу женщинъ съ твердою душою, и у васъ есть свой неизмѣнныя правила. Я съ своей стороны тоже, мнѣ кажется, не сталъ бы мучиться по пустякамъ; сердце мое довольно настрадалось на своемъ вѣку; и, признаюсь, я съ успѣхомъ вынырнулъ изъ омута страданій. Но есть на свѣтѣ созданія чрезвычайно слабыя, съ хрупкими, деликатными и до крайности нѣжными сердцами.

Старикъ Джонъ Седли рѣдко думалъ о сношеніяхъ между Джорджемъ и Амеліей; но когда случалось ему намекать на этотъ пунктъ, онъ становился чрезвычайнаго мрачнымъ и выходилъ, бывало, изъ себя, также какъ самъ господинъ Осборнъ. Онъ проклиналъ Осборна и все его семейство, какъ бездушное, безнравственное и въ высшей степени неблагодарное. Никакія силы и власти, клялся онъ, не заставятъ его выдать свою дочь за сына этого негодяя, и на этомъ основаніи

онъ приказаль Амеліи выгнать Джорджа изъ своей души, и возвратить ему всѣ полученныя отъ него письма и подарки.

Амелія обѣщалась повиноваться, и тутъ же, не дѣлая значительныхъ усилій надъ своимъ сердцемъ, взяла изъ своей шкатулки двѣ или три бездѣлки, полученныя въ подарокъ, но когда дѣло дошло до писемъ, она вынула ихъ изъ таинственнаго убѣжища, гдѣ они хранились, и начала читать ихъ, всѣ до одного, читать пристально, благоговѣйно, какъ-будто и безъ того она не знала ихъ наизусть. Неужели ей разстаться съ этимъ единственнымъ сокровищемъ отъ прежней жизни? Нѣтъ, это свѣше ея силъ. Она положила ихъ опять на свою грудь, какъ мать, которая, случалось ли вамъ видѣть это? — прижимаетъ къ своимъ устамъ и лелѣетъ на своихъ рукахъ умершаго младенца. Амелія почувствовала, что она умретъ или сойдетъ съ ума, какъ-скоро судьба лишитъ ее и этого послѣдняго утѣшенія. Какъ, бывало, она краснѣла и расцвѣтала, когда приходили эти письма! Какъ билось ея сердце, и съ какою торопливостью она убѣгала въ свою комнатку, чтобы прочесть ихъ наединѣ, втихомолку! Нѣтъ нужды, что они были иной разъ холодны какъ ледъ; любящее сердце молодой дѣвушки съ непостижимымъ искусствомъ умѣло открывать въ нихъ искры пламенной и нѣжной страсти. Случалось, черезъ нихъ проглядываль какой-то странный и наглый эгоизмъ, нѣтъ нужды: Амелія всегда умѣла извинить своего благороднаго и великодушнаго друга.

И надъ этими ничтожными бумагами задумывалась те-

перь молодая дѣвушка, не зная себѣ покоя ни днемъ ги ночью! Она жила въ своей прошедшей жнзни, а каждое письмо припоминало ей какую-нибудь подробность изъ походовъ возлюбленнаго друга. Какъ хорошо она помнила его рѣчь и взоры, его костюмъ. Всѣ его жесты при томъ или другомъ свиданіи! И Джорджъ Осборнъ не существуетъ болѣе для миссъ Амеліи Седли! Его письма – единственные остатки затухшей страсти и единственное занятіе ея жизни. Она будетъ ихъ читать и перечитывать до послѣдняго вздоха ея груди.

На смерть смотрѣла она съ невыразимою отрадой. Тамъ, за могилой, думала Амелія, ни что мнѣ не помѣшаетъ слѣдовать за нимъ.

Не думайте однакожь, что я пишу панегирикъ этой героинѣ или выставляю ее за образецъ подражанія для пріятельницы моей, миссъ Буллокъ. Сія послѣдняя дѣвица не нуждается въ моихъ совѣтахъ, и превосходно знаетъ, какъ, въ томъ или другомъ случаѣ, должно сообщать направленіе своимъ джентльменскимъ чувствамъ. Миссъ Буллокъ никогда бы не довела себя до тѣхъ крайностей, въ которыя, по неопытности и неблагоразумію, была вовлечена миссъ Амелія Седли. Что за расчетъ отдать невозвратно свою любовь, пожертвовать своимъ сердцемъ, не имѣя впереди ничего, кромѣ голословнаго обѣщанія, которое можно нарушить въ одну минуту?

Еслибъ Амелія могла слышать, какія комментаріи дѣлались на ея счетъ въ джентльменскомъ кругу, откуда она из-

гнана банкротствомъ отца, она увидѣла бы, въ чемъ состояло ея преступленіе, затмѣвавшее ея нравственный характеръ. Мистриссъ Смитъ положительно была увѣрена, что такой вѣтренгицы свѣтъ не производилъ; мистриссъ Браунъ всегда, можно сказать, съ ужасомъ смотрѣла на такую страшную фамилярность съ молодымъ человѣкомъ, и всегда на этотъ счетъ предостерегала своихъ милыхъ дочерей.

– Ну, разумѣется, не жениться же капитану Осборну на дочери банкрота, говорили дѣвицы Доббинъ. Довольно и того, что фамилія обманута отцомъ. Чтожь касается до этой малютки, Эммы, глупость ея ужъ право превосходила все...

– Все... что? заревѣлъ кептенъ Доббингъ. Развѣ они не были помолвлены съ дѣтскихъ лѣтъ? И чемъ, желалъ бы я знать, неровень этотъ бракъ? Какая безумная душа осмѣлится заикнуться дерзкимъ словомъ противъ этого чистаго, невиннаго, нѣжнаго созданія— противъ этого ангела въ женскожь тѣлѣ?

– Потише, Вилльямъ, потише, сударь, мы не мужчины, возразила миссъ Дженни. Мы не можемъ сражаться съ вами. И что жъ такое? Мы ничего не сказали противъ миссъ Седли, кромѣ того, что ея поведеніе было *до крайности неблагоразумно* – чтобъ не называть его худшимъ именемъ – и что ея родители принадлежать къ извѣстной породѣ людей, которые вполнѣ заслужили свое несчастье.

– Ужь не хочешь ли ты самъ, Вилльямъ, посвататься за миссъ Седли? спросила миссъ Анна саркастическимъ тоно-

мъ: въ добрый часъ; сердце ея свободно. Хи, хи, хи! Какая чудесная партія... хи! хи!

— Мнѣ жениться на миссъ Седли! воскликнуть Доббинъ, красный какъ жареный гусь, и съ трудомъ удерживая порывы сильнѣйшаго негодованія. Думаете ли вы, милостивыя государины, что она способна играть своими чувствами, такъ же какъ вы? Смѣйтесь надъ этимъ ангеломъ, подскрывайте надъ нимъ сколько угодно, она васъ не услышитъ. Какъ тутъ не смѣяться? она беззащитна и несчастна, слѣдовательно, вы можете обижать ее вдоволь. Ну, миссъ Анна, продолжайте: вы шутите очень мило, и всѣ мы съ удовольствіемъ слушаемъ ваши остроты.

— Говорю тебѣ опять, Вилльямъ, мы не мужчины, замѣтила миссъ Анна.

— Да, клянусь честью, я очень жалѣю, что все это мнѣ сказано не мужчиною, проревѣлъ этотъ неукротимый британскій левъ. Еслибъ какой-нибудь мужчина осмѣлился произвести противъ нея обидное слово, я увидѣлъ бы, чортъ побери, какой у него лобъ, чугунный или мѣдный. Но мужчины не говорятъ такихъ вещей, миссъ Анна, женщины однѣ только умѣютъ шушукать, пищать, визжать и сплетничать, какъ-скоро рѣчь заходитъ о женщинѣ... Ну, опять пойдетъ потѣха... полно, полно. Я вѣдь только назвалъ васъ гусынями, продолжалъ Вилльямъ Доббинъ, замѣтивъ, что розовыя глазки миссъ Анны отуманиваются обыквенной влагой. Ну, ну, вы не гусыни, вы лебеди... все что хотите, толь-

ко, пожалуїста, оставьте въ покоѣ миссъ Седли.

— Уму непостижимо, отчего это Вилльямъ привязался къ этой востроносой кокеткѣ! думали единодушно мистриссъ Доббинъ и всѣ ея дочки. Для такой глупости и примѣровъ не сыщется на бѣломъ свѣтѣ.

И на этомъ основаніи, онѣ трепетали единосердечно, воображая, что хитрая кокетка, брошенная Осборномъ, завербуетъ себѣ новаго обожателя въ лицѣ одурѣлаго Вилльяма Доббина. Имъ было извѣстно, что такіе опыты производились весьма часто въ кругу ихъ знакомокъ, и — почему знать? — быть-можетъ онѣ сами поступили бы точно такимъ образомъ на мѣстѣ бѣдной дѣвушки, покинутой своимъ женихомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, предчувствія ихъ могли основываться на собственномъ ихъ понятіи о подобныхъ опытахъ.

— Это еще слава Богу, мама, что полкъ ихъ скоро выступаетъ за границу, говорили молодая дѣвицы: авось это, по крайней мѣрѣ на время, освободитъ брата отъ сѣтей кокетки.

Дѣло, въ самомъ дѣлѣ, получало именно такой оборотъ, скоро возведенный на стень историческаго факта. По распоряженію судьбы, корсиканскій выходецъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ этой домашней драмѣ, разыгрываемой на базарѣ житейской суеты; ей бы и не кончиться безъ могущественнаго содѣйствія этого великаго героя въ политическомъ мірѣ. Наполеонъ рѣшительно разорилъ въ конецъ господина Джона Седли. Съ его прибытіемъ, вся

Франція стала подъ ружье, Европа заколыхалась, и, что всего хуже, фонды рѣшительно упали на лондонской биржѣ. Между тѣмъ какъ Французы группировались на Майскомъ полѣ подъ побѣдоносными орлами, четыре европейскіе гиганта готовились устроить *chasseà l'aigle*, и одинъ изъ нихъ явился въ британской арміи, гдѣ между-прочимъ были два знаменитые героя: кептенъ Доббинъ и капитанъ Осборнъ.

Новость о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы и пріемъ, оказанный ему въ столицѣ Франціи, преисполнили огненнымъ энтузіазмомъ весь Трильйонный полкъ, еще такъ недавно отличавшійся своими похождениями по ту сторону океана. Благородное честолюбіе, надежда, патріотическое рвеніе восиламенили всѣхъ, отъ полковника до послѣдняго барабанщика, и каждый готовъ былъ поблагодарить лично отъ себя корсиканскаго выходца за его неугомонную юркость. Уже давно Трильйонный полкъ горѣлъ нетерпѣніемъ доказать своимъ товарищамъ въ британской арміи, что вестиндскій зной и желтая лихорадка не истребили въ немъ порывовъ мужества и чести, и вотъ наступила наконецъ желанная пора для подвиговъ великихъ. Стоббль и Спуни надѣялись, безъ всякихъ хлопотъ, получить слѣдующій чинъ, майорша Одаудъ надѣялась, въ концѣ компаніи, подписываться мистриссъ полковницей Одаудъ Трильйоннаго полка. Пріятели наши, Доббинъ и Осборнъ, раздѣляли, каждый по своему, всеобщій восторгъ: Доббинъ былъ спокоенъ, тихъ и важенъ, мистеръ Осборнъ беззаботно предавался увлеченію

пылкаго чувства, и оба въ одинаковой степени готовы были исполнить свою обязанность на полѣ чести и славы.

Волненіе, произведенное повсюду свѣжимъ политическимъ событіемъ, было такого рода, что въ столицѣ почти не обращали вниманія на частныя дѣла, и вотъ почему собственно Джорджъ Осборнъ, занятый приготовленіями къ неизбежно-предстоявшему походу, пропускалъ почти мимо ушей всѣ другія событія, которыя, нѣтъ сомнѣнія, были бы для него интересны въ мирное время. Сказать правду, онъ не слишкомъ огорченъ былъ катастрофой, разразившейся надъ головою добраго мистера Седли. Онъ имѣлъ поэтическое совѣщаніе съ своимъ портнымъ въ тотъ самый день, когда кредиторы въ первый разъ обступили этого несчастнаго джентльмена. Старикъ-отецъ рассказалъ ему о *постыдно-мъ и безчестномъ поведеніи банкрота*, намекнулъ деликатнымъ образомъ о необходимости прервать всякія сношенія съ легкомысленной дѣвочкой, и, въ заключеніе, далъ ему въ тотъ вечеръ значительную сумму денегъ для закупки разныхъ разностей, необходимыхъ для похода, Джорджъ принялъ деньги съ великимъ удовольствіемъ, и пожелалъ своему родителю спокойной ночи. Печатныя объявленія уже висѣли надъ окнами дома Седли, гдѣ онъ провелъ многое множество пріятныхъ часовъ. Джорджъ ясно разсмотрѣлъ ихъ при свѣтѣ луны, когда проходилъ мимо этого дома на свою городскую квартиру. Стало-быть, гостепріимный домъ былъ запертъ для бѣдной Эмми и родителей ея; куда жъ они

дѣвались, и гдѣ ихъ настоящій пріютъ? Мысль о погибели несчастнаго семейства произвела непріятное впечатлѣніе на его душу. Джорджъ былъ въ этотъ вечеръ очень задумчивъ и печалень въ общей залѣ гостинницы «Пестраго Быка», гдѣ была его квартира, и пилъ слишкомъ много, такъ-что это обратило на него вниманіе товарищей, сидѣвшихъ за общимъ столомъ.

Скоро пришелъ Доббинъ, и заботливой рукою отстранилъ отъ него четвертый или пятый стаканъ пунша, который онъ велѣлъ подать себѣ собственно отъ скуки; но когда другъ Доббинъ обнаружилъ намѣреніе вступить съ нимъ въ серьезный разговоръ, Осборнъ отклонился отъ всякихъ отвѣтовъ, и признался, что ему чертовски грустно.

Черезъ три дня, Доббинъ засталъ своего друга въ его комнатѣ. Осборнъ сидѣлъ, облокотившись руками на столъ, заваленный газетными листами, и былъ, казалось, погруженъ въ мрачное раздумье,

– Что съ тобою, мой другъ? съ безпокойствомъ спросилъ кептенъ Доббинъ.

– Она... она прислала мнѣ назадъ... мои подарки... вотъ эти. демонскія побрякушки. Посмотри сюда! Доббинъ взглянулъ на пакетъ съ надписью: «Капитагу Джорджу Осборну». Надпись была сдѣлана извѣстною рукою. Подлѣ пакета въ безпорядкѣ лежали: золотое колечко, серебряный перочинный ножикъ, купленный для нея на ярмаркѣ Джорджемъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ, золотая цѣпочка и миньятюр-

ный медальйонъ съ волосами.

– Все кончено! сказалъ Осборнъ съ глубокимъ стономъ, вызваннымъ, вѣроятно, угрызеніемъ совѣсти. Вотъ тебѣ, Вильямъ, читай, если хочешь.

Онъ подаль ему небольшое письмо изъ нѣсколькихъ строкъ. Доббинъ прочиталь:

«Папенька приказаль мнѣ возвратить вамъ всѣ сій подарки, полученные отъ васъ въ счастливые дни моей жизни. Я пишу къ вамъ въ послѣдній разъ. Не сомнѣваюсь, вы также какъ я чувствуете всю силу поразившаго насъ удара. Я первая разрѣшаю васъ отъ обязательства, котораго исполненіе невозможно при настоящей бѣдности нашего семейства. Я увѣрена также, что вы не раздѣляете жестокихъ подозрѣній господина Осборна, котораго, быть-можетъ, всего болѣе сокрушаютъ разбитое сердце моего отца. Прощайте. Прощайте. Стану молиться Богу, чтобы онъ подкрѣпляль меня среди всѣхъ этихъ несчастій, и благословиль васъ навсегда. А.

«Я буду играть на фортепьяно, – на вашемъ фортепьяно. Какъ это мило съ вашей стороны прислать мнѣ эту – теперь уже единственную мою драгоценность!»

Доббинъ былъ джентльменъ удивительно нѣжный. Взглядъ на страдающихъ дѣтей или женщинъ всегда приводилъ его въ трогательное умиленіе. Мысль, что Амелія скорбитъ душевно и томится въ своемъ одиночествѣ, переполняла его душу невыразимою тоской, и онъ обнаружилъ такіе признаки внутренняго волненія, которые, быть-можетъ,

не совсѣмъ приличны мужу съ характеромъ рѣшительнымъ и твердымъ. Онъ клялся, что Амелія – небесный ангель, и съ этимъ мнѣніемъ Джорджъ согласился теперь отъ чистаго сердца. Еще разъ мистеръ Осборнъ пересмотрѣлъ исторію ихъ общей жизни, и воображеніе нарисовало ему картину этой дѣвушки съ дѣтскихъ ея лѣтъ до перваго цвѣта роскошной юности: всегда и вездѣ такъ она мила, невинна, очаровательно-простодушна и безыскусственно-нѣжна!

И неужели онъ долженъ потерять все это тогда, какъ ему ничего не стоило овладѣть сокровищами этой юной души?.. Тысячи нѣжныхъ сценъ и воспоминаній пронеслись передъ его умственнымъ взоромъ: вездѣ, всегда и во всемъ она была прелестна и добра. А онъ?.. мистеръ Джорджъ Осборнъ покраснѣлъ отъ стыда и угрызений, когда собственный его эгоизмъ и равнодушіе пришли въ контрастъ съ этой совершеннѣйшей чистотою. Онъ забылъ теперь шумныя явленія въ политическомъ мірѣ, забылъ свой честолюбивые планы, и друзья начали разсуждать только о дочери банкрота.

– Гдѣ они теперь? спросилъ Осборнъ послѣ продолжительной бесѣды и длинной паузы.

Надобно сказать къ его стыду, что, съ нѣкотораго времени, онъ совершенно выпустилъ изъ вида свою невѣсту, и не зналъ, куда переселилось несчастное семейство Джона Седли.

– Гдѣ они теперь? къ письму не приложенъ адресъ.

Доббинъ зналъ гдѣ они. Онъ не только отослалъ къ ни-

мъ фортепьяно, но въ добавокъ отправилъ, по городской почтѣ, письмо къ мистриссъ Седли, испрашивая позволеніе навѣщать ихъ на знаменитыхъ Виллахъ Аделаиды. И не далѣе какъ вчера онъ видѣлъ добрую старушку, видѣлъ миссъ Амелію и, что всего важнѣе, самъ принесъ въ гостинницу «Пестраго Быка» это прощальное письмо и пакетъ, которые такъ глубоко растрогали душу и сердца обоихъ друзей.

Добросердечный джентльменъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что мистриссъ Седли изъявила полную готовность принять его радушно, какъ одного изъ короткихъ пріятелей, навѣщавшихъ ея гостепріимный домъ на Россель-Скверѣ. Старушка находилась еще подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній послѣ прибытія фортепьяно, которое, какъ она догадывалась, прислалъ Джорджъ въ знакъ памяти и дружбы. Не считая нужнымъ исправлять эту ошпбку достойной леди, кептенъ Доббинъ выслушалъ внимательно ея длинную и жалобную повѣсть, соболѣзновалъ ея лишеніямъ. и бѣдствіямъ, и вполнѣ согласился, что старикъ Осборнъ обнаружилъ черную неблагодарность къ своему благодѣтелю и другу. Когда наконецъ мистриссъ Седли поугомонилась въ изліяніи сердечной грусти, Доббинъ осмѣлился попросить позволеніе засвидѣтельствовать лично свое почтеніе миссъ Амеліи, которая, какъ-обыкновенно, была всегда наверху въ своей одинокой каморкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, мать свела ее съ лѣстницы, и бѣдняжка вошла въ комнату, трепещущая и блѣдная какъ полотно.

Ея могильная наружность и мрачныя черты отчаянія на всей ея фигурѣ были такъ поразительно-рѣзки, что благородный Вильямъ Доббинъ затрепеталъ при взглядѣ на юную страдалицу, и ясно разобралъ на ея челѣ роковые слѣды зловѣщихъ предчувствій. Она посидѣла съ нимъ минуты двѣ или три, и потомъ, вручая ему пакетъ, проговорила голосомъ нерѣшительнымъ и слабымъ:

— Потрудитесь отдать это капитану Осборну и... и я надеюсь, что онъ совершенно здоровъ и... это очень любезно, что вы пожаловали къ намъ и... и мы всѣ полюбили нашъ новый домикъ, и намъ здѣсь хорошо. И... и... я пойду наверхъ, мама, потому, что... такъ... мнѣ что-то не здоровится сегодня. Прощайте, капитанъ.

Съ этими словами, миссъ Амелія сдѣлала книксенъ, улыбнулась, и побрела назадъ въ свою каморку. Мать, провожая ее наверхъ, бросила на Доббина взглядъ, исполненный отчаянной тоски; но великодушный джентльменъ не нуждался въ такомъ безмолвномъ обращеніи къ себѣ; онъ самъ любилъ ее слишкомъ нѣжно, чтобы не сочувствовать ея горю. Невыразимая грусть, соболѣзнованіе, страхъ, глубоко заронились въ его душу, и онъ поспѣшилъ удалиться изъ этого пріюта нищеты и скорби.

Какъ-скоро мистеръ Осборнъ услыхалъ, что пріятель его знаетъ, гдѣ они живутъ, вопросы его обнаружили нетерпѣніе и пылкость пробудившейся страсти. Какъ онъ ее видѣлъ? Въ какомъ положеніи засталъ? Что она дѣлала? Что говорила?

Кептенъ Доббинъ взялъ его руку, пристально взглянулъ ему въ лицо, и сказалъ:

— Джорджъ! Она умираетъ!

Больше ничего не могъ вымолвить кептенъ Доббинъ.

Во всемъ домѣ, гдѣ пріютилось несчастное семейство банкрота, была только одна служанка, бойкая ирландская дѣвушка, исправлявшая всѣ обязанности горничной и кухарки. Нѣсколько дней сряду она старалась утѣшить свою барышню и разогнать ея тоску своею болтовней; но Эмми ничего не отвѣчала; едва-ли даже и знала она какія попытки дѣлаются въ ея пользу другими людьми.

Часа черезъ четыре послѣ дружескаго разговора между Доббиномъ и Осборномъ, дѣвушка-ирландка вбѣжала въ комнату Амеліи, гдѣ она вѣчно сидѣла надъ своими письмами, читая и перечитывая ихъ сотню тысячъ разъ. Дѣвушка улыбнулась, бросила веселый и лукавый взглядъ, и даже затянула какую-то пѣсню, чтобы обратить на себя вниманіе бѣдной Эмми, которая однакожь ничего не видала и не слышала.

— Миссъ Эмми! закричала ирландка.

— Иду, отозвалась Эмми, не оглядываясь назадъ.

— Пришли къ вамъ, продолжала веселая дѣвушка. Тамъ внизу понимаете? кто-то спрашиваетъ васъ, и вотъ къ вамъ новое письмо... перестаньте читать старыя, миссъ Эмми.

И она подала ей записку, въ которой Эмми прочла слѣдующія слова:

«Я долженъ васъ видѣть. Милая, обожаемая Эмми...
жизнь моя... любовь моя... ангель Эмми, прійди ко мнѣ.»

Джорджъ и мистриссъ Седли разговаривали внизу, пока читалось на верху это новое письмо.

Глава XVIII

Миссъ Кроли подъ опекой въ своей спальнѣ

Мы уже видѣли, что мистриссъ Фиркинъ, горничная и до-
вѣренное лицо старой дѣвицы, считала своею неперемѣнною
обязанностию писать отношенія, доклады и рапорты въ пас-
торатъ на «Королевиному усадьбу» по поводу всякаго, сколь-
ко-нибудь замѣчательнаго событія на Парк-Ленѣ, и мы на-
мѣкнули отчасти, что сама мистриссъ Бьютъ, по добротѣ сво-
его сердца, оказывала особое вимманіе и благосклонность къ
этому довѣренному лицу при особѣ миссъ Матильды Кроли.
Мистриссъ Бьютъ была тоже до крайности добра къ благо-
родной компаньонкѣ, мистриссъ Бриггсъ, и привлекла ее на
свою сторону множествомъ тѣхъ неуловимыхъ признаковъ
внимательности и мелкихъ обѣщаній, которыя ничего почти
не стоятъ предлагающему лицу, между тѣмъ какъ принима-
ющая особа дорожить имъ чуть ли не болѣе всего на свѣтѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякой расчетливый хозяинъ и обра-
зованный домоуправитель долженъ знать превосходно, какъ
къ намъ дешево, въ извѣстныхъ случаяхъ, обходятся тѣ сла-
денькія приправы, которыя сообщаютъ самый благовонный
запахъ и пріятный вкусъ обыкновеннымъ блюдамъ въ до-
машней жизни. Желалъ бы я знать, какой это чудакъ выду-

маль пословицу – «Соловья баснями не кормят?» Мнѣ извѣстно по многочисленнымъ опытамъ, собраннымъ на рынкѣ житейскихъ треволненій, что одной хорошей басней можно иной разъ угостить цѣлыя сотни соловьевъ и соловьихъ. Пословица «Сухая ложка ротъ дереть» тоже никуда не годится, и по моему мнѣнію, тотъ былъ простакъ, кто первый пустилъ ее въ ходъ. Превосходный поварь, такой, на примѣръ, какъ безсмертный Алексисъ Сойе, можетъ, если захочетъ, накормить васъ за полпени въ тысячу разъ лучше, чѣмъ какая-нибудь кухарка, которую вы снабдили, за фунтъ стерлинговъ, разнообразными пряностями и кореньями съ травянаго рынка. Такъ и въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ: опытный артистъ извернется двумя или тремя сладенькими фразами тамъ, гдѣ для какого-нибудь вахлака потребны цѣлыя тетради увѣсистыхъ троповъ и фигуръ. Этого мало: увѣсистыя приправы, какъ всѣмъ извѣстно, тяготятъ и разстроиваютъ желудокъ, между тѣмъ какъ всякій удобно переваритъ легкую пищу изъ простѣйшихъ элементовъ.

Мистриссъ Бьютъ, мы это видѣли, была превосходная хозяйка, рѣдкая мастерица своего дѣла. Въ короткое время она употчивала Бриггсъ и мистриссъ Фиркинъ до такой степени, что онѣ были безъ ума отъ ея хлѣбосольтва, хотя; собственно говоря, ничего не было на ея етолѣ, кромѣ соловьиныхъ басень. Не проходило дня, когда бы мистриссъ Бьютъ не говорила имъ о своей глубокой привязанности, и о томъ, чтобы она сдѣлала для нихъ, еслибы имѣніе старушки нахо-

дилось въ ея рукахъ. Почтенныя старушки слушали развѣся уши, и сердобольныя сердца ихъ проникались такою благодарностью, какъ-будто мистриссъ Бьють осыпала ихъ драгоценнѣйшими сокровищами изъ всѣхъ частей свѣта.

Родонъ Кроли, напротивъ того, какъ джентльмень, до крайности недалновидный, никогда не старался завербовать на свою сторону тетушкиныхъ адъютантовъ. Онъ оказываль искреннее презрѣнiе къ обѣимъ дамамъ: разъ или два, — гдѣ это видано? гдѣ это видано? заставляль довѣренную особу снимать сапоги съ своихъ ногъ, посылалъ ее въ дождь и слякоть съ грязными порученiями въ какую-нибудь табачную лавчонку, и если когда-нибудь онъ даваль ей какую-нибудь гинею, то эти деньги, съ позволенiя сказать, звучали словно пощечиной въ ушахъ достопочтенной мистриссъ Фиркинъ. Тетушка его всегда издѣвалась надъ миссъ Бриггсъ, и благородная компаньонка служила постоянною мишенью всѣхъ ея шутокъ: кептенъ Кроли, увлеченный благимъ примѣромъ, не отставалъ отъ своей тѣтушки, и остроумныя его шуточки были столько же деликатны, какъ ляганье его кургузаго коня. Мистриссъ Бьють между тѣмъ совѣтовалась съ благородной гувернанткой во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, рассуждала съ нею о поэзiи и превозносила похвалами ея собственныя издѣлiя по стихотворной части. Случалось, хотя довольно рѣдко, мистриссъ Фиркинъ получала отъ нея монету въ два пенса съ половиной; но этотъ скудный подарокъ сопровождался такими комплимен-

тами и дружескими взглядами, что два пенса съ половиной мгновенно превращались въ слитокъ золота въ благодарномъ сердцѣ этой дамы, которая притомъ, заглядывая въ будущность, смѣло могла рассчитывать на золотыя горы, какъ-скоро мистриссъ Бьютъ вступитъ въ законное наслѣдство престарѣлой леди.

Съ намѣреніемъ мы распространились объ этихъ двухъ способахъ вести свой дѣлишки на житейскомъ рынкѣ, чтобы воспользоваться случаемъ дать приличное наставленіе неопытнымъ джентльменамъ. Хвалите всѣхъ и каждого, милостивые государи, и ни въ какомъ случаѣ не задирайте своего носа: смѣло говорите свой комплименты въ глаза, и еще смѣлѣе произносите ихъ заочно, какъ-скоро вы знаете, что васъ могутъ подслушать. Никогда не пропускайте случая сказать ласковое словцо, и помните, что, рано или поздно, вамъ отплатятъ на широкомъ. Базаръ Житейской Суеты. Коллингвудъ, вы знаете, никогда не могъ видѣть пустаго мѣста въ своихъ владѣніяхъ, безъ того, чтобы не бросить на него жолудь изъ своего кармана: такъ поступайте и вы съ своими комплиментами. Жолудь вамъ ничего не стоитъ, но изъ него можетъ разростись огромный строевой лѣсъ.

Когда процвѣталь и блаженствовалъ Родонъ Кроли, ему повиновались молча, съ подобострастнымъ спокойствіемъ и безъ всякихъ отговорокъ; но когда наступили для него черныя дни опалы и невзгоды, никто его не пожалѣлъ, и никто не явился къ нему на помощь. Но когда мистриссъ Бьютъ

приняла въ свое владѣніе джентльменскій домикъ на Парк-Ленѣ, верхній и нижній департаменты возрадовались всѣмъ своимъ сердцемъ, разсчитывая на всѣ возможныя повышенія и льготы подъ великодушной администраціей доброй управительницы дома.

Нечего было и думать, что кептенъ Кроли, послѣ перваго пораженія, отступить навсегда съ поля битвы, и не будетъ стараться выиграть опять выгоднѣйшую позицію; съ которой его сбили. Мистриссъ Бьютъ Кроли слишкомъ хорошо понимала житейскія дѣла, чтобы допустить неосновательное предположеніе въ этомъ родѣ. Она знала также, какъ дважды два, что хитрая и отчаянная Ребекка не задумается ни на минуту вступить опять въ открытую борьбу. Мистриссъ Бьютъ Кроли понимала настоятельную необходимость приготовиться къ мужественному отраженію неизбѣжныхъ приступовъ и нападений.

Во первыхъ, крѣпость была въ ея рукахъ – этотъ пунктъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, но можно ли было поручиться за главнаго ея владѣльца? Почему знать – быть-можетъ миссъ Кроли сгарала тайнымъ желаніемъ вступить въ миролюбивые переговоры съ изгнаннымъ врагомъ. Старушка любила Родона Кроли, любила и Ребекку, которая умѣла мастерски разгонять ея скуку. Мистриссъ Бьютъ, съ горестію и сокрушеніемъ сердечнымъ, не могла не признать достовернаго факта, что никто изъ членовъ ея собственнаго семейства не оказывался годнымъ для забавъ и удовольствій

благовоспитанной городской леди.

— Я знаю, разсуждала мистриссъ Бьютъ, пѣніе дочерей моихъ, послѣ этой ненавистной гувернантки, никуда не годится. Матильда всегда бывало спить, когда Марта и Луиза поють для нея свои дуэты. Сынокъ мой, Джемсъ, просто нестерпимъ съ своими необтесанными манерами студента; про муженька нечего и распространяться: у него на умѣ только лошади да собаки. Ну, какъ тутъ пригласить ее къ себѣ; въ этотъ несчастный пасторать? Она разсердится на всѣхъ насъ, и убѣжить вѣроятно послѣ первой же ночи. Тогда пиши опять, что все пропало. Не успѣешь оглянуться, а Родонъ какъ-тутъ заграбастаетъ ее въ свои когти, и эта полколодная змѣя запуститъ свое жало въ самое сердце бѣдной старухи... Одно для меня ясно: Матильда больна ужасно, и, вѣроятно, не оправится еще недѣли три, четыре. Ну, чему быть, тому не миновать, а ужъ, пока лежитъ она въ постели, и не дамъ ее въ обиду этимъ безнравственнымъ людямъ. Мой священный долгъ: защищать немочную женщину всѣми зависящими отъ меня средствами противъ злонамѣреннаго покушенія негодяевъ.

Миссъ Матильда Кроли, несмотря на врожденную веселость, имѣла довольно мнительный характеръ. Если, бывало, кто замѣчалъ ей, что она какъ-будто немножко похудѣла и цвѣтъ ея лица какъ-будто немножко измѣнился, трепещущая старуха немедленно посылала за докторомъ и шпиговала себя порошками и микстурами безъ всякой пощады. Но

теперь, послѣ внезапнаго фамильнаго переворота, она была дѣйствительно больна — да и чьи нервы могли бы устоять противъ такихъ страшныхъ потрясеній? По крайней мѣрѣ, мистриссъ Бьютъ, вѣрная своимъ филантропическимъ обязанностямъ, поспѣшила немедленно извѣстить доктора, и аптекаря, и компаньйонку, и всю прлслужу, что миссъ Кроли находится въ самомъ опасномъ положеніи, и что, слѣдовательно, надобно держать ухо востро. По ея распоряженіямъ, улица передъ окнами была завалена по колѣно толстыми слоями соломы, и мистеръ Баульсъ окуталъ толстымъ войлокомъ дверной молотокъ у подъѣзда, чтобы никто не обезпokoилъ страдальицу неосторожнымъ стукомъ. Докторъ неизмѣнно долженъ былъ являться два раза въ день, и она угощала паціентку отвратительной микстурой черезъ каждые два часа. Если кто-нибудь ненарокомъ входилъ въ комнату, мистриссъ Бьютъ произносила такое шипучее и зловѣщее *шущушущишь*, что старушка невольно вздрагивала на своей постели, и съ трепетомъ обращала свой испуганный взоръ на бисерные глаза мистриссъ Бьютъ, которая неподвижно сидѣла въ креслахъ подлѣ кровати. Страшно свѣтились эти глаза среди постоянного мрака (занавѣсы всегда были опущены), и когда сердобольная дама выступала по комнатѣ въ своихъ бархатныхъ туфляхъ, миссъ Кроли невольно воображала тигрицу съ ея острыми когтями.

Такъ проходили дни, длинные, безконечные дни. Повременамъ, мистриссъ Бьютъ читала для нея назидательныя

книги голосомъ заунывнымъ, погребальнымъ; но чаще всего она, безъ вчякой опредѣленной цѣли, прислушивалась къ глухому уличному шуму и монотонной пѣсни ночныхъ сторожей. Въ полночь приходилъ домашній врачъ, и мистриссъ Бьютъ, выслушивая его наставленія, покачивала головой какъ вѣдьма, и дико моргала своими глазами, обращенными на потолокъ. Сама богиня здравія могла бы пошатнуться и захнуть при такой медицинской обстановкѣ!

Недуги тѣла и души произвели въ короткое время сильнѣйшее опустошеніе въ разстроенномъ организмѣ нервной старухи. Чѣмъ больше при нормальномъ состояніи здоровья хвасталась она модной доктриной французской философіи восемнадцатаго вѣка, тѣмъ болѣе теперь преслѣдоваль ее могильный страхъ; и воображеніе рисовало передъ ней всѣ ужасы замогильнаго бытія...

Подражая современнымъ романистамъ, мы могли бы, по этому поводу, пуститься въ самыя длинныя диссертаціи, не лишеныя интереса въ философскомъ смыслѣ; но по опыту мы знаемъ, какую скуку наводятъ всѣ эти диссертаціи романистовъ на читателя. Это, однакожь, не мѣшаетъ намъ припомнить вѣковѣчную истину, что не все то золото, что блеститъ, и не всякій паяцъ въ балаганахъ на Базарѣ Житейской Суеты есть въ то же время беззаботный весельчакъ при своихъ домашнихъ пенатахъ, наединѣ съ тайнами своей души. Какъ часто одинъ и тотъ же актеръ, который смѣшитъ почтеннѣйшую публику на театральной сцѣнѣ, проливаетъ въ

тотъ самый вечеръ кровавыя слезы въ тиши своего кабинета! Какъ часто сладострастный эпикуреецъ, знаменитый своими чуть-ли не волшебными пирами, томится отъ горькой чаши страданій на своемъ болѣзненномъ одрѣ! И думаете ли вы, что ему становится легче отъ воспоминанія протекшихъ удовольствій? Думаете ли вы, что какая-нибудь дряхлая, изсохшая красавица утѣшится и усладить свою душу, какъ-скоро воображеніе разрисуетъ передъ ней цѣлый магазинъ модныхъ платьевъ и блистательные успѣхи на модныхъ балахъ, гдѣ нѣкогда всѣ благоговѣли передъ ней?..

— Что тутъ станешь дѣлать? разсуждала сердобольная мистриссъ Бьютъ, — мужъ мой, при настоящихъ обстоятельствахъ, могъ бы кауъ нельзя лучше пригодиться для этой больной старухи, если бы только онъ самъ не былъ болванъ-болваномъ. Теперъ-то собственно и легко было бы убѣдить ее, что она должна передъ послѣднимъ издыханіемъ, отдать полную справедливость моимъ бѣднымъ дочерямъ и сыновьямъ, которые, право, слишкомъ заслуживаютъ эту благодѣянію отъ своей родни.

Мистриссъ Бьютъ, вѣрная своей системѣ, старалась всѣми зависящими отъ нея средствами возбудить сильнѣйшее отвращеніе къ гнуснымъ дѣяніямъ Родона Кроли, и для этой филантропической цѣли она мало-по-малу представила ей цѣлый каталогъ такихъ ужасныхъ преступленій, за которыя можно было бы осудить цѣлыя полчища отъявленныхъ негодяевъ. Мистриссъ Бьютъ обнаружила рѣдкій фамильный ин-

тересь и совершеннѣйшее знакомство съ похождениями Родона Кроли. Она знала всѣ подробности этой гадкой ссоры съ капитаномъ Файрбресомъ, гдѣ Родонъ, виноватый кругомъ съ самага начала, вызвалъ капитана на дуэль и застрѣлилъ его на поваль. А что сдѣлалъ онъ съ этимъ несчастнымъ лердомъ Довделемъ? вообразите: матушка лорда наняла для него особый домъ въ Оксфордѣ, гдѣ получилъ онъ превосходнѣйшее воспитаніе, такъ что до пріѣзда въ Лондонъ не бралъ въ руки картъ и не имѣлъ понятія о бильярдной игрѣ? И что же? Родонъ началъ похаживать съ нимъ по трактирамъ, пріучилъ его пьянствовать, играть, буянить, такъ что бѣдный юноша просадилъ въ короткое время четыре тысячи фунтовъ чистоганомъ и сдѣлался, что называется, пропащимъ человекомъ. Яркими, поразительными и живыми красками мистриссъ Бюоть изображала до мельчайшихъ подробностей томительное отчаяніе раззоренныхъ имъ семействъ — сыновей, которыхъ онъ безжалостною рукою погрузилъ въ бездонную пропасть нищеты и пороковъ. Она знала несчастныхъ купцовъ, доведенныхъ до банкротства безумною расточительностью Родона Кроли (по неосторожности они вѣрили ему огромныя суммы на честное слово); но что всего болѣе возмущало и тревожило чувствительную душу мистриссъ Бюоть, такъ это, можно сказать, безпримѣрное безстыдство и наглость, какія онъ всегда обнаруживалъ въ своемъ поведеніи въ отношеніи къ великодушнѣйшей тѣткѣ, которой вотъ теперь и отплатилъ, наконецъ, самую чер-

ною, низкою и вмѣстѣ пресмѣшною неблагодарностью за всѣ ея жертвы. Всѣ эти исторіи она рассказывала миссъ Кроли потому единственно, что считала себя вправѣ дѣлать это по долгу совѣсти и чести; какъ мать добродѣтельнаго семейства. Бичуя такимъ образомъ свою отсутствующую жертву, мистриссъ Бьють не чувствовала въ душѣ ни малѣйшихъ угрызений, и даже гордилась необычайнымъ присутвіемъ духа; съ какимъ ей удавалось выполнять это безкорыстное дѣло. Да, кто что ни говори, а ужъ если нужно очернить и обезславить человѣка на рынкѣ житейскихъ тревоженій, такъ собственная родственница сдѣлаетъ это въ тысячу разъ лучше, чѣмъ всякой посторонній врагъ. Впрочемъ, относительно этого несчастнаго горемыки, Родона Кроли, мы должны признаться, что его было бы легко обвинить простымъ и яснымъ изложеніемъ дѣйствительныхъ подвиговъ его жизни, и мистриссъ Бьють напрасно беспокоилась принимать на себя трудъ изобрѣтенія скандалѣзныхъ исторій раздирательнаго сорта.

Само-собою разумѣется, что и Ребекка, какъ новая родственница, сдѣлалась предметомъ особенной заботливости и попеченій со стороны мистриссъ Бьють. Сдѣлавъ напередъ предварительныя распоряженія относительно того, чтобъ на Парк-Ленѣ не смѣли принимать посланниковъ и писемъ отъ нечестиваго Родона Кроли, она приказала заложить коляску миссъ Кроли, и отправилась къ своей старой пріятельницѣ миссъ Пинкертонъ, на Чизвиккскій проспектъ, съ тою

похвальною цѣлью, чтобъ сообщить Благородной Академіи оглушительную вѣсть о похожденияхъ миссъ Шарпъ, оболъстившей Родона Кроли, и собрать на этомъ основаніи дополнителъвыя свѣдѣнія относительно происхожденія и воспитанія отставной гувернантки. Пріятельшъница лексикографа, съ великою охотой предложила свои обязательныя услуги. Немедленно поручено было миссъ Джемимъ отыскать въ домашнемъ архивѣ письма и росписки бывшаго учителя рисованья. Оказалось, что одно письмо было имъ отправлено изъ долговой тюрьмы; въ другомъ умоляль онъ, ради самаго неба, прислать ему впередъ мѣсячное жалованье; въ третьемъ мистеръ Шарпъ покорнѣйше благодариль чизвиккскихъ дамъ за покровительство и благодѣяніе, оказываемыя миссъ Ребеккѣ. Послѣдній документъ былъ содержанія трогательнаго: несчастный артистъ, уже томившійся на смертномъ одрѣ, поручаль свое единственное дитя, сиротку Бекки, великодушному вниманію и покровительству миссъ Пинкертонъ. Нашлись въ архивѣ документы и самой Ребекки: въ одномъ, малютка испрашивала помощи для своего несчастнаго отца; въ другомъ содержалась слезная благодарность незабвенной благодѣтельницѣ.

Изъ Благородной для Дѣвицъ Академіи на Чизвиккскомъ проепектѣ, мистрвссъ Бьютъ стрѣлой покатила на предмѣстье Сого, въ Греческую улицу, въ бывшую квартиру покойнаго живописца, гдѣ до сихъ поръ стѣны маленькой залы украшались портретами самой хозяйки въ бѣломъ атласномъ

платьѣ, и супруга ея въ синемъ фракѣ съ мѣдными пуговицами – портреты были написаны въ уплату долга за квартиру. Бывшая хозяйка, мистриссъ Штоксъ, какъ дама краснорѣчивая и обязательная во всѣхъ отношеніяхъ, быстро рассказала все; что было ей извѣстно о покойномъ живописцѣ. Оказалось, что мистеръ Шарпъ, не говоря дурнаго слова, былъ бѣднякъ, до крайности распутный; должники, бывало, не отходили отъ его дверей, и что всего ужаснѣе, онъ обвинчался на своей женѣ весьма не задолго до ея смерти. Хозяйка, къ великому огорченію, узнала объ этомъ послѣ; иначе, разумѣется, не стала бы ихъ держать ни одного дня. Дочка ихъ была вообще прехитрая и превѣтреная лисица; бывало; она хохочетъ цѣлый день безъ всякой видимой причины, передразниваетъ всѣхъ и cadaго, прыгаетъ какъ коза, дѣлаетъ уморительныя рожи, и, случалось, отецъ посылалъ ее за джиномъ въ ближайшую харчевню, или съ запиской къ кому-нибудь изъ своихъ безпутныхъ товарищей, жившихъ въ этомъ кварталѣ; всюду бѣгала малютка Бекки, и всюду ее знали. Коротко и ясно, мистриссъ Бьютъ, не жалѣя никакихъ хлопотъ, собрала драгоцѣннѣйшіе матеріалы для составленія біографіи своей новой родственницы, и вѣроятно Ребекка была бы ей очень благодарна, еслибъ своевременно могла получить понятіе объ этой безпримѣрной заботливости о своей особѣ.

Плодомъ этихъ неутомимыхъ изслѣдаваній было совершеннѣйшее просвѣтленіе умственныхъ очей доброй старушки, заблуждавшейся такъ долго насчетъ своего племянника и

теперешней его жены. Мистриссъ Родонъ Кроли – дочь оперной актрисы. Она танцевала и сама. Она служила натурщицей для живописцевъ. Она воспитана по театральному. Она пила пуншъ съ своимъ отцомъ, курила трубку; и прочая. Это была, однимъ словомъ, женщина, соединившая свою судьбу съ пропащимъ человѣкомъ. Окончательный выводъ: плутовство ихъ неисправимо, и порядочная женщина не должна обращать на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Таковы были матеріалы и свѣдѣнія, предложенныя вниманію больной старухи на Парк-Ленѣ. Мистриссъ Бьють воспользовалась ими какъ провизіей, и аммуниціей для укрѣпленія джентльменскаго дома противъ неминуемой осады, которая скоро должна быть произведена соединенными усиліями двухъ отъявленныхъ негодяевъ.

Но, къ счастью, во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ проглядываль одинъ, довольно важный недостатокъ: мистриссъ Бьють была слишкомъ запальчива, усердна, нетерпѣлива, и рвеніе, обнаруженное ею въ настоящемъ случаѣ, превосходило нѣкоторымъ образомъ границы благоразумной расчетливости. Она истомила миссъ Кроли гораздо болѣе, чѣмъ сколько было нужно, и хотя слабая старуха подчинилась ея авторитету, но власть эта была уже черезъ чуръ натянута, строга, такъ что можно было опасаться, что жертва обнаружить намѣреніе высвободиться изъ подъ ея вліянія при первомъ удобномъ случаѣ. Женщины, всякой знаетъ, весьма часто впадаютъ въ такія ошибки, несмотря на то, что по боль-

шей части онѣ дѣйствуютъ подѣ руководствомъ своего прозорливаго инстинкта.

Такъ, на примѣръ, мистриссъ Бьютъ, увлекаемая безѣ сомнѣнія самыми филантропическими побужденіями, ухаживала за своей больной съ такимъ непримѣрнымъ раченіемъ, какъ-будто собиралась проводить ее на тотъ свѣтъ черезъ нѣсколько недѣль. Она просиживала у ея изголовья цѣлыя ночи на пролетѣ, не спала, не вкушала пищи, и даже отказалась отъ прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ. Обо всѣхъ этихъ лишеніяхъ и жертвахъ, она вздумала однажды гамѣкнуть господину Кломпу, домашнему врачу и, вмѣстѣ, аптекарю, который неизмѣнно продолжалъ дѣлать свои визиты по два раза въ день.

— По совѣсти могу признаться, мистеръ Кломпъ, сказала мистриссъ Бьютъ, что все это время я не щадила никакихъ трудовъ, и никакихъ усилій для нашей драгоценной пациентки, доведенной своимъ негоднымъ племянникомъ до этого ужаснѣйшаго состоянія нравственныхъ и физическіхъ недуговъ. О себѣ ужъ тутъ я не хлопочу нисколько; я не задумаюсь принести себя въ жертву.

— Да, сударыня, и ваша преданность заслуживаетъ истиннаго удивленія, началъ мистеръ Кломпъ, — но...

— И вообразите: я почти ни разу не сомкнула глазъ съ той поры, какъ пріѣхала изъ деревни! Ужъ какъ-скоро рѣчь идетъ объ исполненіи своей обязанности, я готова посвятить ей свое здоровье, сонъ, спокойствіе, все что вамъ угодно. Ко-

гда бѣдный мой Джемсъ лежалъ въ оспѣ, думаете ли вы, что я нанимала для него сидѣлку? Никакъ нѣтъ.

– Вы поступили тогда, какъ мать, сударыня, какъ превосходнѣйшая изъ матерей; но...

– Какъ мать семейства и жена достопочтеннаго человѣка, я смиренно признаюсь, и вѣрю сердечно, что правила моей жизни именно таковы, какъ имъ слѣдуетъ быть, продолжала мистриссъ Бьютъ съ торжественностью счастливаго убѣжденія, – и могу васъ увѣрить, мистеръ Кломпъ, что я не отступлю отъ этихъ правилъ никогда, никогда, до послѣдняго моего вздоха. Пусть безчеловѣчные люди положили эту сѣдую голову на одрѣ болѣзни...

Здѣсь мистриссъ Бьютъ, дѣлая выразительный жестъ, указала на одинъ изъ кофейныхъ париковъ миссъ Кроли, висѣвшихъ на гвоздикѣ въ ея гардеробной.

– Да, пусть безчеловѣчные люди, не имѣющіе ни чести, ни стыда, сразили эту почтенную голову, и положили ее на одрѣ болѣзни, я никогда не оставлю ее, мистеръ Кломпъ, хотя бы это стоило мнѣ совершеннѣйшаго изнуренія всѣхъ моихъ силъ. Ахъ, мистеръ Кломпъ! боюсь я, то-есть, я увѣрена, что для этой драгоцѣнной головы нужны, можетъ-быть, скорѣе духовныя, чѣмъ медицинскія утѣшенія.

– Я хотѣлъ вамъ собствѣнно замѣтить, сударыня, началъ опять мистеръ Кломдъ такимъ рѣшительнымъ голосомъ, который, повидимому, отстранялъ всякуювозможность дальнѣйшихъ перерывовъ, – я хотѣлъ вамъ. собственно за-

мѣтитъ, что вы, по моему мнѣнію, напрасно беспокоитесь слишкомъ о нашей пациенткѣ, и что вамъ нѣтъ ни малѣйшей надобности жертвовать своимъ здоровьемъ въ ея ползву.

— Не только здоровьемъ, милостивый государь, я жизнью готова пожертвовать для родственницы своего мужа, храбро перебила мистриссъ Бьютъ.

— Очень хорошо; но прошу васъ обратить вниманіе, что теперь обстоятельства совсѣмъ не требуютъ такой жертвы, сказалъ мистеръ Кломпъ. Вы можете быть увѣренъ, что докторъ Скуилльсъ и я рассматривали болѣзни миссъ Кроли со всѣмъ стараніемъ и добросовѣстностью опытныхъ врачей: мы находимъ, что нервы ея ослабѣли и чрезмѣрное уныніе овладѣло ея душою, оттого собственно, что фамильныя происшествія слишкомъ взволновали ея.

— Погубили, скажите. лучше, и это все ея племянникъ — сломить бы ему шею!

— Слишкомъ взволновали, и вы, сударыня, я говорю безъ преувеличеній — явились ангеломъ-хранителемъ, чтобъ утѣшать миссъ Кроли подъ бременемъ сильныхъ огорченій. Но докторъ Скуилльсъ и я держимся положительно и единогласно того мнѣнія, что для нашей любезной пациентки нѣтъ никакой надобности лежать день и ночь въ постели, не перемѣняя воздуха спальни. Она огорчена глубоко, спора нѣтъ; но это постоянное заключеніе, естественнымъ образомъ увеличиваетъ разстройство ея душевныхъ силъ. Ей нужны перемѣны, развлеченія, свѣжій воздухъ, веселыя мысли — са-

мыя лучшія лекарства во всей нашей аптекъ, прибавиль мистеръ Кломпъ, улыбаясь и выставляя на показъ свой бѣлые зубы. Убѣдите ее встать, милостивая государыня, оставить мягкія подушки и ободриться. Прогулки на свѣжемъ воздухѣ особенно для нея необходимы, такъ же какъ и для васъ, мистриссъ Бьютъ. Выѣзжайте какъ-можно чаще, и розы быстро опять зацвѣтутъ на вашихъ увидающихъ щекахъ.

— Это бы, пожалуй, можно устроить, да только та бѣда, что передъ нашимъ домомъ снуеть безпрестанно этотъ негодный племянникъ съ своей женой, возразила мистриссъ Бьютъ (выпуская кошку эгоизма изъ ящика своей тайны). Одинъ взглядъ на нихъ поразить миссъ Кроли жесточайшимъ ударомъ, и мы принуждены будемъ опять положить ее въ постель. Нѣтъ, мистеръ Кломпъ, ей не слѣдуетъ выѣзжать, и она не выѣдетъ до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока я останусь въ ея домѣ. О моемъ здоровьи распространяться нечего: какая кому нужда до моего здоровья? Еще разъ, милостивый государь, я охотно повергну самую жизнь на жертвенникъ своихъ обязанностей.

— Такъ вы непременно хотите, чтобъ она оставалась въ своей комнатѣ?

— Непременно.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, я не могу отвѣчать за жизнь своей пациентки, сказалъ мистеръ Кломпъ серьезнымъ тономъ. Нервы миссъ Кроли слабѣютъ со дня на день, и если вы желаете видѣть капитана Кроли наследникомъ своей

тётки, то я долженъ, милостивая государыня, объяснить вамъ откровенно, что вы хлопчете по возможности изо всѣхъ силъ въ пользу капитана Кроли.

– Великій Боже! Неужели жизнь ея въ опасности! закричала мистриссъ Бьютъ. Ахъ, мистеръ Кломпъ, что вы не извѣстили меня объ этомъ раньше?

Наканунъ этого вечера, за бутылкою вина въ домъ сэра Лепина Уаррена, котораго супруга только-что разрѣшилась отъ бремени тринадцатымъ младенцемъ, мистеръ Кломпъ и докторъ Скуилльсъ разсуждали о болѣзни миссъ Кроли такимъ образомъ:

– Что это за гарпія поселилась въ домъ этой старушонки Кроли, желалъ бы я знать? спросилъ докторъ Скуилльсъ, выпивая рюмку вина. Кажется вѣдь чортъ принесъ ее изъ Гемпшира? Чудесная мадера!

– Какой болванъ этотъ Родонъ, что женился на гувернанткѣ! замѣтилъ мистеръ Кломпъ. Вѣроятно было что-нибудь у этой дѣвчонки.

– Зеленые глаза, прозрачная кожа, смазливое личико, замѣчательное развитіе лба, замѣтилъ докторъ Скуилльсъ, – а Кроли все-таки дуракъ.

– Дуракомъ родился, дуракомъ и умереть, подтвердилъ мистеръ Кломпъ.

– Теперь, я думаю, не видать ему ни шиллинга отъ этой старухи, сказалъ докторъ Скуилльсъ послѣ короткой паузы. Она передѣлаетъ завѣщаніе... если только успѣетъ.

– Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей прійдется протянуть ноги? Жаль, я потеряю двѣ сотни фунтовъ годоваго дохода.

– Эта гемпширская вѣдьма отправитъ ее мѣсяца черезъ два, Кломпъ, за это ручаюсь, мой другъ, если она останется здѣсь, сказалъ докторъ Скуилльсъ. Женщина старая – обжора – субъектъ нервозный – трепетаніе сердца – сдавленіе мозга – апоплексія – поминай какъ звали. Выгони эту вѣдьму, Кломпъ, подыми старуху, или твои двѣсти фунтиковъ взлетятъ на воздухъ.

И слѣдствіемъ этой консультаціи было откровенное объясненіе достойнаго мистера Кломпа съ достойнѣйшею мистриссъ Бьютъ Кроли.

Надлежало, во что бы ни стало, заставить старуху переменить завѣщаніе въ пользу пасторскаго семейства. Это бы казалось и легко было сдѣлать, потому что не было при ея постели никого, кромѣ мистриссъ Бьютъ; но, къ несчастью, тутъ возникли затрудненія непреодолимыя съ психической стороны. Страхъ смерти возрасталъ въ душѣ миссъ Кроли съ неимовѣрной быстротою, какъ-скоро осмѣливались ей дѣлать печальныя предложенія въ этомъ родѣ, и мистриссъ Бьютъ увидѣла настоятельную необходимость развеселить свою пациентку и возстановить ея здоровье для успѣшнѣйшаго достиженія своей цѣли. Нужно было выѣзжать, какъ предписалъ и мистеръ Кломпъ; но куда?

– Не ѣхать ли въ лондонскія предмѣстья? Это, я думаю, всего лучше, заключала мистриссъ Бьютъ. Въ окрестностяхъ

Лондона, говорили мнѣ, есть чудныя, живописныя мѣста.

И на этомъ основаніи, мистриссъ Бьють вдругъ полюбила и Гезгастедъ, и Горнси, и Дольвичъ, и усадивъ въ карету свою жертву, начала разъѣзжать съ ней по этимъ очаровательнымъ мѣстамъ, разговаривая дорогой, для препровожденія времени, о Родонѣ Кроли и его женѣ, и выдумывая насчетъ ихъ разныя невинныя исторійки, способныя пробудить и усилить противъ нихъ негодованіе въ сердцѣ ея возлюбленной золовки.

Быть-можетъ мистриссъ Бьють перетянула, безъ всякой надобности, струны своихъ филантропическихъ соображеній. Ей, конечно, удалось вооружить приличнымъ образомъ миссъ Кроли противъ ея негоднаго племянника, тѣмъ не менѣе однакожь паціентка почувствовала сильнѣйшую ненависть къ своей безжалостной мучительницѣ, и сгарала желаніемъ высвободиться изъ подъ ея обременительной опеки. Черезъ нѣсколько времени миссъ Кроли рѣшительно взбунтовалась противъ Горнси и Хайгета. Ей захотѣлось ѣхать въ Паркъ. Мистриссъ Бьють знала почти навѣрное, что они встрѣтятся тамъ съ этимъ гнуснымъ Родономъ, и опасенія ея оправдались весьма скоро. Однажды, среди самаго Парка, появился легкій шарабанъ Родона Кроли, запряженный въ одну лошадь: Ребекка сидѣла подлѣ него. Въ непріятельскомъ экипажѣ, миссъ Кроли занимала свое обыкновенное мѣсто, и подлѣ нея, по лѣвую сторону, сидѣла мистриссъ Бьють: жирная болонка и миссъ Бриггсъ рисовались на зад-

немъ планѣ. Это была критическая минута, и сердце Ребекки забило сильную тревогу, когда она угадала знакомую коляску. Когда наконецъ два экипажа поверстались одинъ противъ другаго, Ребекка всплеснула руками, и устремила на старую дѣву взоры, исполненные невыразимой преданности и тоски. Самъ Родонъ затрепеталъ, и лицо его побагровѣло ужасно, когда онъ машинально принялся закручивать свой нафабранные усы. Въ другомъ экипажѣ только старушка Бриггсъ обнаружила нѣкоторое волненіе, и обратила, съ нервической раздражительностью, свой большіе глаза на старыхъ знакомцевъ. Шляпка миссъ Кроли была рѣшительно обращена на противоположный конецъ. Вниманіе мистриссъ Бьютъ было поглощено разсматриваніемъ прелестей болонки: она гладила собаченку, ласкала, и придумывала для нея самыя нѣжныя названія поэтическаго свойства, Экжпажи между-тѣмъ подвигались впередъ, каждый по своей линіи.

— Поди вотъ, что ты тутъ сдѣлаешь? сказала Родонъ своей женѣ.

— Попытайся еще; мой милый, отвѣчала Ребекка. Развѣ ты не можешь зацѣпиться колесомъ и пріостановить ихъ экипажъ?

Но у Родона не достало духа для этого маневра. Какъ-скоро экипажи поровнялись, онъ сталъ на своемъ шарабанѣ; и, приставивъ руку къ полямъ своей шляпы, принялся смотрѣть во всѣ глаза. Этимъ временемъ миссъ Кроли приняла правильную позицію на своей сидѣнкѣ; но она и мистриссъ

Бьють смѣло взглянули ему въ лицо, не думая однакожь отвѣчать ни малѣйшимъ жестомъ на его усердные поклопы. Родонъ съ заклятіемъ опустился на евое мѣсто, выѣхаль изъ тѣснаго ряда, и съ отчаянною быстрою поскакаль домой.

Это былъ великолѣпный и рѣшительный триумфъ для мистриссъ Бьють; но такія встрѣчи могли, съ теченіемъ времени, увеличить опасность, такъ-какъ миссъ Кроли очевидно обнаруживала раздражительность нервовъ. Предстояла настоятельная необходимость оставить Лондонъ, и мистриссъ Бьють, заботясь болѣе всего на свѣтѣ о драгоцѣнномъ здоровьи своей золовки, начала усердно рекомендовать ей брайтонскій воздухъ.

Глава XIX

Кептенъ Доббинъ, какъ устроитель и вѣстникъ Гименея

Самъ не зная какъ, честный Вилльямъ Доббинъ принялъ на себя всѣ хлопоты въ окончательномъ устройствѣ судьбы миссъ Амеліи и Джорджа Осборна. Роковое дѣло ихъ жизни безъ него никогда бы не подвинулось впередъ. Кептенъ Доббинъ самъ это чувствовалъ, и на лицѣ его появлялась довольно кислая улыбка, когда онъ воображалъ, что изъ всѣхъ людей въ мірѣ судьба какъ нарочно выбрала его одного устроить этотъ бракъ. Возникшіе переговоры могли быть трудны и даже чрезвычайно непріятны; но какъ-скоро надлежало вынолнить извѣстную обязанность, кептенъ Доббинъ принялся за дѣло круто и живо, съ полною готовностью идти на проломъ всѣхъ возможныхъ препятствій. Въ настоящемъ случаѣ было для него ясно какъ день, что миссъ Амелія Седли умретъ непременно; если, чего Боже избави, потеряетъ своего жениха: надлежало, стало-быть, во что бы то стало, удержать *прелестнаго ангела* на краю безвременной могилы.

Читатель уже знаетъ, когда, какъ и почему Джорджъ Осборнъ, руководимый заботливостью честнаго Вилльяма, приведенъ былъ къ ногамъ (или правильнѣе, въ объятія) своей возлюбленной невѣсты; и я отнюдь не намѣренъ входить

въ мелочныя подробности этого интереснаго свиданія. Одно только желѣзное, сердце могло не растаять при взглядѣ на это нѣжное личико, истомленное отчаяніемъ и грустью, и при этихъ трогательныхъ звукахъ, въ какихъ бѣдная дѣвушка начала рассказывать свою умиленную повѣсть. Не было ни обмороковъ, ни истерическихъ припадковъ, когда мать представила ее жениху: положивъ свою голову на его плечо, она заплакала горько, зарыдала, и эти слезы мгновенно облегчили ея грусть. Успокоенная такими утѣшительными признаками, старушка Седли разочла, что ей нечего дѣлать въ присутствіи молодыхъ людей, и когда она ушла, Эмми прильнула къ рукѣ своего жениха, какъ-будто онъ былъ ея верховнымъ властелиномъ, и она, беззащитная, виновная и бѣдная, всего должна была ожидать отъ его покровительства и ласковаго слова.

Такое безпрекословное повиновеніе тронуло сердце Джорджа, и чрезвычайно польстило его джентльменскимъ чувствамъ. Онъ видѣлъ передъ собою смиренную невольницу, преисполненную благоговѣнія къ его особѣ, и душа его возрадовалась радостью неизрѣчеиною при этомъ глубокомъ сознаніи своей власти. Онъ будетъ великодушень, и постарается, какъ это ни трудно, привести въ уровень съ собою это безсильное созданье. Грусть и красота Амеліи тоже нѣкоторымъ образомъ растрогали его сердце: онъ приласкалъ свою невѣсту, приголубилъ, поднялъ ее и, такъ сказать, простилъ – во всемъ простилъ. Всѣ ея чувства и надежды, замирав-

шія съ каждымъ днемъ въ удаленіи отъ этого великолѣпнаго свѣтила, зацвѣли опять и распустились разомъ, когда другъ-солнце засіяло на горизонтѣ ея жизни.

Когда вечеромъ въ тотъ день миссъ Амелія положила на подушку свою успокоенную головку, вы бы и не узнали въ этомъ юномъ, лучезарномъ личикѣ то самое лицо, которое еще наканунѣ было такъ худощаво, безжизненно и равнодушно ко всему на свѣтѣ. Честная дѣвушка-ирландка, обрадованная такою переменой попросила позволенія поцаловать свою барышню, расцвѣтшую съ быстротою весенней розы. Амелія обвила руками шею своей горничной и цоцаловала ее отъ чистаго сердца, какъ нѣжное, невинное дитя. Этого мало: она успокоилась эту ночь отраднымъ, освѣжительнымъ сномъ, и какая чудная весна засіяла для ея надеждъ при блескѣ утренняго солнца!

– Сегодня онъ опять будетъ здѣсь, подумала миссъ Эмми. Мой Джорджъ – величайшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ людей на землѣ.

Джорджъ думалъ въ свою очередь, что онъ великодушнѣйшій изъ смертныхъ, и что онъ дѣлаетъ страшнѣйшую жертву, обрекая себя на супружество съ этой молодой дѣвицей.

Въ ту пору какъ женихъ и невѣста ворковали наверху о своихъ надеждахъ и мечтахъ, старушка Седли и кептенъ Доббинъ разсуждали внизу о настоящемъ положеніи дѣлъ и объ устройствѣ будущей судьбы молодыхъ людей. предоста-

вивъ любовникамъ полную волю обниматься наединѣ въ отсутствіи своихъ родителей, мистриссъ Седли, какъ особа съ истиннымъ женскимъ смысломъ, неиспорченнымъ никакими софизмами грубой логики, была собственно того мнѣнія, что никакая сила на землѣ не принудить мистера Седли выдать свою дочь за сына этого ужаснаго человѣка, который, въ послѣднее время, поступилъ съ нимъ такъ безчестно, постыдно, чудовищно, позорно. По этому поводу она рассказала предлинную, презанимательную повѣсть о прежнихъ счастливыхъ временахъ, когда этотъ негодный Осборнъ проживалъ еще шаромыжникомъ на Новой дорогѣ, и когда противная его жена съ радостью, бывало, принимала дѣтскія игрушки Джоза, которыми мистриссъ Седли награждала ее въ день рожденія кого-нибудь изъ маленькихъ Осборновъ.

– Черная неблагодарность этого изверга, заключила мистриссъ Седли, доконала сердце моего добраго мужа, и ужъ я знаю, онъ никогда, никогда, *никогда* не дастъ своего согласія на этотъ бракъ.

– Въ такомъ случаѣ, сударыня, пусть они убѣгутъ и обвѣнчаются потихоньку, какъ это сдѣлали недавно Родонъ Кроли и бывшая гувернантка, пансіонскій дружокъ миссъ Эмми, сказалъ улыбаясь честный Вилльянъ Доббинъ.

– Неужто! воскликнула мистриссъ Седли, пораженная внезапной вѣстью. Возможно ли это?

– Очень возможно, сударыня, влюбились и женились – исторія обыкновенная. Я встрѣчалъ ихъ довольно часто на гу-

ляньяхъ, и, думаю, что они счастливы.

— Ахъ, какія страсти! Кто бы могъ подумать! Не даромъ ключница моя, Бленкиншопъ, гаворила объ этой дѣвчонкѣ, что изъ нея не выйдетъ никакого прока. Вотъ оно и вышло, что въ тихомъ омутѣ черти водятся. Ну, признаюсь, самъ Богъ спасъ моего Джозефа.

И она описала, съ большими подробностями, уже извѣстныя читателю любовныя похождения миссъ Ребекки и сборщика индійскихъ пошлинь въ Боггли-Уолла.

Кептенъ Доббинъ, однакожь, не ожидалъ слишкомъ значительныхъ затрудненій со стороны раздраженнаго старца Седли. Совсѣмъ напротивъ: его мучило безпокойство другаго рода, и онъ не скрывалъ, что возникнуть чуть ли не непреодолимыя препятствія со стороны Джона Осборна, этого безжалостнаго торговца саломъ и свѣчами на Россель-Скверѣ. Ему было извѣстно, что онъ запретилъ своему сыну всякія сношенія съ его бывшей невѣтой. Онъ зналъ, что если засядетъ какая мысль въ голову этого упрямаго старика, никакъ ужъ ее не вышибешь оттуда никакимъ молоткомъ логическихъ умозаключеній.

— Все дѣло, пожалуй, еще можетъ какъ-нибудь уладиться, если Джорджъ отличится въ предстоящей кампаніи, рассуждалъ кептенъ Доббинъ. Если онъ умретъ, такъ ужъ разумѣется и она не жилица послѣ него. А если онъ не отличится, тогда что? У Джорджа, какъ я слышалъ, остались деньжонки послѣ матери: онъ можетъ отправиться въ Канаду, об-

завестись хозяйствомъ на широкую ногу, или даже остаться въ Англіи на какой-нибудь скромной мызѣ, отдаленной отъ столицы. Много ли ему надобно вдвоемъ съ такою умною, доброю и прелестною женой?

И продолжая нить этихъ сужденій, Вилльямъ Добеимъ чуть ли не дошелъ до того премудраго заключенія, что для счастливаго супружества потребны только воздухъ и вода съ крошечною хижиною для помѣщенія двухъ особъ: недаромъ же въ пансіонѣ доктора Свиштеля его прозвали кукушкой и хорькомъ! Сколько онъ ни думаль, ни гадалъ, ему и въ голову не приходило, что недостатокъ въ средствахъ завести щегольской экипажъ и лошадей можетъ служить уважительнымъ препятствіемъ къ соединенію Джорджа Осборна и миссъ Седли.

Соображая всѣ обстоятельства, соприкосновенныя къ дѣлу, онъ убѣдилъ себя окончательнымъ и рѣшительнымъ образомъ, что свадьба должна быть совершена какъ можно скорѣе, безъ малѣйшей отсрочки. По нѣкоторымъ признакамъ, мы имѣемъ право догадываться, что это отнюдь не могло быть вождельннымъ событіемъ для собственнаго его сердца, и легко станется, что кептень Доббинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подобно человѣку, желавшему поскорѣе устроить похороны своего умершаго друга, или подобно тѣмъ нѣжнымъ друзьямъ, которые, разставаясь на долгое время, желаютъ, для избѣжанія лишнихъ слезъ, ускорить и сократить церемонію прощанья. Какъ бы то ни было, только мистеръ

Доббинь обнаружилъ въ своихъ хлопотахъ необыкновенную юркость. Онъ доказывалъ Джорджу необходимость приступить къ немедленному исполненію дѣла, объясняя съ удовлетворительнымъ краснорѣчіемъ, что старикъ Осборнъ неминуемо проститъ юную чету, какъ-скоро политическая газета возвѣститъ о блистательномъ подвигѣ его сына. Онъ брался, въ случаѣ надобности, самъ идти къ обоимъ старикамъ и помирить ихъ между собою.

— Главное — не робѣй, мой другъ, и куй желѣзо, пока горячо, говорилъ кептенъ Доббинъ. Полкъ нашъ, того и гляди, получить приказъ выступить въ походъ: тогда будетъ поздно думать о женитьбѣ.

Къ великому удовольствію и одобренію мистриссъ Седли, не рѣшавшейся персонально завести серьезный разговоръ съ своимъ супругомъ, мистеръ Доббинъ отправился искать Джона Седли въ его бывшемъ торговомъ домѣ въ Сити, куда, по привычкѣ, несчастный банкротъ заходилъ каждый день, хотя не было здѣсь и слѣдовъ его бывшей конторы. Онъ неумоимо продолжалъ вести свою корреспонденцію, и получая письма отъ другихъ, связывалъ ихъ въ таинственныя пачки, которыя потомъ мистически укладывалъ въ широкіе карманы своего фрака.

Ничего нѣтъ, на мой взглядъ, печальнѣе таинственной возни и суетливости погибшаго человѣка, и едва-ли вы можете хладнокровно видѣть эти письма, полученные имъ отъ богачей, эти обветшалые, засаленные документы, которые

онъ нетерпѣливо развертываетъ передъ вами, основывая на нихъ надежду своего будущаго обогащенія и возстановленія своей славы въ коммерческомъ мірѣ. Мой возлюбленный читатель, безъ сомнѣнія, видываль на своемъ вѣку подобныхъ чудаковъ. Встрѣчаясь съ вами гдѣ бы то ни было, несчастный отводитъ васъ въ отдаленный уголокъ, вытаскиваетъ изъ кармана толстую пачку, развязываетъ, держитъ шелковый снурокъ между зубами, и трепетной рукою перебираетъ передъ вами свой любимыя письма, гдѣ обѣщаютъ ему всякое покровительство и поддержку, если, сверхъ чаянія, не встрѣтятся никакихъ препятствій. Кто не знаетъ этихъ грустныхъ, полу-одурѣлыхъ взглядовъ, бросаемыхъ на васъ безнадежными глазами?

Къ этому разряду людей, гонимыхъ судьбою, принадлежалъ теперь старикъ Джонъ Седли, и мистеръ Доббинъ, къ великому своему ужасу, замѣтилъ въ немъ всѣ признаки погибающаго человѣка. Его фракъ, еще такъ недавно гладкій и красивый, слѣсѣмъ побѣлѣлъ по швамъ, и мѣдныя его пуговицы утратили свою позолоту. Лицо его впало, щеки опустились, борода была невыбрита, галстухъ и воротнички рубашки торчали безобразно изъ подъ верхней оконечности мѣшковатаго жилета. Когда, бывало, приходилось ему угощать молодыхъ людей въ кофейномъ домѣ, онъ заливался самымъ добродушнымъ смѣхомъ, кричалъ громче всѣхъ, и слуги подобострастно перегибались передъ нимъ, но теперь угомонился, присмирѣлъ, съѣжился бѣдный старикъ, и боль-

но было видѣть, съ какою униженною учтивостію онъ обращался къ Джону, старому, подслѣповатому служителю торговаго дома, ходившему въ грязныхъ чулкахъ и скрипучихъ штиблетахъ. Торговый домъ тоже назывался Coffee-house, да еще въ добавокъ Tariosa-Coffee-house, и обязанностію Джона было подавать гостямъ рюмки съ разноцвѣтными облатками, жестяные стаканы съ чернилами, и разноформенные кусочки бумаги, синей и бѣлой. Ничто, повидимому, не измѣнилось въ «Тапіока-Кофейномъ-Домѣ»: одинъ только Джонъ Седли былъ не похожъ на самого себя. Посмотрите, какъ принимаетъ онъ Вилльяма Доббина, которому въ былыя времена онъ нерѣдко давалъ подзатыльники и колотушки, и который еще такъ недавно былъ постояннымъ предметомъ его остроумныхъ шутокъ: Джонъ Седли дѣлаетъ передъ нимъ нижайшій поклонъ, и, нерѣшительно протягивая ему дрожащую руку, называетъ его не иначе какъ «сэръ». Покраснѣлъ и растерялся честный Доббинъ; и показалось ему, неизвѣстно отчего, будто самъ онъ, въ нѣкоторой степени, былъ причиною несчастій, разразившихся надъ головою несчастнаго Джона Седли.

— Очень радъ васъ видѣть, капитанъ Доббинъ, сэръ, сказалъ онъ, стараясь по возможности бросить джентльменскій взглядъ на своего гостя.

Тутъ былъ эффектъ своего рода: мугдиръ капитана и его воинственная осанка произвели, очевидно, нѣкоторое вліяніе на стараго служителя въ скрипучихъ штиблетахъ, и

онъ съ изумленіемъ вытаращилъ на него свой подслѣповатые глаза. Старикъ Седли продолжалъ:

– Какъ поживаетъ почтенный альдермень, и *миледи*, ваша матушка, сэръ?

Дѣлая особенное удареніе на словѣ «миледи», онъ выразвтельно взглянулъ на стараго слугу, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Видишь ли, Джонъ; у меня еще есть друзья изъ самаго высшаго круга. Смотри, братъ, ты держи ухо востро».

– Вы, конечно, пришли ко мнѣ, сэръ, по какому-нибудь дѣлу? Молодые друзья мои, Дель и Спигго, выполняютъ теперь всѣ порученія по моей части, до тѣхъ поръ пока не будетъ приведена въ порядокъ моя новая контора. Я здѣсь только на время, капитанъ, вы понимаете, сэръ? Что мы должны для васъ сдѣлать, сэръ? Не угодно ли чего-нибудь перекусить?

Переминаясь и заикаясь, Доббинъ объявилъ, что онъ не хочетъ ни пить, ни ѣсть, и что у него нѣтъ никакихъ дѣлъ по коммерческой части. Онъ пришелъ только навѣдаться о здоровьи своего стараго друга, и лично засвидѣтельствовать ему глубочайшее почтеніе.

– Матушка моя, слава Богу, совершенно здорова, сказалъ кептенъ Доббинъ, и потомъ, выдумывая отчаянную ложь, прибавилъ весьма неловко: то есть, я хотѣлъ сказать, что она ужасно больна... выздоравливаетъ понемногу... совсѣмъ оправилась, и только дожидается перваго солнечнаго дня, чтобы сдѣлать визитъ супругѣ вашей, мистриссъ Седли. Ка-

къ поживаетъ супруга ваша, сэръ? Надѣюсь, что она совершенно здорова.

Здѣсь кептенъ Доббинъ приостановился, и увидѣлъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко. Погода стояла превосходная, и солнце палило своими лучами нѣсколько дней сряду. Что жь касается до мистриссъ Седли, онъ видѣлъ ее не дальше какъ за часъ передъ этимъ, когда привезъ на «Аделаидины виллы» пріятеля своего, Осборна, котораго и оставилъ наединѣ съ миссъ Амеліей Седли.

– Женѣ моей будетъ очень пріятно увидѣться съ миледи, вашей матушкой, сказалъ старикъ, вынимая толстую пачку бумагъ изъ своего кармана. Недавно я имѣлъ честь получить письмо отъ почтеннаго вашего родителя, сэръ, покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать ему глубокое почтеніе. Леди Доббинъ найдетъ нѣкоторую перемѣну въ нашемъ хозяйствѣ: домъ у насъ маленькій – но, могу сказать, опрятный и чистый домикъ, совершенно удобный. Мы всѣ довольны. Жизнь на дачѣ, знаете, совсѣмъ не то, что въ городѣ: перемѣна воздуха принесла очевидную пользу моей дочери – вы, вѣдь, помните малютку Эмми, сэръ? Въ городѣ она очень страдала; но теперь ничего – совершенно ничего.

При этомъ глаза старика запрыгали какимъ-то страннымъ образомъ, и было очевидно, что постороннія думы тѣснились въ его душу, когда онъ принялся развязывать красную тесемку на своей пачкѣ.

– Вы человѣкъ военный, сударь мой, продолжалъ Джонъ

Седли, спрашиваю васъ, Виль Доббинъ, какой прозорливый дипломатъ могъ, незадолго передъ этимъ, предвидѣть внезапное возвращеніе этого неугомоннаго Корсиканца съ острова Эльбы? Вѣдь вотъ въ прошломъ году, сэръ, видѣли мы собственными глазами Храмъ Согласія, и были у насъ празднества, фейерверки, и китайскій мостъ въ Сен-Джемскомъ паркѣ... ну, кто бы могъ подумать въ ту пору, что миръ еще не прочно утверждень во всѣхъ европейскихъ столицахъ? Спрашиваю васъ, Вилльямъ, могъ ли я воображать, что проведу меня какъ дурака съ завязанными глазами? Вы думаете, что я не понимаю этихъ штукъ? Какъ не такъ! Австрійцы нарочно выпустили Бонапарта, чтобы подорвать нашу кредитъ, понизить фонды и раззорить въ конецъ англійское государство. Вотъ почему я и попалъ въ лабеть, Вилльямъ Доббинъ. Вотъ почему мое имя и внесено въ газеты какъ несостоятельнаго должника. Какъ же иначе, сэръ? Вѣдь я долженъ былъ повѣрить. Взгляните сюда. Посмотрите на эти бумаги. Съ перваго марта фонды начали постепенно повышаться, и потомъ – вдругъ все пошло къ чорту. Не будь тутъ злонамѣренныхъ обмановъ, этому Корсиканцу никогда бы не вырваться съ Эльбы. Чего смотрѣлъ англійскій комиссаръ, желалъ бы я знать?

Старикъ бѣсновался больше и больше, и лобъ его наморщился страшнѣйшимъ образомъ, когда онъ принялся сжатымъ кулакомъ барабанить по своимъ бумагамъ. Капитанъ Доббинъ спѣшилъ успокоить его какъ могъ:

– Скоро мы опять прогонимъ этого Бонапарта, сэръ. Герцогъ уже въ Бельгiи, сэръ, и мы со дня на день ожидаемъ приказа выступить въ походъ.

– Не давайте ему ни милости, ни пощады, скрутите его по рукамъ и по ногамъ, сударь мой, заревѣль Джонъ Седля, я бы и самъ не прочь стать подъ вашими знаменами... но я уже старикъ... и разорилъ меня въ конецъ этотъ Корсиканецъ... да и не онъ одинъ... есть, сударь мой, и въ нашей сторонѣ прiатели... были они въ свое время оголѣлыми нищими... я вывелъ ихъ въ люди, и разѣзжаютъ они въ щегольскихъ каретахъ, а я, вотъ, сударь мой, хожу пѣшкомъ, прибавилъ несчастный старикъ прерывающимся голосомъ.

Доббинъ приведенъ былъ въ трогательное умиленiе при взглядѣ на этого, нѣкогда великодушнаго и добраго негодянта, истомленнаго теперь своими несчастiями и вспышками безсильнаго старческаго гнѣва. Пожалѣйте падшаго джентльмена, вы, которые привыкли дорожить деньгами и репутаціей, какъ главнѣйшими благами въ жизни!

– Да, продолжалъ Джонъ Седли, пригрѣешь иную змѣю у себя за пазухой, и потомъ она же тебя ужалитъ не на животъ, а на смерть. Пособишь какому-нибудь оголѣлому нищему взобраться на коня, а онъ того и гляди – станетъ потомъ разѣзжать на твоей собственной спинѣ. Все бываетъ на свѣтѣ, милый мой Биль Доббинъ, и вы знаете о комъ я говорю. У этого глупаго туза на Россель-Скверѣ не было ни шиллинга въ карманѣ, когда я первый разъ познакомился съ ни-

мъ, и облагодѣтельствоваль его съ ногъ до головы. Зазнался, окаянный, и не думаетъ, что судьба можетъ окарнать его такъ же, какъ меня, чего я отъ души ему желаю.

— Я слышалъ кое-что объ этомъ отъ пріятеля моего, Джорджа, замѣтилъ Доббинъ, желавшій поскорѣе првступить къ своему дѣлу. Джорджъ чрезвычайно огорченъ вашей ссорой съ его отцомъ. Кстати, сэръ, у меня есть отъ него довольно важное порученіе къ вамъ, мистеръ Седли.

— А какое, желаль бы я знать? закричалъ старикъ, прівскакивая на своемъ стулѣ, соболѣзнуеть онъ обо мнѣ, горюеть? Очень благодарень; можете сказать, что меня чрезвычайно интересуетъ нахальный видъ его пустѣйшей головы. Негодный прощальга. Неужьто и теперь онъ слоняется вокругъ моего дома? Будь мой сынъ немножко похрабрѣе, онъ бы отправиль его къ чорту на кулички. Вѣдь онъ такой же мошенникъ, какъ его отецъ. Я запретиль строго настрого произносить его имя въ моемъ домѣ. Пусть будетъ проклять тотъ день, когда онъ первый разъ переступиль черезъ мой порогъ. Дочь моя скорѣе умреть у моихъ ногъ, чѣмъ выйdetъ за него. Это ужъ рѣшеное дѣло.

— Джорджъ не обязанъ отвѣчать за проступки своего отца, милостивый государь. Дочь ваша любить Джорджа, и вы сами ободряли ея любовь. Кто же вамъ далъ право играть привязанностью молодыхъ людей, и безжалостно сокрушать ихъ юныя сердца?

— Прошу имѣть въ виду, сударь мой, что въ это дѣло

отнюдь не вмѣшивался его отецъ, кричалъ старикъ Седли. Я самъ разстроилъ ихъ бракъ, разъединилъ молодыхъ людей, разрознилъ, разорвалъ, разбилъ. Наши фамиліи разлучились однажды навсегда, и я, собственною волею, поставилъ непреодолимая преграды къ соединенію ихъ. Вы думаете, что я упалъ слишкомъ низко? Какъ не такъ! Если потрудитесь заглянуть въ эти бумаги, такъ увидите, что я такое, и какія у меня надежды впереди. Уполномочиваю васъ сказать объ этомъ всему ихъ племени и роду – и сыну, и отцу, и матери, и сестрамъ.

– По моему искреннему и глубокому убѣжденію, милостивый государь, отвѣчалъ въ полголоса кептенъ Доббинъ, вы не имѣете ни права, ни власти разлучать двухъ молодыхъ людей, предназначенныхъ другъ другу чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ. Если вы не рѣшитесь добровольно дать согласіе вашей дочери, миссъ Амелія принуждена будетъ обвѣнчаться потихоньку. Изъ того, что вы слишкомъ упрямы, милостивый государь, никакъ не слѣдуетъ, что дочь ваша должна умереть или вести горемычную жизнь. Да они уже обвѣнчаны, по моему мнѣнію, почти такъ же, какъ будто пасторы огласили ихъ во всѣхъ лондонскихъ церквахъ. Старикъ Осборнъ, вы говорите, виновать передъ вами? Очень хорошо: вина его будетъ извѣстна и доказана всему свѣту, какъ-скоро собственный его сынъ женится на дочери чловѣка, котораго онъ ненавидитъ. Вникните въ это обстоятельство, мистеръ Седли.

Лучъ удовольствія проскользнулъ по лицу старика, но тѣ-

мъ не менѣе онъ продолжалъ увѣрять, что свадьбѣ не состоится никогда, если станутъ требовать его согласія.

— Ну, такъ мы обойдемся и безъ согласія, возразилъ улыбаясь кептенъ Доббинъ.

И по этому поводу онъ разсказалъ старику, какъ на этихъ дняхъ капитанъ Кроли похитилъ миссъ Ребекку. Эта исторія, очевидно, понравилась мистеру Седли, такъ же какъ его супругѣ.

— Вы, капитаны, народъ бойкій, сказалъ онъ, перебирая машинально свой завѣтныя бумаги.

Морщины его разгладились, лицо прояснилось, и онъ даже улыбнулся нѣсколько разъ, къ изумленію подслѣповатаго служителя, вошедшаго теперь въ комнату, и который, до этой поры, никогда не замѣчалъ веселаго выраженія на лицѣ несчастнаго банкрота.

Очень вѣроятно, что старый джентльменъ лелѣялъ въ своей головѣ отрадную мысль, полкузмить неожиданнымъ образомъ своего непріятеля, Осборна. Скоро бесѣда окончилась: мистеръ Седли и кептенъ Доббинъ разстались добрѣйшими друзьями.

* * *

— Сестры говорятъ, что у ней брильянты съ голубиныя яйца, сказалъ Джорджъ Осборнъ, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ, — воображаю, какъ это ей къ лицу: въ комнатѣ про-

сто должна быть иллюминація, когда она входитъ съ этими свѣтлыми орнаментами на своей гагатовой шеѣ. Волосы у нея шелковисты и курчавы, какъ у Самбо. Чего добраго, она, пожалуй, продѣнетъ брильянтовое колечко черезъ ноздри, какъ-скоро пригласятъ ее на придворный балъ. О, это будетъ совершеннѣйшая Belle Sauvage!

Такъ въ разговорѣ съ Амеліей, Джорджъ Осборнъ потѣшался надъ молодою леди, съ которой недавно познакомились его сестры и отецъ. Эта молодая леди сдѣлалась предметомъ общаго вниманія на Россель-Скверѣ. Говорили, что у ней безчисленное множество плантацій по ту сторону океана, груды золота въ европейскихъ банкахъ, и въ добавокъ три звѣзды, присоединенныя къ ея имени въ реестрѣ ост-индскихъ акціонеровъ. Былъ у ней дворецъ въ самомъ Лондонѣ на Соррейской сторонѣ, и прекрасная дача въ Портленд-Плесѣ. Имя богатѣйшей вест-индской наслѣдницы печаталось въ лондонскихъ газетахъ и журналахъ. Мистриссъ Гаггистаунъ, вдова полковника Гаггистауна, сопровождала ее на всѣхъ гуляньяхъ, и завѣдывала хозяйствомъ въ ея домѣ. Юная леди только-что вышла изъ пансіона по окончаніи полного курса наукъ, и сестрицы Джорджа встрѣтились съ нею на вечерѣ въ домѣ стариковъ «Гулькеръ, Буллокъ и Компанія», которые вели продолжительную и постоянную корреспонденцію съ ея вест-индскимъ домомъ. Дѣвицы Осборнъ обступили ее съ своими ласками и комплиментами, принятыми, какъ и слѣдуетъ, съ великимъ добродушіемъ. Си-

ротка въ ея положеніи... ни отца, ни матери... груды золота... какъ это интересно! восклицали прелестныя сестрицы Джорджа. По возвращеніи домой онѣ отнесли о своей новой знакомкѣ съ большою похвалою миссъ Виртъ, своей долговязой гувернанткѣ, и тутъ же, вмѣстѣ съ нею, начали придумывать средства видѣть какъ-можно чаще знаменитую владѣтельница вестиндскихъ плантацій. Поутру, на другой день послѣ бала, онѣ сочли своей обязанностью сдѣлать ей визитъ. Мистриссъ Гаггистаунъ, вдова полковника Гаггистауна, родственница лорда Бинки, произвела не совсѣмъ выгодное впечатлѣніе на молодыхъ дѣвицъ: она жеманна, чопорна, высокомерна, и, что всего хуже, безпрестанно говорить о лордѣ Бинки; но эта малютка, Рода, – все что хотите, и дѣвицы Осборнъ были отъ нея въ восторгѣ. Рода умна, добра, наивна какъ ребенокъ, застенчива немножко и не имѣетъ, такъ-сказать, джентльменскаго лоска; но это пройдетъ по мѣрѣ ея знакомства съ свѣтомъ. Дѣвушки называли не иначе какъ христіанскимъ именемъ свою новую знакомку.

– Посмотрѣла бы ты на ея придворный костюмъ, Эмми! продолжалъ Осборнъ веселымъ тономъ, – она недавно пріѣзжала въ немъ къ моимъ сестрамъ, прежде чѣмъ представила ее, по всей формѣ, миледи Бинки; родственница Гаггистауновъ. Впрочемъ она всѣмъ приходится съ родни, эта Гаггистаунъ. Брильянты ея пылали какъ воксаль въ тотъ вечеръ, когда мы тамъ были. (Помнишь ли ты, Эмми, какъ Джо-зефъ любезничалъ тогда съ твоей подругой?) Брильянты и

красное дерево, мой ангель! Подумай, какой очаровательный контрасть съ ея бѣлыми перьями въ шелковичныхъ курчавыхъ волосахъ! Серьги на ней то же что канделябры, и ты, право, могла бы поставить на нихъ свѣчи. Но можетъ-быть всего замѣчательнѣе желтый атласный шлейфъ, который тащился за ея платьемъ, какъ хвостъ какой-нибудь кометы.

– Сколько ей лѣтъ? спросила Эммв, слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ болтовню своего жениха.

– Черная принцесса только-что вышла изъ школы; но я думаю, ей ужъ чуть ли не стукнуло около двадцати трехъ лѣтъ. И какимъ она почеркомъ пишетъ, еслибъ ты видѣла? Всѣ письма за нее обыкновенно пишетъ мистриссъ полковница Гаггистаунъ; но случается, въ минуту откровенности, она и сама принимается за перья. Сестрицы мои, на этихъ дняхъ, получили отъ нея собственноручную записку, гдѣ столько же грамматическихъ ошибокъ, сколько словъ.

– У насъ въ пансіонѣ тоже была мулатка, которой никакъ не могли растолковать грамматическія правила, замѣтила Амелія, припомнившая одну изъ своихъ подругъ въ благородной академіи миссъ Пинкертонъ, – она жила на хлѣбахъ у самой содержательницы.

– Какъ ее звали? спросилъ Осборнъ.

– Миссъ Шварцъ.

– Ну? такъ это она и есть. Отець ея, нѣмецкій жидъ, торговалъ неграми въ Ост-Индіи и нажилъ мильйоны. Онъ умеръ въ прошломъ году, и миссъ Пинкертонъ довершила воспи-

таніе его дочери. Она брѣнчить на фортепьяно, поеть двѣ, три пѣсни, и съ грѣхомъ пополамъ умѣеть напачкать безграмотную записку подѣ диктовку мистриссъ Гаггистаунъ. Дженни и Мери уже изгораздились полюбить ее какъ сестру.

— О, если бы онѣ меня удостоили такой любви! сказала Эмми съ глубокимъ вздохомъ, — онѣ всегда были холодны ко мнѣ.

— Дитя! надобно имѣть по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ фунтовъ, чтобѣ заслужить благосклонное вниманіе моихъ сестрицъ, возразилъ Джорджъ трагическимъ тономъ, — ужь такъ онѣ воспитаны, и черствая ихъ натура неспособна къ безкорыстнымъ чувствамъ. Подумаешь, что все наше общество состоитъ изъ золотыхъ и серебряныхъ слитковъ. Мы живемъ банкирами и толстыми тузами изъ Сити; каждый, говоря съ тобою, гордо позваниваетъ своими гинеями въ карманѣ, какъ-будто самъ чортъ ему не братъ. Вижу какъ сейчасъ всѣкъ этихъ ословъ. Вотъ между ними пузатый Фредъ Буллокъ, будущій женихъ сестрицы моей, Мери, приземистый Гольдморъ, директоръ ост-индской компаніи, косолапый Дипли, который устраиваетъ свои дѣлишки по торговлѣ сальными свѣчами — по *нашей* торговлѣ, моя милая, дополнилъ Джорджъ съ презрительнымъ смѣхомъ. Терпѣть не могу этихъ истукановъ, и мнѣ тошно сидѣть на ихъ скучнѣйшихъ обѣдахъ. Признаюсь, Амелія, мнѣ право даже стыдно за домъ моего отца. Я привыкъ жить въ обществѣ порядочныхъ джентльменовъ, людей свѣтскихъ, Эмми, фешонэбль-

ныхъ, и ужь слишкомъ далеко отсталъ отъ этихъ пузатыхъ торговцевъ. Милый другъ мой! ты одна только изъ нашего круга мыслишь, чувствуешь и говоришь, какъ истинная леди, и это въ порядкѣ вещей, потому-что ты ангель, Эмми. Не возражай. Я повторю еще – одна только ты настоящая леди между этими воронами въ павлиньихъ перьяхъ. Развѣ это не замѣтила миссъ Кроли? А она видѣла свѣтъ, и знаетъ лучшія общества европейскихъ столицъ. что жь касается до Родона Кроли, это – примѣрный джентльменъ, и, по моему, онъ поступилъ благородно, что женился на любимой дѣвицѣ. Ребекка достойна его.

Амелія тоже находила съ своей стороны, что мистеръ Кроли достигъ благородно. Она вѣрила душевно, что Ребекка будетъ съ нимъ счастлива, и это обстоятельство – замѣтила она улыбаясь – должно утѣшить брата ея, Джоза.

Такъ говорила юная чета, предаваясь беззаботному веселью, и припоминая старину. Младенческая довѣренность опять водворилась въ сердцѣ малютки Эмми, хотя она обнаружила притворную ревность къ миссъ Шварцъ, и признавалась съ наивнымъ лицемѣріемъ, будто ужасно боится за своего жениха, который – легко станется – совсѣмъ забудетъ ее изъ-за богатой наслѣдницы вест-индскихъ плантацій. Однакожь, на самомъ дѣлѣ, въ душѣ ея не было ни малѣйшихъ безпокойствъ и тревожныхъ сомнѣній; чего ей бояться, когда милый Джорджъ, презирая всякую опасность, отыскалъ ее, съ такимъ великодушіемъ, на «Аделаидиныхъ виллахъ?»

Окончивъ свое посольство въ «Тапіока-Кофейный-Домъ», кептенъ Доббинъ поспѣшилъ присоединиться къ обществу юныхъ. счастливецъ, и сердце его затрепетало отъ живѣйшаго восторга, когда увидѣлъ, что Амелія вдругъ опять превратилась въ розовую и счастливую дѣвицу. Она шутила, смѣялась, рѣзвилась и пѣла старыя знакомыя пѣсни на фортепьяно до тѣхъ поръ, пока наконецъ уличный звонокъ возвѣстилъ счастливой компаніи, что мистеръ Седли воротился изъ Сити. Это было сигналомъ отступленія для Джорджа.

Должно замѣтить, къ стыду и осужденію эгоистической природы миссъ Эмми, что она, въ продолженіе всего этого визита, не обращала ни малѣйшаго вниманія на честнаго Вильяма Доббина, какъ-будто и не было его на свѣтѣ, Правда, она улыбнулась очень мило, когда капитанъ вошелъ, но мы смѣемъ увѣрить, что это была притворная улыбка, такъ-какъ она считала его прибытіе совершенно неумѣстнымъ. Нѣтъ нужды: кептенъ Доббинъ былъ совершенно счастливъ и доволенъ, потому-что миссъ Эмми была счастлива, и онъ чувствовалъ въ душѣ невыразимую усладу при мысли, что самъ, нѣкоторымъ образомъ, содѣйствовалъ къ ея счастью.

Глава XX

Маленькая распря изъ за наслѣдницы вест- индскихъ плантацій

– Надобно быть пошлымъ дуракомъ, чтобы не полюбить такую дѣвицу, какъ миссъ Шварцъ! рассуждалъ старикъ Осборнъ въ своихъ джентльменскихъ апартаментахъ на Россель-Скверъ. И на этомъ основаніи, въ душѣ честолюбиваго негоціанта зароились самыя яркія надежды, самыя юныя мечты. Онъ ободрялъ и поощрялъ, съ увлеченіемъ пылкаго юноши, нѣжную привязанность своихъ дочерей къ богатой наслѣдницѣ вест-индскихъ плантацій, и не разъ объявлялъ имъ съ торжественнымъ величіемъ, что эта привязанность радуется какъ нельзя больше его родительское сердце.

– Само собою разумѣется, говорилъ онъ миссъ Родъ; въ скромномъ моемъ домикѣ на Россель-Скверъ вы не найдете того блеска и той пышности, которыми васъ обыкновенно окружаютъ въ великолѣпныхъ салонахъ Вест-Энда. Дочери мои дѣвушки незатѣйливыя, простыя, безкорыстныя; но сердца ихъ, повѣрьте мнѣ, миссъ Рода, умѣютъ отличать истинныя достоинства отъ фальшивыхъ, и вотъ почему онѣ питаютъ къ вамъ привязанность, которая, конечно, дѣлаетъ

имъ честь... ну, да иначе не можетъ быть, и я готовъ повторять всегда, что эта привязанность дѣлаетъ имъ честь. О себѣ самомъ я не стану распространяться. Я скромный британскій негодіантъ, простой, конечно, и быть-можетъ нѣсколько грубоватый; зато честный негодіантъ, какъ это вамъ могутъ засвидѣтельствовать почтенные друзья мои, Гулькеръ и Буллокъ, которые вели постоянную корреспонденцію съ вашимъ покойнымъ, вѣчно незабвеннымъ родителемъ, миссъ Рода. Вы найдете въ насъ семейство простое, дружное, счастливое, могу сказать, почтенное семейство, безъ всякихъ притязаній на пышность и джентльменскій лоскъ аристократическихъ салоновъ; но зато, миссъ Рода... милая Рода... да, позвольте называть васъ этимъ именемъ... мы всѣ васъ любимъ искренно, душевно, и мое сердце проникнуто къ вамъ родительскимъ чувствомъ. Я человекъ откровенный, и готовъ сказать безъ обиняковъ, что люблю васъ, какъ собственную дочь. Бокаль шампанскаго! Гиксъ, шампанскаго для миссъ Шварцъ!

Думать надобно, что старикъ Осборнъ вѣрилъ искренно всѣмъ этимъ словамъ, и я не сомнѣваюсь, что безхитростныя его дочки питали задушевную привязанность къ миссъ Шварцъ. Золото, на Базарѣ Житейской Суеты, имѣетъ неотразимо привлекательную силу, и каждый членъ британской публики невольно благоговѣетъ передъ его ослѣпительнымъ блескомъ. Я готовъ съ своей стороны признаться откровенно, что сердце мое инстинктивно проникается нѣкоторымъ

участиємъ къ судьбѣ ближняго, какъ-скоро я знаю, что въ желѣзной кассѣ его хранятся мильйоны, но само собою разумѣется, что это участіе, въ душахъ любостяжателей, увеличивается больше чѣмъ на сто прцентовъ, и они готовы, при первомъ случаѣ, летѣть, съ распростертыми объятіями, къ счастливымъ владѣльцамъ мильйоновъ. Я знаю многое множество людей, рѣшительно неспособныхъ питать дружескія чувства къ тѣмъ несчастнымъ смертнымъ, которымъ не суждено играть блестящей роли на рынкѣ житейскихъ тревоженій. Холодные и даже мертвые ко всѣмъ профанамъ, чуждымъ звонкой благостыни, эти люди даютъ просторъ своимъ чувствованіямъ не иначе, какъ въ извѣстныхъ случаяхъ, когда этого требуютъ приличія, опредѣляемые направленіемъ магнита, скрытаго для нихъ въ благородныхъ металлахъ. Доказательства у насъ подъ рукою: благородные члены фамиліи Осборновъ, знавшіе Амелію Седли въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, не могли питать къ ней ни малѣйшаго вліянія, похожега на дружбу, между-тѣмъ какъ миссъ Шварцъ въ продолженіе одного вечера, пробудила въ ихъ сердцахъ самыя нѣжныя чувствованія, какія только могутъ быть доступны для романическаго представителя дружбы.

– Какая чудесная партія для Джорджа! говорили интересныя сестрицы и долговязая ихъ гувернантка, миссъ Виртъ, тутъ нечего и думать о какой-нибудь ничтожной Амеліи Седли. Джорджъ и Рода созданы другъ для друга. Ей нуженъ женихъ съ прекрасной наружностью, блестящей перспективой

впереди и значеніемъ въ джентльменскомъ кругу; все это она должна найти въ капитанѣ Осборнѣ.

И при этомъ, воображеніе молодыхъ дѣвицъ разрисовывало великолѣпные балы на Портленд-Плесѣ, будущія представленія ко двору и будущее возведеніе ихъ брата въ достоинство пэра. Братецъ Джорджъ и его обширныя знакомства въ джентльменскомъ кругу – вотъ единственная тѣма, которую онѣ распространяли на тысячу ладовъ въ присутствіи своей возлюбленной подруги.

Старикъ Осборнъ былъ также убѣжденъ душевно, что миссъ Рода прекрасная невѣста для его сына. Джорджъ оставить военную службу, поступить въ парламентъ и быстро пойдетъ впередъ на блистательномъ поприщѣ британскихъ дипломатовъ. Старческая кровь негоціанта волновалась и кипѣла, когда онъ видѣлъ имя Осборновъ облагороженнымъ въ лицѣ своего сына, и воображалъ, что судьба назначила ему сдѣлаться прародителемъ знаменитой линіи баронетовъ. Онъ работалъ неутомимо на биржѣ и въ Сити, разспрашивая обо всѣхъ подробностяхъ относительно наслѣдницы индійскихъ плантацій и въ скоромъ времени узналъ онъ въ совершенствѣ, сколько было денегъ у миссъ Шварцъ, и какое направленіе коммерческая опытность сообщила ея капиталу. Всѣ эти свѣдѣнія мистеру Осборну доставлялъ главнѣйшимъ образомъ молодой Фредерикъ Буллокъ, который бы и самъ не прочь предложить себя оливковой наслѣдницѣ плантацій, еслибъ имя его не было заранѣе соединено съ миссъ

Маріей Осборнъ. Въ этомъ онъ открыто признавался своему будущему тестю, отказываясь съ благороднымъ безкорыстіемъ отъ богатой мулатки въ пользу любезнаго брата своей невѣсты.

— Скажите Джорджу, чтобъ онъ не мигаль и держаль ухо востро, говорилъ безкорыстный Фредерикъ Буллокъ, — куй желѣзо, пока горячо, — вы понимаете? Все пойдетъ на ладъ, покамѣстъ она свѣжая новинка въ этомъ городѣ; но чрезъ нѣсколько недѣль, пожалуй, намъ не видать ея какъ своихъ ушей, если на-бѣду подвернется какой-нибудь франтъ изъ Вест-Энда... понимаете? Не нашему брату, торгующему въ Сити, тягаться съ этими господами. Вотъ, въ прошломъ году, Поддеръ и компанія совсѣмъ уже готовъ былъ обдѣлать свое дѣльцо съ мисъ Грогремъ; но подвернулся лордъ Фидруфусъ, и все пошло навыворотъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, мистеръ Осборнъ, такъ по крайней мѣрѣ я думаю, и вы, надѣюсь, можете положиться на мое мнѣніе.

Но когда мистеръ Осборнъ вышелъ шь гостигой молодого банкира, мистеръ Буллокъ вспомнилъ о миссъ Амеліи, и о томъ, какъ эта прелестная дѣвушка привязана къ Джорджу Осборну. Около десяти секундъ удѣлилъ онъ отъ своего драгоценнаго времени на искреннее соболѣзнованіе о несчастіи, которое такъ неожиданно разразилось надъ злополучной дѣвицей. Мы даже обязаны замѣтить, къ чести юнаго банкира, что онъ испустилъ при этомъ вздохъ, нельзя сказать чтобъ слишкомъ глубокой, но все же такой вздохъ, ко-

торый неоспоримо свидѣтельствовалъ о его чувствительной натурѣ.

Устроивая такимъ образомъ эту блестящую партію для молодаго человѣка, приведеннаго къ ногамъ горемычной невѣсты неусыпною заботливостью великодушнаго друга, старикъ Осборнъ и его дочери отнюдь не сомнѣвались, что Джорджъ не окажетъ ни малѣйшаго сопротивленія ихъ планамъ.

Обдѣлывая свое дѣльцо по коммерческой системѣ, старикъ Осборнъ исподоволь пустилъ въ ходъ нѣсколько энергическихъ «намековъ», которыхъ сущность могла быть очевидною даже для совершеннѣйшаго идіота съ ослиною головою на плечахъ. Онъ обыкновенно называлъ намекомъ почти все, что ни дѣлалъ по хозяйственной части. Столкнувъ лакея съ лѣстницы, значило, по его словамъ, сдѣлать ему тонкій намекъ, чтобъ онъ убирался со двора. Руководимый своей обычной откровенностью, онъ сказалъ напримеръ мистриссъ полковницѣ Гаггистаунъ, что дастъ ей вексель въ десять тысячъ фунтовъ въ тотъ самый день, когда сынъ его женится на ея воспитанницѣ, и это предложеніе называлъ онъ самымъ деликатнымъ намекомъ, обличавшимъ обыкновенную утонченность его дипломатическаго искусства. Дѣлая такой же намекъ сыну своему, Джорджу, онъ приказалъ ему немедленно жениться на миссъ Шварцъ, причемъ непреклонная его воля объявлена была съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ онъ приказывалъ буфетчику откупорить

бутылку, или конторщику переписать записку.

Этот повелительный намекъ значительно разстроилъ Джорджа. Его мечты уже достигали до самой восторженной степени, когда онъ вновь прятался ухаживать за миссъ Амеліей, и эта вторичная эпоха нѣжностей чрезвычайно нравилась его воображенію. Онъ сравнивалъ наружность и манеры богатой мулатки съ своей хорошенькой невѣстой, и мысль о женитьбѣ на оливковой владѣтельницѣ плантацій представлялась ему вдвойнѣ нелѣпою и смѣшною. Вообразите, напримѣръ, что онъ, мистеръ Джорджъ, красавецъ первой руки, идеаль британскихъ львовъ, сидитъ въ каретѣ или театральной ложѣ подлѣ этой заморской обезьяны, унизанной какъ на смѣхъ брильянтами и жемчугомъ – что это за странная, чудовищная чета! Прибавьте ко всему этому, что мистеръ Осборнъ-младшій былъ такъ же упрямъ, какъ старшій, и если была у него какая-нибудь цѣль впереди, онъ шель къ ней твердыми и рѣшительными шагами. Притомъ былъ онъ вспыльчивъ и горячъ точно въ такой же степени, какъ его отецъ.

Въ первый день, когда отецъ далъ формальное приказаніе своему сыну ухаживать за миссъ Шварцъ, Джорджъ подытался выставить на видъ неудобства со стороны времени и обстоятельствъ.

– Вамъ бы слѣдовало подумать объ этомъ прежде, сказалъ мистеръ Джорджъ Осборнъ, поздно хлопотать о женитьбѣ, когда мы съ каждымъ днемъ ожидаемъ приказанія высту-

пить въ походъ. Подождите до моего возвращенія, если только суждено мнѣ возвратиться невредимымъ съ поля битвы.

Потомъ онъ распространился относительно того, какъ дурно было выбрано время для переговоровъ о семейныхъ дѣлахъ, и представилъ своему родителю, что послѣдгіе дни этой недѣли онъ обязанъ посвятить не любезничеству, а приготовленію къ служебной дѣятельности, и приличному прощанью съ воздухомъ родной земли.

— Время не уйдетъ толковать объ этомъ и послѣ похода, когда я возвращусь на родину съ новымъ чиномъ и, быть-можетъ съ новыми знаками отличія, заключилъ Джорджъ Осборнъ рѣшительнымъ тономъ, потому-что я могу обѣщать вамъ, что вы, такъ или иначе, прочтете фамилію Джорджа Осборна во всѣхъ англійскихъ газетахъ.

Отвѣтъ отца былъ основанъ на свѣдѣніяхъ, отобранныхъ въ Сити. Онъ старался доказать упрямому сыну, что, при малѣйшей отсрочкѣ, богатая наслѣдница можетъ ускользнуть изъ рукъ вслѣдствіе неизбежнаго нашествія изъ Вест-Энда, гдѣ, съ каждымъ днемъ распложаются обѣднѣвшіе франты, готовые, при первой возможности, поправить свое разстроенное состояніе богатой женитьбой...

— Дѣло еще легко можно устроить при твоей доброй волѣ, сказалъ старикъ Осборнъ, ты можешь по крайней мѣрѣ обручиться, и въ продолженіе своего отсутствія вести постоянную переписку съ миссъ Шварцъ. Свадьбу сыграемъ послѣ, когда ты воротишься назадъ. Притомъ, любезный другъ, ес-

ли сказать всю правду, такъ по моему мнѣнію, странно искать счастья за границей, какъ-скоро представляется полная возможность, оставаясь дома, получать десять тысячъ фунтовъ ежегоднаго дохода.

— Стало-быть вы считаете меня трусомъ? съ нетерпѣніемъ вскричалъ мистеръ Джорджъ Осборнъ, — неужели вы думаете, что я способенъ обезславить фамилію Осборновъ изъ-за денегъ миссъ Шварцъ.

Эти возраженія, казалось, поколебали старика, но не думая однакожь отказываться отъ своего намѣренія, онъ проговорилъ довольно твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Миссъ Шварцъ бываетъ здѣсь каждый день и вы непременно каждый день обѣдаете съ нами, сэръ. Прошу васъ быть какъ можно внимательнѣе къ миссъ Шварцъ. Если нужны вамъ деньги, можете обратиться въ моей конторѣ къ господину Чопперу.

Такимъ образомъ возникло новое препятствіе на пути мистера Джорджа къ сношеніямъ его съ миссъ Амеліей Седли. Объ этомъ предметѣ держалъ онъ серьезную консультацію съ своимъ другомъ, и мы уже знаемъ положительное мнѣніе мистера Доббина обо всѣхъ этихъ вещахъ. Онъ тоже съ своей стороны придерживался пословицы: «Куй желѣзо, пока горячо», и на этомъ основаніи совѣтовалъ своему пріятелю жениться какъ можно скорѣе. Что жъ касается до мистера Осборна, новыя препятствія дѣлали его еще болѣе раздражительнымъ и упрямымъ, какъ-скоро онъ положительно рѣ-

шался на какой-нибудь подвигъ.

Между-тѣмъ оливковая владѣтельница плантацій отнюдь не знала и не подозрѣвала, какіе планы устроивались на ея счетъ въ почтенномъ семействѣ Осборновъ. Ея пріятельница и неразлучная спутница, мистриссъ полковница Гаггистаунъ, хранила объ этомъ предметѣ глубочайшее молчаніе, и миссъ Шварцъ, беззаботная и легкомысленная какъ птичка, принимала за чистую монету всѣ комплименты и ласки, какіе оказывались ей въ домѣ негоціанта на Россель-Скверѣ. Предупредительныя и обязательныя дѣвицы Осборнъ казались ей предобрѣйшими созданіями въ мірѣ, и она отвѣчала на ихъ дружескія выраженія съ увлеченіемъ пылкаго сердца, взлелѣяннаго тропическимъ солнцемъ. И если сказать всю правду безъ утайки, былъ особенный предметъ, привлекавшій ее на Россель-Скверъ, и читатель угадалъ, конечно, что этотъ предметъ олицетворялся въ особѣ мистера Джорджа Осборна, котораго она, въ простотѣ душевной, считала прекраснѣйшимъ молодымъ человѣкомъ. Его усы и бакенбарды сдѣлали на нее весьма выгодное впечатлѣніе въ первый же вечеръ, когда она увидѣла его на балу у господъ Гулькеръ и компаніи, и намъ заподлинно извѣстно, что мистеръ Джорджъ приводилъ въ восторгъ своими физическими дарами не одну миссъ Роду. И самое дѣлѣ, онъ, во многихъ отношеніяхъ, былъ весьма интересный и замѣчательный кавалеръ: фізіономія его чуднымъ образомъ выражала въ одно и тоже время задумчивость и надменность, томную мелан-

холю и вмѣстѣ мужественную сановитость. На пасмурномъ челѣ его рѣзкими чертами отпечатлѣвались тайныя думы, глубокія страсти, таинственныя печали, огорченія и заботы романтическаго свойства. Голосъ его былъ звученъ, плавень и нѣженъ. Если онъ дѣлалъ замѣчанія какой-нибудь дѣвицѣ относительно погоды, или предлагалъ ей порцію мороженнаго, въ интонаціи его обнаруживалось столько грусти и романической откровенности, что вы, наблюдая его издали непременно могли бы подумать, что онъ извѣщаетъ свою внимательную собесѣдницу о кончинѣ ея матери, или, собирается открыть передъ нею патетическое объясненіе въ любви. Онъ становился на необозримую высоту передъ всею молодежью въ домѣ своего отца, и считался героемъ между всѣми напомаженными франтами изъ купческаго круга. Нѣкоторые ненавидѣли его, другіе презирали, иные подсмѣивались надъ нимъ изподтишка; но были и такіе, которые, какъ мистеръ Доббинъ, изумлялись его талантамъ и благоговѣли передъ нимъ. Но какъ бы то ни было; бакенбарды его дѣлали свое дѣло, и миссъ Шварцъ была отъ нихъ въ восторгѣ.

Какъ скоро представлялся вѣроятный случай встрѣтиться съ нимъ на Россель-Скверѣ, миссъ Шварцъ пламенѣла желаніемъ повидаться немедленно съ прелестными дѣвицами Осборнъ. Она употребляла огромныя издержки на новыя платья, браслеты, шляпки и на драгоценныя перья, вывезенныя изъ-за моря для украшенія прекраснѣйшей половины человѣческаго рода. Она украшала свою особу всѣми

изобрѣтеніямъ современнаго вкуса и моды, чтобы обратить на себя вниманіе блистательнаго Купидона, и одержать побѣду надъ его сердцемъ. Ея нравственныя совершенства и таланты тоже, по возможности, были выставляемы на показъ съ самой выгодной стороны. По просьбѣ своихъ подругъ она готова была, по нѣскольку часовъ сряду, бренчать на фортепьянахъ три романса и пѣть свой три единственныя аріи, воображая, что заставляетъ всѣхъ и cadaго удивляться своему музыкальному искусству. Въпродолженіе этихъ увеселительныхъ упражненій миссъ Виртъ и мистриссъ Гаггистаунъ сидѣли другъ подлѣ друга, воркуя о своихъ знакомыхъ между пэрами, лордами, баронами и графами.

За часъ передъ обѣдомъ, на другой день послѣ того, какъ мистеръ Джорджъ получилъ деликатный намекъ отъ своего отца, онъ полулежалъ въ гостиной на софѣ въ интересной позѣ молодаго джентльмена, испытавшаго горечь и наслажденіе жизни. По предложенію щедраго родителя, онъ уже имѣлъ сегодня поутру вождельнную аудіенцію съ господиномъ Чопперомъ, которому поручено было наполнить его опустѣлый кошелекъ полноувѣсными гинеями изъ конторской кассы. Почтенный родитель, должно замѣтить, довольно часто снабжалъ своего сына звонкой благостыней, но никогда не назначалъ ему опредѣленнаго жалованья; предоставляя себѣ право награждать его, какъ и когда вздумается, единственно по влеченію своего чадолюбиваго сердца. По выходѣ изъ Сити, онъ отправился въ Фольгемъ, на

«Аделаидины виллы», и провель часа три въ обществѣ миссъ Амеліи Седли. На Россель-Скверѣ, въ родительскомъ домѣ, онъ нашель своихъ сестрицъ въ бѣлыхъ раскрахмаленныхъ кисейныхъ платицахъ, и двухъ пожилыхъ дамъ, рисовавшихся въ гостиной на заднемъ планѣ. Но самымъ замѣтнымъ лицомъ въ этомъ маленькомъ обществѣ была малютка миссъ Шварцъ въ своемъ любимомъ атласномъ платьѣ янтарнаго цвѣта, украшенная сверхъ того бирюзовыми браслетами, безчисленными кольцами, цвѣтами, брошками, перьями и несмѣтнымъ множествомъ другихъ бездѣлокъ, придававшихъ ея фигурѣ истинное подобіе вороны въ павлиньихъ перьяхъ, или трубочистки въ майскій день.

Послѣ бесполезныхъ попытокъ вовлечь молодаго чело-вѣка въ разговоръ, дѣвицы принялись разсуждать о послѣднихъ модахъ и послѣднемъ балѣ у банкира съ такою чопорною важностью, что Джорджу сдѣлалось наконецъ тошно отъ ихъ болтовни. Онъ ставиль въ контрастъ ихъ обращеніе съ манерами миссъ Эмліи, сравнивалъ ихъ пронзительные, грубые голоса съ ея звучными и нѣжными тонами, ихъ жеманныя позы и накрахмаленные локти съ ея скромными прелестями и плавными движеніями. Бѣдная малютка Шварцъ сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно сиживала миссъ Эмми. Изумрудныя руки ея покоились на ея атласныхъ колѣняхъ янтарнаго цвѣта. Брильянтовыя булавки и серьги отражались радужными цвѣтами на окружающихъ предметахъ, и большіе глаза оливковой красавицы искри-

лись самодовольнымъ блескомъ. Она не дѣлала ничего, и по-видимому погружена была мыслью въ созерцаніе собственныхъ красоть. Янтарный атласъ былъ чудо какъ хорошъ, и это шитье удивительно какъ шло къ лицу миссъ Роды: это уже замѣтили ей дѣвицы Осборнъ, и она вѣрила всему, что исходило изъ ихъ усть.

— О, если бы ты видѣлъ ее, Вильямъ! говорилъ Джорджъ своему закадышному другу. Въ этой позѣ она была точь въ точь китайская кукла, которая только и знаетъ, что оскаливаетъ зубы и киваетъ головой. Признаюсь, мой другъ, мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы не швырнуть въ нее подушкой съ дивана, на которомъ я лежалъ.

И точно, містеръ Осборнъ удержался отъ этого обнаруженія своихъ чувствъ.

Между-тѣмъ сестрицы начали играть «Битву при Прагѣ», самую модную арію, какая въ ту пору была въ ходу.

— Остановитесь, mesdames, вскричалъ Джорджъ въ порывѣ изступленнаго гнѣва. Вы сведете меня съ ума, если станете брэнчать эту негодную пьесу. Сыграйте лучше *вы* что-нибудь, миссъ Шварцъ. Спойте что-нибудь.

— Что жъ я вамъ спою, містеръ Осборнъ?

— Вее, что хотите, только не эту «Битву».

— Хотите голубоокою Мери, или арію изъ Кабинета? спросила миссъ Шварцъ.

— О, это очаровательная арія! вскрикнули сестрицы.

— Мы уже слышали ее двадцать тысячъ разъ, возразилъ

мизантропъ, полулежавшій на софѣ.

– Можетъ-быть вамъ нравится *Флюфъ ду Таишъ*, мистеръ Осборнъ? сказала миссъ Шварцъ. Извольте, я спою, только наизусть это будетъ довольно трудно.

Эта пьеска была послѣднею въ музыкальномъ репертуарѣ молодой дѣвицы.

– О, *Fleuve du Tage!* воскликнула Мери, я сейчасъ принесу вамъ эту арію.

И предупредительная сестрица пошла отыскивать книгу, гдѣ заключалась эта знаменитая пѣсня.

Случаю угодно было распорядиться такимъ образомъ, что эту самую пѣсню, вмѣстѣ со многими другими, молодая дѣвица получили въ подарокъ отъ одной изъ своихъ подругъ, которой имя стояло на заглавномъ листкѣ. Миссъ Шварцъ, окончивъ эту арію, при громкомъ одобреніи Джорджа, думавшаго въ эту минуту объ Амеліи, надѣялась, что ее вѣроятно заставятъ повторить, и въ ожиданіи, принялась перелистывать музыкальную книгу, какъ вдругъ глаза ея обратились на заглавный листъ, и она увидѣла крупную надпись: «Амелія Седли».

– Ахъ, Боже мой, неужели это *моя* Амелія? вскрикнула миссъ Шварцъ, быстро повернувшись на фортепьянной табуреткѣ. Та ли это миссъ Эмми, которая училась вмѣстѣ со мною въ пансіонѣ Пинкертонъ на Чизвиккскомъ проспектѣ? О да, это она, я не сомнѣваюсь – *ея* этотъ почеркъ, ея... и, скажите мнѣ; гдѣ она живетъ?

– Не говорите о ней, миссъ Шварцъ, сказала миссъ Марія Осборнъ скороговоркой. Ея фамилія обезславила себя. Отець Амеліи обмануль нашего папеньку, и здѣсь у насъ строго запрещено произносить имя этой дѣвицы.

Миссъ Марія Осборнъ поставила это въ пику своему братцу за его грубый отзывъ насчетъ «Битвы при Прагѣ».

– Другъ ли вы моей Амеліи, миссъ Шварцъ? воскликнулъ Джорджъ трагическимъ тономъ, быстро вставая съ мѣста. О, благослови васъ Богъ, миссъ Шварцъ! Не вѣрьте тому, что говорятъ вамъ эти дѣвицы. Злословіе и клевета не могутъ ни по какому поводу очернить...

– Вы знаете, Джорджъ, что здѣсь не должно говорить о ней, перебила сестрица Дженни.

– Кто можетъ запрещать мнѣ? вскричалъ Джорджъ. Я хочу говорить о ней, и буду говорить. Миссъ Амелія – предобрая, премилая дѣвица, и сестры мой не стоятъ ея пальчика. Если вы любите Амелію, ступайте къ ней, миссъ Шварцъ: ей теперь нужны друзья, и я благословляю всѣхъ и каждого, кто не отказывается отъ своихъ несчастныхъ друзей. Амелія заслуживаетъ самага искренняго участія, и тотъ будетъ моимъ истиннымъ другомъ, кто скажетъ о ней доброе слово; но всякая особа, позволяющая злословить невинную дѣвушку, есть мой непримиримый врагъ. Благодарю васъ, миссъ Шварцъ.

И сдѣлавъ трагическій жестъ, онъ принялся ходить по комнатѣ быстрыми шагами.

– Джорджъ! Джорджъ! вскричала одна изъ сестеръ умоля-

ЮЩИМЪ ТОНОМЪ.

— Я говорю, и готовъ повторить тысячу разъ, съ гордостію возразилъ мистеръ Джорджъ, что искренняя благодарность моя принадлежитъ всякой особѣ, которая любитъ миссъ Амелію Сед...

Онъ остановился. Старикъ Осборнъ вошелъ въ комнату.

— Мистриссъ Гаггистаунъ, позвольте мнѣ проводить васъ въ столовую, сказалъ онъ, Джорджъ, дайте свою руку миссъ Шварцъ.

И они пошли.

— Миссъ Шварцъ, я люблю Амелію, и мы помолвлены другъ за друга почти съ дѣтскихъ лѣтъ, сказалъ Джорджъ Осборнъ своей дамѣ, когда они спускались съ лѣстницы въ нижній этажъ.

За столомъ Джорджъ болталъ безъ умолку, такъ что озадачилъ всю компанію.

Послѣ обѣда онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ отцомъ и наконецъ объявилъ, что любитъ Амелію Седли и отказывается отъ руки мулатки.

Мистеръ Осборнъ-старшій послѣ того неистово дернулъ за сонетку, и когда въ комнату вбѣжалъ слуга, онъ приказалъ ему немедленно подать кабріолетъ для господина Джорджа.

* * *

— Все кончено! воскликнулъ Джорджъ, вбѣгая черезъ ча-

съ въ комнату своего друга, взволнованный и блѣдный какъ полотно.

– Что такое? спросилъ мистеръ Доббинъ.

Джорджъ разсказалъ въ короткихъ словахъ о случившемся.

– Завтра я женюсь на ней! заключилъ онъ съ торжественнымъ величіемъ, – другъ! Я люблю ее все больше и больше, съ каждымъ днемъ.

Глава XXI

Свадьба и частичка медоваго мѣсяца

«Будь непріятель мужественъ, упоренъ, силенъ и крѣпокъ какъ гранитъ, ему не устоять противъ голода и холода». Этотъ тезисъ считается чуть ли не аксіомой въ стратегическомъ искусствѣ, и на этомъ основаніи, Джорджъ Осборнъ не чувствовалъ особенной тяжести на своей душѣ послѣ столкновенія, описаннаго нами въ предъидущей главѣ. Скоро, нѣтъ сомнѣнія, жизненные припасы Джорджа оскудѣютъ, и онъ долженъ будетъ воротиться въ родительскій домъ съ повинной головой. Жаль, конечно, что молодецъ какъ нарочно угораздился заранѣе заpastись обильной провизіей въ тотъ самый день, когда послѣдовала первая стратегическая ошибка; но это ничего, если углубиться въ сущность дѣла; потому-что провизія непременно истощится, и результатъ будетъ одинъ и тотъ же.

Уже нѣсколько дней между отцомъ и сыномъ не было никакихъ сообщеній. Мистеръ Осборнъ-старшій хмуриль брови, морщился, пыхтѣль, но при всемъ томъ, казался довольно спокойнымъ, потому-что зналъ онъ, по его словамъ, чѣмъ и какъ ломаются рога у бодливаго быка. Онъ разсказалъ дочерямъ о послѣдствіяхъ своего маленькаго спора съ Джор-

джемъ, и приказаль имъ не обращать на этотъ пунктъ ни малѣйшаго вниманія! Было рѣшено, что дѣвицы Осборнъ должны будутъ принять своего брата, когда онъ возвратится, такимъ образомъ, какъ-будто ничего особеннаго не случилось. Приборъ его за столомъ лежалъ на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ каждый день, и старый джентльменъ вѣроятно съ нетерпѣніемъ поджидаль своего сына; но день проходилъ за днемъ, и мистеръ Джорджъ не являлся въ родительскій домъ. Нѣкоторыя особы справлялись о немъ и получили отвѣтъ, что мистеръ Осборнъ и другъ его, кептенъ Доббинъ, выѣхали за городъ.

Быль бурный и суровый день въ концѣ апрѣля, и дождь крупными каплями неумоимо барабаниль о камни мостовой въ той старинной улицѣ, гдѣ, съ незапамятныхъ временъ, расположена была гостинница «Пестраго Быка». Джорджъ Осборнъ пришелъ въ гостинницу, блѣдный и разстроенный, хотя наружность его имѣла праздничный видъ. Онъ былъ въ синемъ фракѣ съ блестящими мѣдными пуговицами и шелковомъ жилетѣ бланжеваго цвѣта. Здѣсь, и въ такомъ же костюмѣ, находился также неизмѣнный другъ его, кептенъ Доббинъ, промѣнявшій военную форму на статскую по поводу весьма важныхъ обстоятельствъ.

Мистеръ Доббинъ пришелъ въ гостинницу «Пестраго Быка» часомъ раньше своего друга. Онъ перебралъ уже всѣ журналы и газеты, но не могъ прочесть ни одной страницы. Онъ безпрестайно посматриваль то на часы, то на улицу, гдѣ

лил проливной дождь, то на пѣшеходовъ, нахлобученныхъ огромными зонтиками, покрывавшими ихъ шляпы. Недовольный этими занятіями, кептенъ Доббинъ барабанилъ по столу, грызъ чуть не до крови свои ногти, стучалъ чайными ложечками, опрокидывалъ кружку съ молокомъ, и обнаруживалъ многіе другіе энергическіе признаки внутренняго безпокойства, неоспоримо свидѣтельствовавшіе, что кептенъ Доббинъ былъ взволнованъ, и вѣроятно ожидалъ кого-нибудь.

Нѣкоторые изъ его товарищей, привычные посѣтители общей залы «Пестраго Быка», подшучивали и подсмѣивались надъ необыкновеннымъ блескомъ и пышностью его статскаго костюма. Одинъ спросилъ, ужъ не собирается ли онъ жениться въ этомъ праздничномъ нарядѣ? Доббинъ засмѣялся, и сказалъ, что, въ случаѣ женитьбы, онъ разошлетъ по своимъ знакомымъ сладенькіе пироги вмѣсто пригласительныхъ билетовъ на свадьбу. Наконецъ явился капитанъ Осборнъ въ своемъ щегольскомъ костюмѣ, блѣдный и взволнованный, какъ мы уже сказали.

Онъ отеръ свое лицо большимъ желтымъ шелковымъ платкомъ, пропитаннымъ насквозь душистыми эссенціями первѣйшаго сорта. Онъ подаль руку капитану Добблну, небрежно поклонился своимъ товарищамъ, взглянулъ на часы, и велѣлъ трактирному слугѣ подать себѣ кирасо. Выпивъ съ нервознымъ аппетитомъ двѣ рюмки этой сердцекрѣпительной влаги, онъ еще разъ пожалъ руку своему другу.

– Здоровъ ли ты, Джорджъ? заботливо спросилъ кептенъ Доббинъ.

– Не совсѣмъ, мой другъ, отвѣчалъ мистеръ Осборнъ, – не смыкалъ глазъ до самаго разсвѣта. Голова болитъ смертельно, и судорожная дрожь пробираетъ насквозь. Всталъ въ девять часовъ, и тутъ же взялъ холодную ванну. Не помогло. Чувствую себя въ такомъ же состояніи, какъ намеднись, когда возился съ этимъ Роккетомъ въ Квебекѣ – помнишь?

– Какъ не помнить! отвѣчалъ Вильямъ, – въ ту пору я беспокоился можетъ-быть гораздо болѣе, чѣмъ ты. У тебя, помнится, былъ тогда чудесный завтракъ; но я постился почти цѣлый день. Скушай чего-нибудь теперь.

– Благодарю, Вильямъ. Я ужъ лучше выпью за твое здоровье, мой другъ.

– Нѣтъ, нѣтъ, довольно съ тебя и двухъ рюмокъ, перебилъ мистеръ Доббинъ. Джонъ, убери вино. Кушай этого цыпленка, и пойдемъ скорѣе: пора, мой другъ.

Эта встрѣча и этотъ замѣчательный разговоръ между друзьями происходили въ половинѣ перваго часа по полудни. Коляска, гдѣ были уложены чемоданъ и дорожное бюро мистера Осборна, уже давно стояла у подъѣзда, и въ нейто, подъ прикрытіемъ зонтиковъ, помѣстились теперь два джентльмена. Слуга мистера Осборна взгромоздился на козлы, проклиная дождь и массивнаго кучера, который, казалось, размокъ до костей.

– Демонская ѣзда, проваль ихъ возьми! проворчалъ слуга,

авось тамъ у паперти дадутъ намъ экипажъ повальяжнѣй, а то вѣдь этакъ костей не соберешь!

И коляска помчалась по дорогѣ въ Пиккадилли; мимо инвалиднаго дома и Георгіевскаго госпиталя, гдѣ еще въ ту пору разгуливали красныя куртки, не сталкиваясь съ огромной статуей Ахиллеса и Пимликской аркой, возведенной вполсѣдствіи патріотическимъ усердіемъ лондонскихъ гражданъ. Миновавъ предмѣстіе Бромптонъ, коляска подъѣхала къ извѣстной капеллѣ подлѣ фольгемской дороги.

Подлѣ ограды стояли два экипажа; карета, запряженная въ четверку лошадей и крытая коляска изъ разряда такъ-называемыхъ стеклянныхъ пролѣтокъ. Передъ папертью бродило нѣсколько людей, завлеченныхъ сюда безпокойнымъ любопытствомъ, презрѣвшимъ дождь и слякоть.

— Четверка лошадей — к чему это! закричалъ мистеръ Джорджъ Осборнъ, я приказалъ только пару.

— Извините, сударь, господинъ мой приказалъ четверню, отозвался лакей мистера Джозефа Седли, стоявшій подлѣ кареты.

Онъ и слуга мистера Осборна послѣдовали за своими господами.

— Всего сквернѣе то; что и позавтракать-то не удалось! замѣтилъ слуга мистера Осборна.

— Ну, я на свой пай перехватилъ немножко, чтобъ заморить червяка, сказалъ лакей мистера Джоза, да что въ этомъ толку? Свадьба, мнѣ ужъ сказали, будетъ мизеристая.

— Вотъ и вы здѣсь! заголосилъ старый нашъ пріятель, мистеръ Джозефъ Седли, встрѣчая своихъ друзей подлѣ дверей капеллы, пріопоздали пятью милутами, господа; мы ужъ заждались васъ. А какова погодка, Джорджъ? Вѣдь подумаешь, право, что начинается дождливый сезонъ, точь въ точь какъ въ Бенгалѣ. Эка притча! Но въ каретѣ моей ты будешь, Джорджъ, словно въ тепломъ гнѣздѣ. Идите скорѣе, господа; матушка и сестра ждутъ насъ въ ризницѣ.

Джозефъ Седли былъ блистателенъ въ полномъ смыслѣ, съ головы до пятокъ. Онъ разжирѣлъ и потолстѣлъ еще больше, чѣмъ прежде. Рубашечные воротнички, накрахмаленные до самой плотной степени; достигали у него до самыхъ ушей, лицо его краснѣло и лоснилось отъ жира, и въ довершеніе очарованія, манжеты и брызжи съ пышнымъ блескомъ выставялись изъ-подъ разноцвѣтнаго жилета. Лакированные сапожки въ ту пору еще не были изобрѣтены; зато гессенскіе ботфорты съ кисточками сіяли на его ногахъ съ тѣмъ самымъ великолѣпіемъ, съ какимъ на старой картинѣ, поступившей во владѣніе Ребекки Кроли, изображенъ былъ храбрый джентльменъ, возсѣдавшій на слонѣ. На одной изъ петель его свѣтло-зеленаго фрака, украшеннаго блестящими пуговицами, живописно рисовался прекрасный свадебный букетъ изъ дорогихъ и рѣдкихъ цвѣтовъ.

Явствуешь отсюда, что мистеръ Джорджъ Осборнъ бросилъ наконецъ въ урну великій жребій своей джентльменской жизни, или, выражаясь простымъ языкомъ, Джорджъ Осбор-

нѣ собрался наконецъ вступить въ законный бракъ.

Невѣста была въ сѣромъ шелковомъ платьѣ (какъ въ послѣдствіи объявилъ мнѣ кептенъ Доббинъ), и голова ея украшалась простенькой соломенной шляпкой съ розовыми лентами. Шляпа покрыта была вуалью изъ бѣлыхъ шантильскихъ кружевъ, подаренныхъ ей мистеромъ Джозефомъ. Самъ капитанъ Доббинъ выпросилъ позволеніе представить ей въ подарокъ золотую цѣпочку и часы, купленные нарочно на этотъ случай. Мать съ своей стороны подарила невѣстѣ бриллантовую брошку – единственную драгоценность, оставшуюся у ней послѣ фамильной катастрофы.

Когда началась брачная церемонія, мистриссъ Седли зарыдала горько. Тщетно утѣшали ее дѣвушка-ирландка и мистриссъ Клеппъ, домовая хозяйка: старушка хотѣла, казалось, выплакать всѣ свои слезы. Мужа ея, старика Седди, не было въ капеллѣ. Джозефъ выполнялъ обязанность отца при передачѣ невѣсты жениху, между-тѣмъ какъ мистеръ Доббинъ служилъ шаферомъ другу своему, Джорджу.

Въ капеллѣ не было никого кромѣ особъ, совершившихъ брачный обрядъ и друзей жениха съ невѣстой. Въ отдаленіи, у самыхъ дверей, сидѣли два лакея съ нахмуренными бровями. Дождевыя капли барабанили въ окна, и стукъ ихъ уныло вторилъ всхлипываньямъ старушки Седли. Голосъ пастора печально раздавался между пустыми стѣнами. На извѣстный его вопросъ: «хочешь ли ты взять себѣ въ жену сію дѣвицу?» Джорджъ отвѣчалъ громко – «хочу». Отвѣтъ невѣсты

выпорхнулъ прямо изъ ея сердца, но никто его не слышалъ, кромѣ капитана Доббина.

Когда кончился обрядъ, Джозефъ Седли выступилъ впередъ, и поцаловаль свою сестру – первый разъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Мрачное выраженіе на лицѣ Джорджа исчезло, и онъ казался теперь гордымъ и счастливымъ.

– Ну, Вилльямъ, теперь твоя очередь, любезный другъ, сказалъ онъ веселымъ тономъ, положивъ руку на плечо друга.

Мистеръ Доббинъ подошелъ къ новобрачной, и слегка прикоснулся къ ея розовой щечкѣ. Затѣмъ, вся компанія отправилась въ ризницу, включить свои имена въ метрическую книгу.

– Благослови тебя Богъ, старый другъ! сказалъ Джорджъ, крѣпко пожимая руку мистера Доббина. Въ это мгновеніе, глаза его овлажились жидкостью, весьма похожею на слезы. Доббинъ кивнулъ только головою: сердце его было слишкомъ полно, чтобы допустить возможность краснорѣчивыхъ объясненій.

– Пиши чаще и пріѣзжай къ намъ какъ можно скорѣе, проговорилъ мистеръ Осборнъ, прощаясь съ своимъ другомъ на церковной паперти.

Когда наконецъ старушка Седля обнялась въ послѣдній разъ съ своею дочерью, новобрачные быстро пошли къ своей каретѣ.

— Прочь съ дороги, чертенята! закричалъ Джорджъ на толпу запачканныхъ ребятишекъ, рѣзвившихся около ограды.

Дождь между-тѣмъ немилосердо билъ въ лицо новобрачныхъ, когда они подходили къ своему дорожному экипажу. Ямщики дрожали на козлахъ, и отъ нетерпѣнія хлопали бичами. Нѣсколько ребятишекъ взвизгнули жалобными головами, когда забрызганная карета тронулась и поскакала по большой дорогѣ.

Вильямъ Доббинъ стоялъ передъ оградой, провожая глазами удалявшійся экждажъ. Мальчишки обступили его со всѣхъ сторонъ, завизжали, но онъ не обращалъ никакого вниманія на ихъ дерзкій смѣхъ.

— Поѣдемъ-ко домой, любезный, перекусимъ чего-нибудь, закричалъ сзади басистый голосъ, и вслѣдъ затѣмъ дюжая рука мистера Джоза обхватила его плечо.

Но кептенъ Доббинъ отказался отъ этого радушнаго приглашенія на завтракъ. Онъ помогъ плачущей старушкѣ и спутницамъ ея сѣсть въ карету Джоза, и разстался съ ними, не проговоривъ ни одного слова. И эта карета двинулась съ мѣста, сопровождаемая саркастическими взвизгами мальчишекъ.

— Вотъ вамъ, маленькіе шалуны! сказалъ кептенъ Доббжнъ, бросивъ имъ нѣсколько мелкихъ монетъ.

И потомъ онъ отправился одинъ, въ бурную и дождливую погоду, на свою одинокую квартиру въ казармахъ. Все, казалось, было теперь кончено для него: они обвѣнчались и уѣ-

хали счастливые и довольные своей судьбой; честный Доббинъ поблагодарилъ Бога отъ полноты своего сердца. Никогда, со времени своего дѣтства, онъ не чувствовалъ себя столько одинокимъ и грустнымъ. Онъ думалъ съ замираніемъ сердца о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, когда Богъ приведетъ ему взглянуть на юную чету.

* * *

Дней черезъ десять послѣ этой церемоніи, три знакомые намъ молодые джентльмена наслаждались тою блистательною перспективой, которую Брайтонъ представлялъ въ лѣтнее время любознательному путешественнику, наблюдающему безпредѣльное море съ одной стороны, и нижнія окна живописныхъ домиковъ съ другой. Взоры лондонскаго жителя, закупореннаго въ своемъ зимнемъ жильѣ между колоссальными стѣнами, весьма охотно обращаются къ безбрежному океану, вѣчно юному и улыбающемуся своими безчисленными яминками, тогда-какъ бѣлые паруса бороздятъ его изъ конца въ конецъ, и сотни купальныхъ машинъ привѣтствуютъ подлѣ берега его голубыя волны. Но еще, быть-можетъ, гораздо охотнѣе, столичный психологъ и наблюдатель челоѳческой природы обращаетъ взоръ свой на нижнія окна брайтонскихъ домовъ, гдѣ расцѣтаетъ челоѳческая жизнь въ своихъ разнообразныхъ формахъ. Изъ одного окна выставляются фортепьянныя ноты, за которыми

юная леди съ шелковичными локонами упражняется каждый день по шести часовъ, къ великому удовольствію и наслажденію всѣхъ ближайшихъ жильцовъ; за другимъ между-тѣмъ на мягкихъ креслахъ сидитъ нянюшка Полли, укачиваетъ своего юнаго джентльмена на рукахъ, тогда какъ папенька его, мистеръ Джакобъ, кушаетъ устрицы и пожираетъ газету Times у третьяго окна. Тутъ же; двѣ интересныя сестрицы, послѣ утреннихъ занятій, поглядываютъ на молодыхъ артиллерійскихъ офицеровъ, которые, вѣроятно для учебныхъ наблюдений, хотятъ взобраться на мѣловую гору; чтобы охватить своими взорами и море, и живописныя окрестности великаго городка. У подножія скалы, на морскомъ берегу, стоитъ, углубившись въ размышленія, дѣловой человекъ изъ Сити, съ подзорной трубкой футовъ въ шесть; наведенной на голубое простраство – стоитъ онъ и наблюдаетъ лодки; шлюпки, катера и купальныя машины, которыя поминутно отваливаютъ отъ берега, или возвращаются назадъ съ своими веселыми пассажирами, омытыми и очищенными соленой влагой.

Но къ чему, съ вашего позволенія, сталъ бы я описывать Брайтонъ, – этотъ британскій Неаполь съ его беззаботными лаццарони, отлично понимающими цѣну эпикурейскихъ наслаждений? Всѣмъ и каждому извѣстно, что Брайтонъ – чистенькій, опрятный, веселый, щеголеватый городокъ, до котораго вы, благодаря желѣзнымъ рельсамъ, долетаете теперь изъ Лондона въ полтора часа, тогда какъ въ первой части это-

го столѣтія онъ отстоялъ на цѣлый день ѣзды отъ англійской столицы. Кто поручится, что черезъ сотню лѣтъ вы не будете перелетать это пространство въ полторы минуты?...

— Что за прелесть эта быстроглазая дѣвчонка во второмъ этажѣ надъ магазиномъ! замѣтилъ одинъ изъ трехъ джентльменовъ, гулявшихъ на морскомъ берегу, — видѣлъ-ли ты, Кроли, какъ она подмигнула на меня, когда мы проходили?

— Будь остороженъ, Джозъ, отвѣчалъ джентльмень, къ которому обращено было это воззваніе, — дѣвушка пожалуй сойдетъ съ ума, если ты станешь шутить съ ея сердцемъ. Этакой Донъ-Жуанъ! Ему ничего не стоитъ влюбить въ себя всѣхъ этихъ красотокъ!

— Ну, это ужъ черезъ-чуръ! сказала Джозъ самодовольнымъ тономъ, бросая убійственно искрометный взоръ на горничную, выглядывавшую изъ окна надъ магазиномъ модистки.

Въ Брайтонѣ мистеръ Джозефъ Седли былъ еще блистательнѣе, чѣмъ въ Лондонѣ на свадьбѣ у сестры. На немъ былъ франтовской жилетъ багроваго цвѣта и военный сюртукъ съ золотымъ шитьемъ. Въ послѣднее время онъ старался освоиться съ геройскими привычками и поставить себя на военную ногу, хотя собственно наклонности его имѣли самый миролюбивый характеръ. Онъ гулялъ теперь съ двумя пріятелями, молодцовато побрякивая шпорами, и выстрѣливая смертоносными взглядами во всѣхъ горничныхъ и субретокъ, считавшихся достойными быть его мишенью.

— Что намъ дѣлать, господа, до возвращенія нашихъ дамъ? спросилъ франтъ.

Дамы отправились погулять до Роттингема въ его каретѣ.

— Не мѣшаетъ, я думаю, сыграть партію въ бильярдъ, ска-
заль одинъ изъ пріятелей, мужчина довольно плотный и вы-
сокій, съ нафабранными усами.

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ, проваль его возьми этотъ бильярдъ,
возразилъ Джорджъ, очевидно обезпокоенный этимъ пред-
ложеніемъ.

— Сегодня, дружище, я не намѣренъ играть; довольно было
и вчера.

— Ты играешь очень хорошо, сказалъ Кроли улыбаясь, не
правда ли, Осборнъ? Вѣдь онъ мастерски отчеканилъ эти ка-
рамболи?

— Отлично, отозвался мистеръ Осборнъ;— Джозефъ соба-
ку съѣлъ на бильярдѣ, да и во всемъ, если пошло дѣло на от-
кровенность. Жаль, что тутъ нельзя устроить тигровой охо-
ты, мы бы до обѣда непременно убили штукъ пятокъ. Вотъ
еще красotka, Джой, не зѣвай! расскажи намъ эту исторію
о тигровой охотѣ, и какъ ты отличался тамъ въ дремучемъ
лѣсу: исторія удивительная, Кроли!

Джорджъ Осборнъ зѣвнулъ. Друзья прошли молча
нѣсколько шаговъ.

— Что жъ вамъ дѣлать, господа? продолжалъ мистеръ
Осборнъ. Вѣдь скучно въ самомъ дѣлѣ бродить этакъ безъ
всякой цѣли.

– Не сходить ли намъ взглянуть на лошадей, которыхъ Снаффлеръ купилъ на послѣдней ярмаркѣ? предложилъ мистеръ Кроли, – славныя лошади, говорятъ.

– Это недурно, но до дорогъ не мѣшало бы завернуть въ кондитерскую, замѣтилъ Джозъ, желавшій такимъ образомъ убить двухъ птицъ однимъ камнемъ.

– А по-моему, всего лучше посмотрѣть, какъ прикатить «Молнія», сказалъ мистеръ Осборнъ, – пойдемъ же въ контору дилижансовъ, господа.

Этотъ послѣдній совѣтъ одержалъ верхъ надъ конюшными и кондитерской. Друзья повернули къ конторѣ.

На дорогѣ они встрѣтили коляску мистера Джозефа Седли съ ея великолѣпными гербами, ту самую блистательную коляску, въ которой онъ, погруженный въ созерцаніе собственнаго величія, разѣзжалъ по окрестностямъ Чельтенгема, скрестивъ руки на груди и нахлобучившпсь своей шляпой. Всего чаще ѣздилъ онъ одинъ, но случалось также, подлѣ него сидѣли дамы, и тогда мистеръ Джозъ былъ совершенно счастливъ

Въ этой колесницѣ сидѣли теперь двѣ особы: одна маленькая, свѣтлорусая, въ модномъ костюмѣ свѣтской дамы, другая – въ сѣромъ шелковомъ платьицѣ и въ соломенной шляпѣ съ розовыми лентами. Ея розовое, счастливое личико выражало, повидимому, совершеннѣйшее довольство своей судьбою. Завидѣвъ трехъ джентльменовъ, она приказала кучеру остановить лошадей, причемъ щеки ея, весьма некста-

ти, зардѣлись самымъ яркимъ румянцемъ.

— Мы чудесно прокатались, Джорджъ, сказала розовая леди; и какъ я рада; что вотъ ужъ мы и воротились. И... и... пожалуйста, Джозефъ, не задерживай его.

— Не вводите въ соблазнъ нашихъ мужей, мистеръ Седли, — о, вы лукавый, лукавый человѣкъ! сказала Ребекка, погрозивъ на Джозефа своимъ миниатюрнымъ нальчикомъ въ щегольской французской перчаткѣ, — ни бильярда, ни трубки, никакихъ проказъ — слышите ли, monsieur?

— Какъ это, мистриссъ Кроли... сударыня... клянусь честью... право!

И больше ничего Джозефъ не могъ произнести въ отвѣтъ прелестной дамѣ, но зато онъ принялъ молодецкую, истинно-джентльменскую позу, склонивъ голову на свое плечо, и закинувъ одну руку, вооруженную тросточкой, назадъ, тогда какъ другая рука, украшенная брильянтовымъ колечкомъ, кокетливо перебирала манжеты и воротнички его батистовой рубашки. Когда карета тронулась съ мѣста, онъ поцаловалъ свою брильянтовую руку, посылая такимъ образомъ воздушный поцалуй прекраснымъ леди. О, какъ бы желалъ онъ, чтобы весь Чельтенгемъ, вся Калькутта, вся Индія смотрѣла на него въ эту минуту, и любовалась, какъ онъ любезничаетъ съ красавицами, наслаждаясь въ то же время обществомъ одного изъ первостатейныхъ столичныхъ львовъ и денди, къ которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ мистеръ Родонъ Кроли.

Брайтонъ, какъ открывается отсюда, былъ вождельными мѣстомъ, куда наши новобрачные, немедленно послѣ свадьбы, отправились провести свой медовый мѣсяцъ. Они помѣстились съ большимъ комфортомъ въ «Корабельной гостинницѣ», гдѣ, въ скоромъ времени, присоединился къ нимъ мистеръ Джозефъ. Здѣсь же, сверхъ ожиданія, нашли они своихъ старинныхъ друзей. Однажды, возвращаясь передъ обѣдомъ въ свою гостинницу съ прогулки по морскому берегу, они увидѣли Ребекку и ея супруга. Знакомство возобновилось и устроилось мгновенно безъ всякихъ затрудненій. Ребекка бросилась въ объятія своей безцѣнной подруги, между-тѣмъ какъ Осборнъ и мистеръ Кроли спѣшили пожать руки другъ у друга. Едва прошелъ часъ, какъ мистриссъ Кроли заставила совершеннѣйшимъ образомъ забыть мистера Осборна ту маленькую размолвку, которая недавно произошла между ними въ джентльменскомъ домѣ на Парк-Ленѣ.

— Помните ли вы, мистеръ Осборнъ, сказала Ребекка, какъ мы встрѣтились съ вами въ послѣдній разъ у тѣтушки миссъ Кроли? Признаюсь, я тогда была очень зла, такъ-какъ мнѣ казалось, что вы нисколько не заботитесь о моемъ другѣ. Это выводило меня изъ терпѣнья, и я готова была наговорить вамъ всякихъ грубостей. Вѣроятно, въ ту пору, вы считали меня очень неблагодарною.

— Совсѣмъ нѣтъ, но...

— Но кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Вы исправи-

лись; я ошибалась, простите меня, мистеръ Осборнъ.

И сказавъ это, она протянула ему свою руку съ такою непринужденной и побѣдительною граціей, что мистеръ Джорджъ готовъ былъ простить ей всякія обиды. Дѣло извѣстное, что смиренное и откровенное сознаніе въ проступкахъ, производитъ иной разъ величайшій эффектъ на «Базаръ Житейской Суеты». Я зналъ однажды такого джентльмена, который причинялъ съ намѣреніемъ маленькія оскорбленія своимъ ближнимъ, чтобы послѣ имѣть удобный случай признаться передъ ними въ своей винѣ и благородно просить извиненія. Это былъ пріятель мой, мистеръ Крокчи Дойль, великій знатокъ человѣческихъ сердець. Всѣ его любили, и всѣ за-одно считали пречестнѣйшимъ джентльменомъ. Смирненіе Бекки чрезвычайно польстило джентльменскимъ чувствамъ господина Джорджа Осборна.

Эти двѣ юныя четы, при каждой встрѣчѣ, говорили между собою безъ умолку, пускаясь въ длинныя разсужденія о своихъ собственныхъ дѣлахъ. Ихъ романическія свадьбы и будущія перспективы ихъ жизни подвергались строжайшему анализу съ обѣихъ сторонъ. Другъ Доббинъ долженъ былъ извѣстить непреклоннаго старика Осборна о выходкѣ его сына, и Джорджъ трепеталъ при мысли о послѣдствіяхъ этого страшнаго переговора. Старушка миссъ Кроли, на которой основывались всѣ надежды Ребекки и Родона, была неприступна до сихъ поръ. Не имѣя возможности никакимъ способомъ пробраться въ ея домикъ на Парк-Ленъ, любящій

племянникъ и нѣжная племянница послѣдовали за нею въ Брайтонъ, гдѣ усердные лазутчики, подосланные ими, безпрестанно осаждали ея квартиру.

— Если бы вы, друзья мои, увидѣли пріятелей Родона, которые почти всегда снуютъ у нашихъ дверей! говорила Ребекка веселымъ тономъ, — случилось ли тебѣ, Амелія, видѣть когда-нибудь полицейскаго комиссара и его неуклюжаго помощника? Эти господа всю прошлую недѣлю караулили насъ въ мелочной лавкѣ насупротивъ нашихъ оконъ, такъ что мы, вплоть до воскресенья, принуждены были сидѣть дома. Если тѣтушка не перемѣнитъ со временемъ гнѣвъ на милость, мы не знаемъ, что и дѣлать.

При этомъ мистеръ Родонъ, съ громкимъ смѣхомъ разсказалъ около дюжины анекдотовъ насчетъ необыкновенной ловкости, съ какою управлялась Ребекка съ его несносными гостями, забравшими себѣ въ голову, будто онъ обязанъ выплачивать имъ какіе-то долгишки. Онъ клятвенноувѣрялъ, что нѣтъ въ цѣлой Европѣ женщины, которая умѣла бы съ такимъ краснорѣчіемъ вести переговоры съ докучнымъ кредиторомъ. Практика ея въ этомъ родѣ началась немедленно послѣ свадьбы, и счастливый супругъ съ изумленіемъ увидѣлъ, какое неоцѣненное сокровище пріобрѣлъ въ своей женѣ. На нихъ было пропасть долговъ, и нерѣдко они сидѣли дома безъ наличнаго гроша въ карманѣ. При всемъ томъ, эти маленькія затрудненія отнюдь не имѣли губительнаго вліянія на характеръ мистера Родона. Всѣмъ, вѣроятно, удавалось за-

мѣчать, какъ нѣкоторыя особы, запутанныя по уши въ долги, живутъ однакожь припѣваючи на рынкѣ житейскихъ тревоженій, не отказывая себѣ ни въ малѣйшихъ выгодахъ и наслажденіяхъ жизни. Родонъ и его супруга нанимали лучшія комнаты въ брайтонской гостинницѣ, и хозяинъ изгибался передъ ними, какъ передъ своими лучшими жильцами. Родонъ заказывалъ превосходные обѣды и требовалъ винъ первѣйшаго сорта, съ увѣренностью богача, который не знаетъ счета своимъ деньгамъ. Продолжительная привычка, мужественная осанка, безукоризненный костюмъ и завидная юркость характера, иногда замѣняютъ банкирскіе векселя и билеты на Базаръ Житейской Суеты.

Нечего и говорить, что двѣ новобрачныя четы весьма часто навѣщали другъ друга. Послѣ двухъ или трехъ вечеровъ, джентльмены, для препровожденія времени, начали играть въ пикетъ, между-тѣмъ какъ жены ихъ сидѣли въ сторонѣ и болтали о своихъ дѣлахъ. Это невниное занятіе, и вслѣдъ затѣмъ, прибытіе блистательнаго Джоза, сыгравшаго нѣсколько партій въ бильярдъ съ кептеномъ Родономъ Кроли, наполнили Родоновъ кошелекъ, и снабдили юную чету значительнымъ количествомъ наличныхъ денегъ изъ-за которыхъ иной разъ бесполезно ломаютъ себѣ голову первѣйшіе геніи подлуннаго міра.

Такимъ образомъ три джентльмена, продолжая свою прогулку, направили шаги къ конторѣ дилижансовъ, чтобы посмотрѣть, какъ прискачетъ «Молдія» изъ столицы. Аккурат-

ный, минута въ минуту, дилижансъ, плотно набитый внутри и снаружи, быстро пролетѣлъ черезъ улицу при звукахъ кондукторскаго рожка и остановился у воротъ конторы.

— Ба! вотъ и Доббинъ, закричалъ Джорджъ Осборнъ при видѣ своего друга, засѣдавшаго на кровлѣ дилижанса. Визитъ его въ Брайтонъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, былъ отсрочень до нынѣшняго дня;— ты ли это, любезный другъ? Радъ тебя видѣть. Слѣзай скорѣе. Эмми заждалась тебя, продолжалъ мистеръ Осборнъ крѣпко пожимая руку честнаго Вилльяма, когда тотъ спустился, наконецъ, съ своего воздушнаго сѣдалища; ну, что, какъ наши дѣла? прибавилъ мистеръ Осборнъ вполголоса и взволнованнымъ тономъ, — былъ ли ты на Россель-Скверѣ? Что поговариваетъ старшина? Рассказывай все, дружище, все.

Доббинъ былъ задумчивъ, блѣдень, и наружность его не предвѣщала ничего хорошаго.

— Я видѣлся съ твоимъ отцомъ, сказалъ онъ, — какъ живетъ Амелія... то-есть, мистриссъ Джорджъ? Скоро я расскажу тебѣ обо всемъ; но ты долженъ напередъ узнать свѣжую политическую новость, которая касается до...

— Убирайся ты съ этими вѣстями! вскричалъ Джорджъ.

— Нѣтъ, братъ, ты долженъ узнать, что намъ объявленъ походъ въ Бельгію. Все войско выступаетъ — гвардія и армія. Полковникъ Гевитопъ схватилъ подагру и въ отчаяніи оттого, что не можетъ принять участія въ этомъ походѣ. Одаудъ заступилъ его мѣсто: мы выступаемъ изъ Четема на будущей

недѣль.

Эта новость разразилась тяжеловѣснымъ ударомъ на сердца юныхъ супруговъ. Джентльмены призадумались и медленными шагами пошли домой.

Глава XXII

Подвиги капитана Доббина

Кто разгадает тайну безкорыстной дружбы? Отчего одинъ и тотъ же человѣкъ, медленный, вялый, холодный и робкій въ своемъ обыкновенномъ состояніи, становится, подъ вліяніемъ дружбы, благоразумнымъ, смѣлымъ, настойчивымъ, твердымъ и рѣшительнымъ, какъ-скоро ему необходимо свершить подвигъ въ пользу своего друга? Въ дѣлахъ жизни, озаренныхъ дружбой, скромный человѣкъ становится смѣлымъ до неимовѣрной степени, лукавецъ и хитрецъ дѣлается довѣрчивымъ и простодушнымъ; лѣнivecъ дѣятельнымъ, сорванецъ и забіяка смиреннымъ и послушнымъ. Если вы не видали такихъ перерожденій, значитъ, вы не жили на свѣтѣ.

Отчего, съ другой стороны, никакой адвокатъ, хотя бы зналъ онъ всѣ законы, какъ свои пять пальцевъ, не рѣшается защищать самъ свою собственную тяжбу, и смиренно въ этомъ случаѣ обращается къ кому-нибудь изъ своихъ собратовъ по ремеслу? Отчего искусный докторъ спѣшитъ немедленно послать за своимъ соперникомъ, какъ-скоро разстроился его желудокъ, или заболѣла его собственная голова? Вѣдь, казалось бы, ему не трудно сѣсть передъ зеркаломъ, высунуть языкъ, ощупать пульсъ и предписать рецептъ самому себѣ. Всѣ эти вопросы я предлагаю на разсмотрѣніе своимъ бла-

гомыслящимъ читателямъ, которымъ не безъизвѣстно, какъ легковѣренъ и, вмѣстѣ, недовѣрчивъ смертный, какъ онъ податливъ и упоренъ, грубъ и нѣженъ, и какъ онъ всегда бываетъ смѣль и рѣшителенъ въ чужой бѣдѣ. Не даромъ существуетъ поговорка: «чужую бѣду руками разведу, къ своей — ума не приложу».

Кептенъ Вилльямъ Доббинъ былъ вообще чрезвычайно мягокъ, податливъ и уклончивъ по своей натурѣ. Для себя собственно не хотѣлъ бы перейти и черезъ улицу, считая этотъ подвигъ необыкновенно труднымъ; но за то теперь, для Джорджа Осборна, онъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ съ неутомимымъ усердіемъ эгоиста, который все на свѣтѣ готовъ подчинить своимъ собственнымъ интересамъ.

Между-тѣмъ какъ Джорджъ и юная его супруга наслаждались въ Брайтонѣ первыми цвѣтущими днями медоваго мѣсяца, честный Вилльямъ оставался въ Лондонѣ, какъ уполномоченный другомъ вести переговоры по поводу его женитьбы. Онъ обязанъ былъ прежде всего настроить старика Седли на веселый ладъ, и познакомить Джозефа съ женихомъ Маріи Осборнъ, такъ, чтобъ Джозъ, въ качествѣ сборщика податей и пошлинъ при Богла-Уолла, могъ рисоваться на биржѣ съ выгоднѣйшей стороны, противоудѣйствуя такимъ образомъ печальному впечатлѣнію, произведенному банкротствомъ его отца. Все это должно было служить прелюдіей къ примиренію старика Осборна съ Джономъ Седли. Послѣ этой прелюдіи, надлежало наконецъ извѣстить стари-

ка Осборна о женитьбѣ его сына.

Какъ искусный дипломатъ и политикъ; Доббинъ рассчиталъ очень вѣрно, что ему не мѣшаетъ напередъ приобрести благосклонность второстепенныхъ членовъ въ семействѣ Осборна, прежде чѣмъ онъ откроетъ переговоры съ самимъ негоціантомъ. Надобно, во что бы ни стало, подружиться съ дамами, думалъ мистеръ Доббинъ, такъ, чтобъ онѣ стояли за своего брата. Сердиться онѣ не могутъ, это очень ясно. Женщины всегда вступаются весьма охотно за романтическихъ супруговъ, и вѣсть о женитьбѣ брата не можетъ произвести на нихъ непріятнаго впечатлѣнія. Какъ-скоро двѣ сестры будутъ на сторонѣ Джорджа, не трудно будетъ втроемъ сдѣлать нападеніе на ожесточеннаго негоціанта, и все это дѣло, вѣроятно, будетъ имѣть самыя миролюбивыя послѣдствія. Остановившись на этомъ планѣ, хитрый капитанъ принялся обдумывать средства, какъ бы похитрѣе ознакомить дѣвицъ Осборнъ съ завѣтной тайной ихъ брата. Этотъ первый шагъ требовалъ большой осторожности.

Изъ разговоровъ съ своей матерью, онъ легко узналъ, гдѣ и какіе вечера даются ея знакомыми въ этотъ весенній сезонъ, и гдѣ можно рассчитывать на встрѣчу съ сестрицами Джорджа. Хотя самъ онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ джентльменовъ, которые, къ великому огорченію прекраснаго пола, терпѣть не могутъ ни баловъ, ни вечеровъ; однакожь, было бы безумно совѣтоваться на этотъ разъ съ своими собственными наклонностями, и мистеръ Доббинъ смѣ-

ло отважился на жертву, когда узналъ, что въ такомъ-то домѣ онъ навѣрное встрѣтитъ интересныхъ сестрицъ. Явившись ка балъ, онъ протанцовалъ съ ними нѣсколько вальсовъ, обнаруживая при этомъ необыкновенную предупредительность и учтивость. Наконецъ онъ осмѣлился попросить у миссъ Осборнъ аудіенцію для себя на другой день поутру, когда надлежало ему, сказалъ онъ, сообщить ей нѣкоторыя новости чрезвычайно важнаго содержанія.

Отчего же, при этой просьбѣ, миссъ Осборнъ отпрянула назадъ, съ изумленіемъ взглянула на своего кавалера, и стыдливо потупила глаза въ землю? Что тутъ испугало ее до такой степеги, что она едва не упала въ обморокъ на плечо капитана – да, такъ и упала бы, еслибъ онъ, къ несчастію, не наступилъ ей на ногу? Что встревожило и такъ сильно поразило ее при мысли объ этой аудіенціи? Этого никто сказать не въ состояніи. Но когда кептенъ Доббинъ явился на другой день въ гостиной на Россель-Скверѣ, не было ни младшей сестры, ни гувернантки Виртъ, отправлявшейся куда-то по своимъ дѣламъ. Дженни Осборнъ, старшая дочь негоціанта, уже, казалось, давно ожидала капитана, и теперь они были оставлены вдвоемъ. Долго они сидѣли молча, посматривая другъ на друга, и прислушиваясь къ бою стѣнныхъ часовъ.

– Что вы думаете о вчерашнемъ балѣ? спросила наконецъ миссъ Осборнъ ободрительнымъ тономъ.

– Ничего особеннаго, отвѣчалъ капитанъ, Балъ обыкновенный.

– Напротивъ, прекрасный балъ, мнѣ кажется, возразила миссъ. Осборнъ, и . . . и какъ вы чудесно танцуете нынче, капитанъ! Вѣроятно, въ послѣднее время, вы брали у кого-нибудь танцевальные уроки, прибавила она съ улыбкой на розовыхъ устахъ.

– Посмотрѣли бы вы, какъ я танцую по-шотландски съ мистриссъ майоршей Одаудъ изъ нашего полка! Reel и Jig – наши любимые танцы. Видѣли ли вы когда-нибудь джигъ?

– Нѣтъ, никогда.

– О, это превеселый танецъ. Но съ вами, миссъ Осборнъ, танцовать не такъ легко, какъ съ мистриссъ майоршей Одаудъ. Вы знакомы въ совершенствѣ со всѣми тонкостями танцевального искусства.

– Эта майорша – молодая и прекрасная леди, капитанъ? продолжала миссъ Осборнъ. Не понимаю, право, какъ они могутъ танцовать, теперь, когда то и дѣло говорятъ о войнѣ. Ахъ, капитанъ, я вся дрожу, когда думаю о нашемъ милomъ Джорджѣ и о тѣхъ ужасныхъ опасностяхъ, которыя ожидаютъ его впереди. А много женатыхъ офицеровъ въ вашемъ полку, капитанъ?

«Она ужъ черезъ-чуръ забѣгаетъ впередь. Это не годится», проговорила миссъ Виртъ; но это вставочное замѣчаніе, произнесенное черезъ дверную щель, не могло долетѣть до ушей разговаривающихъ лицъ.

– Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей женился весьма недавно, сказалъ кептенъ Доббинъ, приступая теперь къ сво-

ему дѣлу. Женихъ и невѣста были влюблены съ дѣтскихъ лѣтъ. У нихъ нѣтъ никакого состоянія, такъ что, можно сказать, они голы, какъ соколы.

— Какъ это мило, очаровательно! Сколько должно быть поэтическаго увлеченія въ такой страсти! воскликнула прекрасная собесѣдница, когда капитанъ объявилъ о страсти бѣдняковъ.

Симпатія молодой дѣвушки ободрила капитана, и онъ продолжалъ теперь гораздо смѣлѣе:

— Женихъ, скажу я вамъ, прекраснѣйшій молодой человекъ во всемъ полку, и нѣтъ никого храбрѣе его въ цѣлой арміи. Невѣста — то-есть, ужь теперь жена собственно — чудо, какъ хороша, настоящій ангелъ! О, какъ вы полюбите ее, миссъ Осборнъ, если познакомитесь съ ней!

Молодая леди подумала, что рѣшительная минута наступила, и это подтверждалось необыкновенною застѣнчивостью и нервнымъ замѣшательствомъ капитана. Онъ морщился, моргалъ, билъ тактъ своею правою ногою и быстро принялся застегивать и разстегивать пуговицы на своемъ мундирѣ. Миссъ Осборнъ рассчитывала навѣрняка, что, переведа духъ, онъ мгновенно выгрузитъ изъ своей груди завѣтную тайну, и приготовилась слушать. Стѣнные часы, на поверхности которыхъ совершалось жертвопрношеніе Ифигеніи, сдѣлали конвульсивное движеніе и принялись бить двѣнадцать. Безпокойная дѣва съ трепетомъ дожидалась ихъ послѣдняго удара.

— Но я пришел говорить съ вами не о супружествѣ, миссъ Осборнъ, началъ кептенъ Доббингъ, то-есть, оно, если хотите, о супружествѣ, да только съ другой стороны, или, говоря яснѣе, я желалъ бы собственно потолковать съ вами о нашемъ общемъ другѣ, капитанѣ Джорджѣ Осборнѣ.

— Какъ?! О Джорджѣ! вскричала изумленная дѣва такимъ отчаянно разстроеннымъ тономъ, что сестрица ея, Мери и миссъ Виртъ захохотали по другую сторону дверей. Самъ кептенъ Доббинъ почувствовалъ въ нѣкоторой степени наклонность къ грубому и неучтивому смѣху, такъ-какъ онъ могъ воображать, въ чемъ здѣсь таилась сущность дѣла. Джорджъ весьма часто подшучивалъ надъ нимъ, и говорилъ, граціозно улыбаясь: «Почему бы тебѣ, Вилльямъ, не поволочиться за моей сестрой? Тебѣ стоитъ лишь заикнуться, любезный другъ, и она съ радостью наградитъ тебя своимъ сердцемъ. Держу пять противъ двухъ, что отказа не будетъ».

— Да, миссъ, рѣчь идетъ о Джорджѣ, продолжалъ неучтивый кавалеръ. Вамъ извѣстно, что недавно произошла размолвка между нимъ и почтеннымъ мистеромъ Осборномъ. Я уважаю своего друга искренно, душевно, и вы знаете, что мы давно живемъ какъ братья. Я вѣрю и надѣюсь, что эта ссора не будетъ имѣть гибельныхъ послѣдствій. Скоро мы выступаемъ за границу, миссъ Осборнъ. Намъ приказано ожидать со дня на день окончательныхъ распоряженій къ походу. Кто знаетъ, чѣмъ окончится для насъ эта кампанія? Не тревожьтесь, миссъ Осборнъ, Богъ милостивъ. Но мы должны при-

нять мѣры, чтобы отецъ и сынъ разстались друзьями.

– Дружескія отношенія между ними не разстраивались, сколько я зыаю, и вы напрасно беспокоитесь, капитанъ, сказала молодая леди. Была, правда, между ними маленькая домашняя сцена, но вы можете быть увѣрены, что дурныхъ послѣдствій отъ нея не будетъ. Мы всѣ ожидаемъ Джорджа каждый день. Папа желаетъ ему искренно добра. Пусть онъ возвратится, и все, я увѣрена, пойдетъ какъ нельзя лучше въ нашемъ домѣ. Могу даже поручиться; что его охотно простить и бѣдная миссъ Рода, которая въ послѣдній разъ уѣхала отъ насъ въ печальномъ и сердитомъ расположеніи духа. Женцина любитъ прощать, капитанъ, какъ-скоро видитъ искреннее раскаяніе и готовность къ исправленію.

– Вы судите по себѣ, миссъ Осборнъ, воображая, что всѣ женщины такіе же ангелы, какъ вы? возразилъ безсовѣстно-коварный капитанъ. Мужчина не прощаетъ себѣ, какъ-скоро наноситъ оскорбленіе женщинѣ. Что бы вы почувствовали сами, еслибъ, чего Боже избави! какой-нибудь мужчина измѣнилъ вамъ?

– Я погибла бы – уничтожилась – бросилась изъ окна на мостовую – приняла бы яду – я зачала бы и умерла, капитанъ, могу васъ увѣрить! патетически воскликнула миссъ Осборнъ, у которой, однакожь, сказать правду, было нѣсколько сердечныхъ исторій, кончившихся благополучно, безъ мысли о самоубійствѣ.

– Я не удивляюсь, сударыня, продолжалъ капитанъ, та-

къ-какъ знаю, что есть въ этомъ мірѣ нѣжныя и чувствительныя натуры, способныя вполне раздѣлять вашъ образъ мыслей. Я говорю не объ этой вест-индской наслѣдницѣ, миссъ Осборнѣ, но о бѣдной дѣвушкѣ, которую любилъ вашъ братъ, и которая съ дѣтскихъ лѣтъ привыкла любить только его одного. Я видѣлъ въ послѣднее время, какъ страдало ея бѣдное, разбитое, безпорочное сердце. Она терпѣла свое горе, не жалуясь ни на кого, не упрекая никого ни въ чемъ. Я говорю о миссъ Амеліи Седли. Милая миссъ Осборнѣ, будетъ ли ваше великодушное сердце сѣтовать на брата, если онъ остался вѣрнымъ своей невѣстѣ? Былъ ли бы онъ правъ передъ судомъ собственной совѣсти, если бы вздумалъ покинуть дѣвушку, преданную ему всѣми силами своей души? Будьте ея другомъ, миссъ Осборнѣ, она всегда любила васъ и... и... и я пришелъ сюда отъ имени Джорджа сказать вамъ, что онъ свято исполняетъ свои обязанности... будьте на его сторонѣ, миссъ Осборнѣ...

Мистеръ Доббингъ выразался съ могущественнымъ краснорѣчіемъ, какъ-скоро сильное чувство овладѣвало его душой. Было очевидно, что слова его на этотъ разъ произвели нѣкоторое впечатлѣніе на сердце молодой дѣвицы.

— Очень хорошо, сказала она, — я должна замѣтить, капитанъ, что все это меня крайне удивляетъ... это даже непостижимо, если взять въ расчетъ... что скажетъ на это папа? Не безумно ли со стороны Джорджа отказываться отъ блистательной партіи, которую устраиваютъ для него?.. Впрочемъ,

братъ не ошибся, дѣлая васъ ходатаемъ за себя, и мы очень хорошо знаемъ, что вы готовы защищать его мужественно, несмотря ни на какія препятствія... Для насъ собственно въ этомъ ходатайствѣ нѣтъ никакой нужды, продолжала миссъ Осборнъ послѣ кратковременной остановки. Я съ своей стороны жалѣю искренно бѣдняжку Седли. Эту партію, вы знаете, мы всегда считали неприличною для Джорджа, но мы всегда ласкали Амелію и были добры къ ней. Но папа, я увѣрена, никогда не согласится на этотъ бракъ. Да и всякая благовоспитанная дѣвушка... принимая въ соображеніе обстоятельства... я хочу сказать, что братъ долженъ оставить ее, капитанъ Добоинъ, непременно оставить.

— Такъ неужели по вашему мнѣнію, мужчина долженъ оставить любящую женщину единственно за то, что она несчастна? сказалъ мистеръ Доббинъ, протягивая свою руку. Полноте, отъ васъ ли я слышу это, любезная миссъ Осборнъ? Можетъ ли это быть чтобы ваше нѣжное сердце способно было диктовать кому бы то ни было подобныя совѣты? О, будьте къ ней добры, снисходительны, миссъ Осборнъ! Онъ не можетъ, онъ не долженъ отказаться отъ нея. Думаете ли вы, что вашъ собственный женихъ способенъ отказаться отъ васъ, какъ-скоро, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ переворотовъ, вы будете бѣдны?

Это ловкое обращеніе къ сердцу миссъ Дженчи Осборнъ произвело нѣкоторый эффектъ двусмысленнаго свойства.

— Не знаю, сказала она, должны ли мы, бѣдныя дѣвушки,

вѣрить всему, что говорятъ намъ коварные мужчины. Есть въ натурѣ женщины такія свойства, капитанъ, которыя дѣлають ее слишкомъ легковѣрною. Мужчины, мнѣ кажется, должны быть страшные обманщики.

И при этомъ обвиненіи мужскаго пола, кептенъ Доббинъ почувствовалъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, что миссъ Осборнъ довольно крѣпко пожалала ему руку.

– Обманщики! воскликнулъ онъ. Нѣтъ, миссъ Осборнъ, вы не можете сказать этого обо всѣхъ мужчинахъ. Братъ вашъ не обманщикъ... Братъ вашъ любилъ Амелію Седли съ дѣтскихъ лѣтъ, и никакія блага въ мірѣ не заставили бы его отказаться отъ нея. Неужели вы серьезно думаете, что онъ долженъ покинуть свою невѣсту? Этотъ ли совѣтъ я долженъ передать ему отъ васъ?

Уклоняясь отъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, миссъ Дженни проговорила загадочнымъ тономъ:

– Я не смѣю считать васъ обмащикомъ, капитанъ; но то для меня ясно, что вы большой мечтатель.

Это замѣчаніе кептенъ Доббинъ пропустилъ мимо ушей, но думая теперь, что миссъ Осборнъ достаточно приготовлена къ принятію важной новости, онъ сообщилъ ее цѣликомъ въ слѣдующихъ словахъ, произнесенныхъ энергическимъ тономъ:

– Джорджъ не покинетъ Амелію, миссъ Дженни, потому-что Амелія – жена Джорджа.

И за тѣмъ онъ уже подробно рассказалъ, какъ они обвѣн-

чались, и какъ бѣдная дѣвушка собралась умереть въ случаѣ окончательной разлуки съ другомъ сердца. Старикъ Седли рѣшительно отказалъ въ своемъ согласіи на этотъ бракъ, и Джорджъ долженъ былъ испрашивать законное позволеніе въ Докторской общинѣ. Джозефъ Седли долженъ былъ прискакать изъ Чельтенгема, чтобы, заступая мѣсто отца, передать невѣсту жениху. Послѣ свадьбы, новобрачные ускакали въ каретѣ мистера Джозефа, чтобы провести въ Брайтонѣ медовый мѣсяць. Счастливый и довольный, Джорджъ надѣется на содѣйствіе своихъ добрыхъ еестеръ, которыя безъ сомнѣнія пріймутъ участіе въ его судьбѣ, и постараются помирить его съ отцомъ. Въ заключеніе мистеръ Доббинъ выпросилъ позволеніе видѣть какъ можно чаще добрую Дженни, и рассчитывая весьма основательно, что сообщенная имъ новость, менѣе чѣмъ въ пять минутъ будетъ передана всему женскому комитету этого дома, онъ поклонился и ушелъ.

Лишь-только переступилъ онъ за порогъ, миссъ Марія и миссъ Виртъ вторгнулись въ гостиную, и миссъ Дженни мгновенно сообщила имъ подробности чудодѣйственной тайны. Отдавая полную справедливость прекраснымъ сестрицамъ, мы обязаны сказать, что онѣ не слишкомъ сердились на своего брата. Долго онѣ разсуждали объ этой исторіи, рассматривая ее со всѣхъ сторонъ, и недоумѣвая, что скажетъ папа, какъ вдругъ громовой стукъ въ уличную дверь прервалъ ихъ размышленія на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Это долженъ быть папа, подумали дѣвицы. Но это быть не онъ. Это быть только мистеръ Фредерикъ Буллокъ, пріѣхавшій изъ Сити въ назначенный срокъ вслѣдствіе даннаго имъ обѣщанія проводить дамъ въ цвѣточный магазинъ.

Этотъ джентльмень, какъ легко вообразить, недолго оставался непричастнымъ къ общей тайнѣ; но его лицо, какъ узналъ онъ и взвѣсилъ сущность дѣла, выразило изумленіе, совершенно отличное отъ тѣхъ сантиментальныхъ впечатленій, какими проникнуты были фізіономіи сестрицъ. Мистеръ Буллокъ, человѣкъ практической и знатокъ житейскихъ отношеній, былъ младшимъ товарищемъ богатой фирмы. Онъ зналъ что такое деньги, и вполне понималъ ихъ цѣнность: восторгъ ожиданія заискрился въ его маленькихъ глазахъ, и онъ съ улыбкой взглянулъ на свою Мери, когда подумалъ, что, по милости глупой выходки мистера Джорджа, невѣста его поднялась въ цѣнѣ слишкомъ на тридцать тысячъ фунтовъ противъ той суммы, какую онъ надѣялся получить за ней.

— Ахъ, Боже мой! Какой праздникъ для васъ, Дженни! вскричалъ онъ, взглянувъ и на старшую сестрицу съ видомъ нѣкотораго участія. Смотрите теперь во всѣ глаза за своими женихами: вы стоите около пятидесяти тысячъ фунтовъ.

Этотъ денежный вопросъ не представлялся воображенію сестрицъ вилою до настоящей минуты, но Фредерикъ Буллокъ, подшучивая надъ ихъ невинностію, объяснилъ имъ сущность дѣла въ продолженіе одной прогулки, и когда онѣ

воротились домой къ обѣду послѣ утреннихъ удовольствій, уваженіе ихъ къ самимъ себѣ увеличилось на нѣсколько процентовъ.

И читатель будетъ неправъ, если вздумаетъ обвинять въ эгоизмѣ дѣвицъ Осборнъ. Не дальше какъ сегодня утромъ я имѣлъ честь возвращаться въ Лондонъ изъ Ричмонда; и въ ту пору какъ дилижансъ перемѣнялъ лошадей, я, засѣдая на кровлѣ этой колесницы, замѣтилъ внизу трехъ дѣтей, игравшихъ дружелюбно въ грязной лужѣ. Они были веселы, грязны и удивительно счастливы. Но вдругъ, запыхавшись и едва переводя духъ, подбѣгаетъ къ нимъ четвертый дѣтенышъ, и говоритъ — «Полли, сестра твоя выиграла пенни». При этой оглушительной вѣсти, дѣти мигомъ повыскочили изъ грязи, и бросились впередъ, чтобъ засвидѣтельствовать почтеніе счастливой Пегги. И когда дилижансъ двинулся съ мѣста, я видѣлъ, какъ малютка Пегги, сопровождаемая дѣтской процессіей горделиво пошла къ ларю торговли, продававшей леденцы.

Глава XXIII

Мистеръ Осборнъ-старшій

Приготовивъ такимъ образомъ сестеръ Доббинъ поспѣшилъ немедленно въ Сити для совершенія послѣдней и труднѣйшей части добровольнаго подвига, предпринятаго въ пользу друга. Мысль о столкновеніи лицомъ къ лицу съ непреклоннымъ и гордымъ негоціантомъ, приводила его въ судорожный трепеть, и онъ уже серьезно подумывалъ представить дѣло на произволь текущихъ обстоятельствъ, такъ-какъ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что молодая леди не замедлитъ открыть тайну своему отцу. Но затрудненіе тутъ состояло въ томъ, что кептенъ Доббинъ обѣщался Джорджу представить подробное донесеніе о впечатлѣніи, какое произведетъ на старика вѣсть о женитьбѣ его сына. Неизбѣжность личнаго свиданія опредѣлялась сама собою. Доббинъ зашелъ сперва въ отцовскую контору въ Сити на Великорѣцкой улицѣ, и отправилъ оттуда записку къ мистеру Осборну, испрашивая у него аудіенціи по поводу важныхъ дѣлъ, касающихся до сына его, Джорджа. Отвѣтъ былъ благопріятный. Мистеръ Джонъ Осборнъ, свидѣтельствуя свое совершеннѣйшее почтеніе капитану Доббину, покорнѣе просилъ его пожаловать къ себѣ въ контору, гдѣ онъ будетъ имѣть удовольствіе выслушать его объясненія по

поводу сына его, Джорджа. Доббинъ пошелъ. Свиданіе, конечно, будетъ имѣть тревожный и бурный характеръ; думаль мистеръ Доббинъ, и на этомъ основаніи фізіономія его приняла самое мрачное выраженіе, когда онъ постучался у дверей конторы мистера Осборна. Смущеніе его увеличилось еще больше, когда мистеръ Чопперъ, стоявшій у конторки въ первой комнатѣ, поспѣшилъ привѣтствовать его съ веселымъ и беззаботнымъ видомъ. Улыбаясь и подмигивая съ какимъ-то особенно-непріятнымъ юморомъ, мистеръ Чопперъ указаль перомъ на дверь своего патрона и проговориль:

— Извольте идти прямо. Старшина васъ ждетъ.

Мистеръ Осборнъ проворно всталъ съ мѣста, и радушно протянулъ руку своему гостю.

— Какъ ваше здорovie, почтеннѣйшій? спросиль онъ съ такимъ искреннимъ участіемъ, что бѣдный посланникъ Джорджа почувствовалъ себя вдвойнѣ виновнымъ передъ негоціантомъ.

Онъ также протянулъ свою руку, и она какъ-будто замерла въ рукѣ старика. Совѣсть его была нечиста, и онъ это живо почувствовалъ, когда перешагнулъ черезъ порогъ конторы. Ни онъ ли, кептенъ Доббинъ, былъ почти исключительно причиною этого фамильнаго переворота? не онъ ли привель Джорджа къ ногамъ его заброшенной невѣсты? Не онъ ли устроиль эту свадьбу? И вотъ, старый негоціантъ принимаетъ его съ радушной улыбкой, вовсе не подозрѣвая, какую вѣсть онъ долженъ ему сообщить. Было отчего струхнуть и

присмирѣть.

Осборнъ въ свою очередь былъ совершенно убѣжденъ, что Доббинъ принесъ ему добрую вѣсть. Мистеръ Чопперъ и его принципаль разсуждали объ этомъ предметѣ въ ту самую минуту, когда принесли записку отъ капитана. Они оба единодушно согласились, что молодой человѣкъ вѣроятно раскаялся въ своей опрометчивости. Уже нѣсколько дней они готовились къ этому, не сомнѣваясь, что осажденный непріятель будетъ просить пощады. «И какую чудесную свадьбу мы сыграемъ, Чопперъ» говорилъ мистеръ Осборнъ своему конторщику, бросая на него торжественный взглядъ, и побрякивая шиллингами и гинеями въ своихъ огромныхъ каршнахъ.

Съ такими же операціями, производимыми въ обоихъ карманахъ, мистеръ Осборнъ-старшій сидѣлъ и теперь на своемъ стулѣ, посматривая на злосчастнаго Доббина, который покаместъ еще не могъ проговорить ни одного слова и сидѣлъ неподвижно, какъ-будто прикованный къ своему мѣсту. «Что это за странный человѣкъ! думалъ старикъ Осборнъ. Удивительно, какъ это Джорджъ не научить его лучшему обращенію.»

Наконецъ мистеръ Доббинъ пріободрился, и открылъ бесѣду такимъ образомъ:

— Сэръ, я принесъ вамъ чрезвычайно важную новость. Сегодня утромъ я бѣмъ въ Конной-Гвардіи, и тамъ сказали мнѣ, что нашему полку будетъ объявленъ походъ за границу. Не

пройдетъ недѣли, и мы вѣроятно будемъ на дорогѣ въ Бельгю. Вамъ не безъизвѣстно, сэръ, что послѣ этой кампаніи, мы, безъ сомнѣнія, недосчитаемся многихъ изъ своихъ товарищей, и вы понимаете, что не всѣмъ офицерамъ Трильйоннаго полка суждено воротиться домой.

Осборнъ принялъ степенный видъ.

— Полкъ вашъ, сказалъ онъ, я не сомнѣваюсь, сдѣлаеть свое дѣло и, конечно, каждый изъ васъ понимаетъ свои обязанности, смѣю сказать, а въ животѣ и смерти Богъ воленъ.

— Французы, сэръ, очень сильны, продолжалъ кептенъ Доббинъ. — Русскіе и Австрійцы безъ сомнѣнія не скоро соединять съ нами свой войска. Мы должны будемъ открыть первую битву въ этой кампаніи, и эта битва, сэръ, будетъ отчаянная: Бонапартъ знаетъ свое дѣло.

— Что вы хотіте этимъ сказать, капитанъ Доббинъ? перебилъ суровый негоціантъ, нахмуривъ брови, ни одинъ честный Британецъ, я полагаю, не побоится этого Бонапарта, какъ-скоро идетъ дѣло о національной чести и славѣ.

— Конечно, сэръ, вы правы, и я совершенно согласенъ съ вами, сказалъ капитанъ Доббинъ, но согласитесь и вы, что военные люди; при открытіи кампаніи, подвергаются нѣкоторымъ образомъ большимъ опасностямъ. Поэтому, сэръ, если произошла нѣкоторая размолвка между вами и другомъ моимъ, Джорджемъ, то, принимая въ соображеніе нынѣшнія обстоятельства... я хочу сказать, сэръ, что вы должны, сэръ, перемѣнить гнѣвъ на милость и великодушно простить

друга моего, Джорджа, если онъ провинился передъ вами. Сами вы замѣтили, что въ животѣ и смерти Богъ воленъ и, стало-быть, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, вамъ слѣдуетъ подать дружескую руку своему сыну. Продолжая питать гнѣвъ въ своемъ сердцѣ, вы, я знаю, не простите себѣ никогда, если чего Боже сохрани! война будетъ имѣть роковыя послѣдствія для Джорджа.

Говоря это, бѣдный Вильямъ Доббинъ покраснѣлся какъ малина, и почувствовалъ въ глубинѣ души, что самъ онъ, собственно говоря, поступилъ злодѣйски въ этомъ дѣлѣ. Не вмѣшивайся онъ въ отношенія Джорджа, не произошло бы, вѣроятно, никакой размолвки между сыномъ и отцомъ. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не отсрочить этой свадьбы до благоприятныхъ обстоятельствъ? Какой демонъ понуждалъ его торопить жениха? Джорджъ могъ бы, конечно, разстаться съ Амеліей, не чувствуя смертельной тоски, и Амелія, въ свою очередь, мужественно перенесла бы роковой ударъ, если бы женихъ ея не воротился съ поля битвы. Его совѣты и хлопоты окончательно испортили все дѣло. И зачѣмъ онъ хлопоталъ, зачѣмъ совѣтовалъ? Зачѣмъ, изволите видѣть, что капитанъ Доббинъ самъ любилъ миссъ Эмми до такой степени, что мысль о ея несчастіи закружила и отуманила его голову. Ктому же его собственныя страданія становились невыносимы, и онъ радъ былъ покончить все однимъ ударомъ, такъ, чтобы рѣшительно отнять возможность возрожденія въ своей душѣ какой-нибудь заносчивой мечты. Въ этомъ послѣд-

немъ случаѣ, очевидно, онъ руководствовался тѣми же самыми побужденіями, какія мы имѣемъ въ виду, когда ускоряемъ похороны своего друга.

— Вы добрый человѣкъ, Вилльямъ Доббинъ, и я съ охотою готовъ послѣдовать вашему совѣту, отвѣчалъ старикъ Осборнъ растроганнымъ голосомъ, Джорджъ и я не должны питать душевной вражды другъ на друга — вы правду говорите. Мы разстанемся друзьями. Но разберите наши отношенія, и будьте по совѣсти судьей между нами. Я сдѣлалъ для него все, что только можетъ сдѣлать заботливый отецъ. Онъ перебралъ у меня денегъ, быть-можетъ, втрое больше, чѣмъ вы когда-либо могли получить отъ своего отца. Но я не хвастаюсь этимъ — совѣмъ нѣтъ. Я не стану вамъ говорить, какъ я трудился для него изо всѣхъ своихъ силъ, какъ работалъ по днямъ и ночамъ, не щадя своего здоровья. Спросите объ этомъ Чоппера. Спросите его самого. Спросите Сити и лондонскую биржу. Очень хорошо, капитанъ. Теперь я предлагаю ему такую партію, за которую, нѣтъ сомнѣнія, ухватился бы съ радостью всякій джентльменъ изъ высшаго круга — и что же? Онъ отказывается. Виноватъ ли я здѣсь на сколько-нибудь? Я имѣлъ тутъ въ виду его собственное счастье, изъ-за котораго работалъ въ потѣ лица. Можно ли тутъ упрекать меня въ своекорыстныхъ разчетахъ? Вы человѣкъ разсудительный, Доббинъ, и, стало-быть, поймете, на чьей сторонѣ правда. Пусть онъ прійдетъ ко мнѣ, и вотъ ему моя рука. Я не злопамятенъ. О женитьбѣ, при нынѣш-

нихъ обстоятельствахъ, разумѣтся, мы толковать не станемъ. Пусть только онъ и миссъ Шварцъ поладятъ между собою: свадьбу успѣемъ сыграть послѣ, когда онъ воротится полковникомъ – потому-что онъ будетъ полковникомъ, если тутъ деньги могутъ что-нибудь сдѣлать. Очень радъ, что вы навели его на истинный путь. Это, разумѣтся, ваше дѣло, я знаю, Доббингъ, – вы часто вытаскивали его изъ западни, и вамъ не мудрено было его образумить. Пусть онъ воротится: я буду великодушень. Приходите оба сегодня обѣдать на Россель-Скверъ. Закусимъ чѣмъ Богъ послалъ, и побеседуемъ за бутылкою вина. Я заранѣе забываю всякія дразги.

Въ продолженіе этой хвалебной рѣчи, Доббинъ рѣшительно сидѣлъ на иголкахъ, и каждое слово откровеннаго старика ножомъ врѣзывалось въ его сердце. Теперь онъ чувствовалъ себя окончательно виноватымъ.

– Мнѣ кажется, сэръ, сказалъ онъ, вы въ заблужденіи. Да, я увѣренъ, вы въ заблужденіи, сэръ. Джорджъ слишкомъ великодушень и благородень для того, чтобы позволить себѣ женитьбу изъ-за денегъ. Если вы станете угрожать ему лишеніемъ наслѣдства въ случаѣ отказа, такая угроза, сэръ, можетъ только ожесточить Джорджа.

– Это что за дьявольщина, капитанъ Доббинъ? Неужто вы называете угрозой предложеніе ему восьми или десяти тысячъ фунтовъ годоваго дохода? вскричалъ мистеръ Осборнъ еще довольно веселымъ и полушутливымъ тономъ, да я самъ бы не прочь отъ женитьбы на миссъ Шварцъ, если бы

она согласилась имѣть такого мужа. Смуглянка, на мой вкусъ, ни чуть не хуже какой-нибудь бѣленькой красотки.

И старикъ засмѣялся веселымъ и самодовольнымъ смѣхомъ.

— Но вы забываете, сэръ, прежнія обязательства, въ которыя вступилъ капитанъ Осборнъ, сказалъ посланникъ глубоко-знаменательнымъ тономъ.

— Какія обязательства! Какія дразги у васъ на умѣ, капитанъ Доббинъ? Неужели вы намекаете, продолжалъ мистеръ Осборнъ, начинавшій чувствовать припадокъ гнѣва при мысли, которая первый разъ блеснула теперь въ его головѣ, неужели вы намекаете, что глупый сынъ мой еще не перестаетъ ухаживать за дочерью этого банкрота? Ужъ не пришли ли вы доложить мнѣ, что онъ изъявляетъ намѣреніе жениться на этой дѣвчонкѣ? Чудесное, истинно благородное намѣреніе! Моему сыну и наслѣднику жениться на дочери нищаго — да съ чего это вы взяли, капитанъ Доббинъ? Если упадетъ ему въ голову такая ахинея, пусть онъ заранѣе купить себѣ метлу и выйдетъ мести улицы. Да, да, припоминаю я теперь — эта дѣвчонка давно вѣшалась ему на шею, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что плуть-отецъ подзадоривалъ ее!

— Мистеръ Седли считался нѣкогда лучшимъ вашимъ другомъ, милостивый государь, сказалъ капитагъ Доббинъ, почти обрадованный тѣмъ, что и самъ начинаетъ исподоволь сердиться. Было время, когда вы ужаснулись бы при мысли, что кто-нибудь осмѣлится назвать плутомъ этого почтеннаго

негоціанта. Вы сами устроивали и поощряли тѣсную связь между молодыми людьми. Джорджъ не имѣлъ никакого права играть въ жмурки...

— Въ жмурки! заревѣлъ старикъ Осборнъ, — въ жмурки? Спасибо за дружбу, капитанъ. Жените его, сдѣлайте милость, жените! Такая безстыдная тварь, какъ эта миссъ...

— Сэръ! воскликнулъ Доббинъ, пламенѣя теперь сильнѣйшимъ гнѣвомъ, ни одинъ человекъ въ мірѣ не смѣстъ въ моемъ присутствіи обижать эту особу, и всего менѣе вы, милостивый государь.

— О, вотъ оно куда пошло! Ужъ не хотите ли вы мнѣ сдѣлать формальный вызовъ? Позвольте, я позвоню, чтобы намъ принесли пару пистолетовъ, капитанъ Доббинъ, сказалъ Осборнъ, дернувъ за сонетку.

— Господинъ Осборнъ, проговорилъ капитанъ прерывающимся голосомъ, вы наносите оскорбленіе прекраснѣйшему созданію въ мірѣ. Болѣе чѣмъ другой кто, вы обязаны щадить ее потому, милостивый государь, что она супруга Джорджа!

И съ этими словами, кептенъ Доббинъ, чувствуя неспособность продолжать дальнѣйшій разговоръ, выпоркнулъ изъ дверей, оставивъ старика Осборна съ выпученными глазами и безъ всякаго движенія на своемъ стулѣ. Въ комнату вбѣжалъ конторщикъ, отвѣчая на звонокъ своего принципала, и лишь-только Доббинъ, пройдя огромный дворъ, гдѣ помѣщались конторныя заведенія, вышелъ изъ воротъ на улицу; мистеръ Чопперъ, испуганный и встревоженный, догналъ его

безъ шляпы на своей головѣ.

— Ради Бога, что тамъ у васъ вышло? вскричалъ мистеръ Чопперъ, удерживая капитана за фалды. Старшина въ обморокъ. Что случилось съ мистеромъ Джорджемъ?

— Онъ женился на миссъ Седли.

— Когда?

— За пять дней передъ этимъ. Я былъ его шаферомъ, мистеръ Чопперъ, и вы, какъ честный человекъ, обязаны защитить его передъ отцомъ.

Старый конторщикъ сомнительно покачалъ головой.

— Дурную вѣсть принесли вы, капитанъ, сказалъ онъ, старшина никогда не проститъ мистера Джорджа.

Доббинъ попросилъ мистера Чоппера извѣстить его обо всемъ, что случится, адресуя письмо въ гостинницу, гдѣ онъ остановился. Затѣмъ, пожавъ ему руку, онъ пошелъ по своей дорогѣ, думая о томъ, что было и недоумѣвая о томъ, что будетъ.

Обѣденная церемонія на Россель-Скверѣ, въ урочный часъ, началась своимъ обычнымъ чередомъ; но главный членъ и представитель Россель-скверской фамиліи сидѣлъ мрачно и угрюмо на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ. Молодые леди и мистеръ Буллокъ, обѣдавшій съ ними, мигомъ поняли и сообразили, что роковая вѣсть уже долетѣла до ушей мистера Осборна. Его мутные и дикіе взоры заставили угомониться мистера Буллока и удержаться отъ всякихъ толковъ по коммерческой части, зато онъ обратилъ все свое вниманіе и лю-

безность на миссъ Мери, подлѣ которой онъ сидѣлъ, и на старшую ея сестрицу, занимавшую первое мѣсто за столомъ.

Миссъ Виртъ, гувернантка, сидѣла одна на своей сторонѣ, такъ-какъ между нею и миссъ Дженни находилось порожнее мѣсто, произведенное отсутствіемъ мистера Джорджа: его приборъ, какъ мы докладывали, аккуратно ставился здѣсь каждый день. За обѣдомъ ничего особеннаго не случилось; по временамъ только улыбался мистеръ Фредерикъ Буллокъ и нашептывалъ что-то на ухо своей невѣстѣ. Всеобщее молчаніе прерывалось лишь изрѣдка стукомъ тарелокъ и ножей. Лакеи переступали на цыпочкахъ, не смѣя, казалось, идохнуть, чтобы не потревожить всеобщаго покоя. Факельщики при похоронахъ далеко не такъ пасмурны, какъ были теперь служители въ домѣ господина Осборна. Собственными руками разрѣзаль онъ дичину на ровныя части, соображаясь съ числомъ присутствующихъ особъ; но самъ почти не отвѣдалъ своего куска. Зато безпрестанно онъ кушалъ хересь, такъ-что буфетчикъ едва успѣвалъ наливать его рюмку.

Когда подали пирожное, мистеръ Осборнъ обозрѣлъ безпокойнымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, и потомъ глаза его вперились въ приборъ, поставленный для Джорджа. Черезъ минуту онъ молча указалъ на него своею лѣвою рукою. Дочери не поняли, или, быть можетъ, притворились, что не понимаютъ этого сигнала. Лакеи тоже не поняли его.

— Убрать отсюда и никогда больше не ставить этотъ приборъ! сказалъ наконецъ мистеръ Осборнъ-старшій, выходя

изъ-за стола и бросаю салфетку.

Загѣмъ онъ пихнулъ ногою стулъ, на которомъ сидѣлъ, и пошелъ въ свою собственную комнату.

Позади столовой мистера Осборна былъ особенный покойчикъ, слывшій въ этомъ домѣ подь названіемъ кабинета. Эта комната посвящена была самому хозяину дома. Сюда мистеръ Осборнъ отправлялся по воскреснымъ утрамъ, какъ-скоро не думалъ идти въ церковь, и здѣсь, развалившись въ малиновыхъ креслахъ, онъ читалъ утреннія воскресныя газеты. Здѣсь, вдоль одной стѣны, стояли два книжные шкафа подь стекломъ, въ которыхъ содержались капитальныя произведенія національной литературы въ золотыхъ переплетахъ. Это были: календари за нѣсколько лѣтъ, нѣсколько томовъ журнала: «Листокъ для свѣтскихъ людей» (Gentlemen's Magazine), проповѣди Блера, англійская исторія господъ Юма и Смоллета, и еще нѣсколько книгъ назидательнаго содержанія. Отъ начала и до конца года, мистеръ Осборнъ-старшій не бралъ въ руки ни одного изъ этихъ волюмовъ; тѣмъ не менѣе, однако жъ, никто изъ членовъ его семейства не смѣлъ къ нимъ прикоснуться подь опасеніемъ строжайшихъ взысканій. Изрѣдка только, въ воскресные вечера, какъ-скоро не было гостей, мистеръ Осборнъ собственноручно снималъ съ полки одну и ту же назидательную книгу, и читалъ ее во всеуслышаніе внимательному собранію. Ни одинъ членъ хозяйственнаго заведенія, ни дитя, ни слуга, не могли переступить черезъ порогъ этой комнаты безъ тайна-

го трепета. Здѣсь мистерь Осборнь повѣряль счетъ ключницы, и пересматриваль погребную книгу своего буфетчика. Отсюда онъ черезъ широкій дворъ, устланнй щебнемъ, могъ наблюдать конюшню, куда былъ проведенъ колокольчикъ, и дѣлать выговоры кучеру какъ-скоро тотъ по его призыву, становился, снявъ шляпу, передъ окномъ его кабинета. Четыре раза въ годъ, миссъ Виртъ входила въ эту комнату за полученіемъ своего жалованья, и здѣсь же дочери его получали свое четвертное награжденье. Въ этой самой комнатѣ, Джорджъ, въ продолженіе своего дѣтства и первыхъ отроческихъ лѣтъ, подвергался наказанію отъ отцовской руки, тогда-какъ его мамаша сидѣла, съ замираніемъ сердца, на лѣстничныхъ ступеняхъ, прислушиваясь къ ударамъ розги. Когда Джорджъ выходилъ изъ кабинета, мать целовала его тайкомъ, и ласкала, и лелѣяла, и давала ему денегъ на бонбошки.

Надъ каминной полкой возвышалась фамильная картина, принесенная сюда изъ залы послѣ кончины мистриссъ Осборнь, Джорджъ сидѣль здѣсь на крошечной лошаdkѣ, тогда-какъ сгаршая сестрица подавала ему роскошный букетъ цвѣтовъ; младшую вела подъ руку счастливая мать всей этой семьи. У всѣхъ дѣтей были розовыя щечки и алыя ротики, полуоткрытые для улыбки, которую художникъ портретистъ изобразилъ превосходно. Но прошли года, и сцѣна измѣнилась. Собственный портретъ мистера Осборна, гдѣ, вмѣстѣ съ нимъ, изображены были его большая серебрянная чернилица и кресла, занималь до сихъ поръ почетное мѣсто въ сто-

ловой.

Въ этотъ-то кабинетъ удалился теперь старикъ Осборнъ, къ явному удовольствію и отрадѣ остальныхъ членовъ своего семейства. Когда слуги вышли изъ столовой, молодая леди завязали довольно бѣглый разговоръ между собою въ тихомолку; но скоро потомъ, для вящей безопасности, отправились къ себѣ наверхъ. Мистеръ Буллокъ послѣдовалъ за ними на цыпочкахъ, укрощая по возможности скрипучесть своихъ неугомонныхъ сапоговъ. У него не достало храбрости сидѣть одному въ столовой, за бутылкою вина, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ ужаснымъ джентльменомъ.

Вечеромъ, спустя уже часа полтора послѣ сумерекъ, буфетчикъ, не получавшій никакихъ приказаній, осмѣлился постучаться въ дверь кабинета и войти туда съ чаемъ и восковыми свѣчами. Мистеръ Осборнъ сидѣлъ въ креслахъ, притворяясь, будто читаетъ газету, когда слуга, поставивъ на столъ чай и свѣчи, удалился, онъ всталъ съ своего мѣста и заперъ за нимъ дверь. Въ эту пору уже нельзя было ошибаться въ сущности дѣла; всѣ и каждый изъ обитателей дома знали положительно, что случилась какая-то бѣда, имѣвшая, вѣроятно, гибельную связь съ постояннымъ отсутствіемъ молодого господина. Въ большомъ блестящемъ комодѣ изъ красного дерева былъ у мистера Осборна особый ящикъ, посвященный исключительно дѣламъ и бумагамъ его сына. Здѣсь хранились всѣ документы Джорджа съ его дѣтскихъ лѣтъ: прописи, рисовальныя книги, школьныя тетрадки, гдѣ всюду

виднѣлся почеркъ малютки или его бывшаго учителя. Здѣсь также были его первыя письма, которыя посылалъ онъ въ родительскій домъ изъ пансіона доктора Свиштеля, свидѣтельствуя почтеніе папашѣ и мамашѣ, и выпрашивая у нихъ деньжонокъ на тминныя коврижки. Имя крестнаго папеньки Седли упоминалось въ нихъ довольно часто. Проклятіе задрожало на блѣдныхъ губахъ старика, и ненависть змѣю обвилась вокругъ его сердца, когда онъ встрѣтилъ это имя. Всѣ эти документы были перемѣнены, занумерованы и перевязаны красными снурками. Отмѣтки на нихъ были такого рода: «Отъ Джорджа. Просить пять шиллинговъ. Апрѣля 25. 18... Отвѣтъ посланъ апрѣля 27.» – Или: «Просьба насчетъ лошадки, октября 13» и т. д. Въ другомъ пакетѣ содержались «Отчеты доктора Свиштеля», «счета портнаго, работавшаго на Джорджа» и прочая. Затѣмъ слѣдовали его письма изъ Вест-Индіи, письма его агента, и газетныя листки, гдѣ говорилось о порученіяхъ, данныхъ полку, въ которомъ служилъ мистеръ Джорджъ Осборнъ. Здѣсь также, въ этой завѣтной комнатѣ, висѣла плетка малютки Джорджа, и хранился медальонъ съ его волосами, который, въ бывалые дни, носила его мать на своей груди.

И много унылыхъ, тяжелыхъ часовъ провелъ негоціантъ, переворачивая эти документы одинъ за другимъ, и задумываясь надъ этими памяткиками минувшей жизни. Тутъ были всѣ его надежды, мечты, всѣ тщеславныя замыслы, которые когда-либо онъ лелѣялъ въ своей душѣ. Давно ли онъ

такъ гордился своимъ сыномъ, да и кто бы не гордился на его мѣстѣ? Это было чудное, прекраснѣйшее дитя и всѣ говорили, что малютка Джорджъ джентльменскій сыночекъ. У какого купца въ Сити могъ быть такой ребенокъ? Все было у малютки Джорджа, что только можно было приобрести за деньги. Бывало отецъ прѣзжалъ къ нему въ школу въ четвернѣ съ ливрейными лакеями на запяткахъ, и щедрою рукою бросалъ шиллинги мальчикамъ, товарищамъ Джорджа. Въ ту пору, когда Джорджъ собирался въ Индію на службу, мистеръ Осборнъ задалъ его сослуживцамъ такой обѣдъ, за которымъ было бы не стыдно сидѣть даже герцогу Йоркскому. Отказывался ли онъ когда-нибудь отъ счетовъ, представленныхъ отъ имени Джорджа? Нѣтъ, за все платилъ мистеръ Осборнъ безъ всякихъ отговорокъ. Немногіе изъ генераловъ въ арміи щеголяли такими лошадьми, какъ его сыночекъ.

И куда бы ни обратилъ свое вниманіе старый негоціантъ, всюду и всегда одинъ и тотъ же предметъ поражалъ его взоры. Вотъ они присутствуютъ на парадномъ обѣдѣ: Джорджъ сидитъ подлѣ своего отца, разговариваетъ и пьетъ вино съ такою смѣлостью, какъ какой-нибудь лордъ. Вотъ онъ разѣзжаетъ въ Брайтонѣ на своемъ гордомъ конѣ, и смѣло перекакиваетъ черезъ барьеръ, изумляя всѣхъ наѣздниковъ и егерей. Но вотъ – о счастливая година, Джорджъ Осборнъ на выходѣ у принца регента, гдѣ всѣ приходятъ въ восторгъ отъ прекраснѣйшаго молодого человѣка, какого еще не бывало въ Сен-Джемсѣ. И все это исчезло, все опрокинулось въ одно

мгновеніе! Джорджъ женился на дочери банкрота, выпустилъ изъ рукъ блистательную фортуна! Какое униженіе, какой страшный ударъ для гордости, честолюбія и даже для отцовской любви! Кто можетъ изобразить эту убійственную пытку, подь которою страдалъ теперь старый любостяжатель, раздираемый отчаянною злобой?

Обозрѣвъ окончательно эти документы подь вліяніемъ той безнадежной тоски, какую испытываютъ несчастливцы при воспоминаніи о невозвратимыхъ дняхъ минувшаго блаженства, отецъ Джорджа вынулъ всѣ эти бумаги изъ ящика, гдѣ они хранились, и заперъ ихъ въ портфейль, перевязавъ его шнурками, и скрѣпивъ собственною печатью. Потомъ онъ отворилъ книжный шкафъ, и взялъ съ верхней полки большую фамильную книу съ золотымъ обрѣзомъ, переплетенную въ красный сафьянъ. Здѣсь на заглавномъ листѣ этой книги, господинъ Осборнъ, слѣдуя фамильному обыкновенію, собственноручно записывалъ грандіознымъ конторскимъ почеркомъ, день своей свадьбы, день кончины своей супруги, дни и часы рожденія своихъ дѣтей, исчисленныхъ по порядку съ ихъ христіанскими именами. на первомъ мѣстѣ стояла Дженни, за нею слѣдоваль Джорджъ Седли Осборнъ; и за нимъ Марія Франческа. Дни крещенія тоже были поименованы съ крестными отцами и матерями. Мистеръ Осборнъ взялъ перо, обмакнулъ, вздохнулъ, и тщательно зачеркнулъ всѣ имена Джорджа. И когда густой слой чернилъ подсохъ на заглавномъ листѣ, онъ закрылъ книгу и

положилъ ее опять на верхнюю полку шкафа. Эта книга была Библія, и на красной ея крышкѣ былъ фронтиспись, изображавшій жертвоприношеніе Исаака.

Потомъ мистеръ Осборнъ вынулъ документы изъ другаго шкафа, гдѣ хранились его собственныя бумаги. Прочитавъ одну изъ нихъ, онъ судорожно скомкалъ ее въ рукѣ и зажегъ на свѣчкѣ. Когда бумага сгорѣла, онъ собралъ пепель и зашвырнулъ его въ каминъ. Это было его завѣщаніе. Когда оно сгорѣло, онъ присѣлъ къ письменному столу, написалъ письмо, и позвонивъ слугу, приказалъ ему вручить это письмо по принадлежности завтра утромъ. Но утро уже наступило. Когда мистеръ Осбарнъ легъ въ постель, весь домъ, озаренный солнечнымъ сіяніемъ, стоялъ уже на ногахъ, и птички весело щебетали между свѣжими зелеными листьями на Россель-Скверѣ.

Не теряя присутствія духа, капитанъ Доббинъ принялъ мѣры относительно того, чтобы въ семействѣ и конторѣ мистера Осборна завербовать какъ-можно болѣе друзей, которые могли бы, въ случаѣ надобности, ходатайствовать за Джорджа передъ его отцомъ... Зная очень хорошо, какое могущественное вліяніе на человѣческое сердце производятъ хорошіе обѣды и отличныя вина, предпримчивый капитанъ, тотчасъ же по своемъ возвращеніи домой, написалъ гостепріимное приглашеніе къ господину Томасу Чопперу, прося этого джентльмена пообѣдать съ нимъ на друтой день въ гостинницѣ «Пестраго Быка». Мистеръ Чопперъ получилъ эту

записку прежде чѣмъ вышла изъ Сити, и отвѣтъ его былъ такого рода, что «мистеръ Чопперъ свидѣтельствуеъ свое глубокое почитаніе капитану Доббину, извѣщая при семъ, что онъ будетъ имѣть честь явиться на обязательное приглашеніе въ назначенный часъ.» По возвращеніи въ свою квартиру, мистеръ Чопперъ не замедлилъ показать пригласительное письмо и черновой отвѣтъ своей супругѣ, и дочерямъ, которыя весь этотъ вечеръ разговаривали съ своимъ папенькой объ этихъ военныхъ людяхъ, и о томъ, какъ весело живутъ богатые джентльмены Вест-Энда. Когда, наконецъ, дѣвицы ушли въ свою спальню, мистеръ и мистриссъ Чопперъ долго еще разсуждали о странныхъ событіяхъ, случившихся въ семействѣ ихъ принципала. Никогда старый конторщикъ не видалъ своего начальника въ такомъ ужасномъ волненіи. Когда онъ прибѣжалъ къ мистеру Осборну послѣ ухода капитана Доббина, лицо негоціанта почернѣло, и онъ былъ въ обморокѣ. Не было никакого сомнѣнія, думалъ мистеръ Чопперъ, что между нимъ и молодымъ капитаномъ происходила страшная ссора. Очнувшись отъ обморока, мистеръ Осборнъ приказалъ своему конторщику сдѣлать немедленно итогъ денежныхъ суммъ, выданныхъ капитану Осборну въ послѣдніе три года. «И вышли, моя милая, порядочные куши», сказалъ мистеръ Чопперъ своей супругѣ, удивляясь необыкновенной щедрости своего принципала. Онъ глубоко уважалъ и сына и отца зато преимущественно, что онъ, повидимому, не знали счета своимъ гинеямъ. Затѣ-

мъ разговоръ постепенно склонился на миссъ Амелію Седли. Мистриссъ Чопперъ объявила, что она искренно жалѣеть эту молодую дѣвицу, потерявшую такого чуднаго красавца, какъ молодой Осборнъ; но мистеръ Чошеръ не слишкомъ уважалъ миссъ Седли, какъ дочь несчастнаго спекулянта, который очень дурно выплачивалъ дивиденды. Прежде и больше всѣхъ въ лондонскомъ Сити, онъ цѣнилъ домъ Осборновъ, питая весьма лестную надежду, что капитанъ Джорджъ женится со временемъ на дворянской дочкѣ. Послѣ этой назидательной бесѣды, мистеръ Чопперъ заснулъ самымъ сладкимъ сномъ, и поутру на другой день позавтракалъ съ завиднымъ аппетитомъ въ обществѣ своихъ дѣтей. Затѣмъ, нарядившись въ свое лучшее праздничное платье, онъ поцаловалъ малютокъ и вышелъ со двора, давъ торжественное обѣщаніе своей супругѣ – щадить, по возможности, портвейнъ на праздничномъ обѣдѣ капитана Доббина.

Физиономія мистера Осборна, когда онъ пришелъ въ Сити въ свой урочный часъ, поразила всѣхъ конторщиковъ и писарей, которые давно привыкли слѣдить за ея измѣненіями, заранѣе предъугадывая, въ какомъ расположеніи духа будетъ ихъ принципаль. Мистеръ Осборнъ былъ страшно блѣденъ и угрюмъ. Въ двѣнадцать часовъ явился въ контору мистеръ Гиггсъ, нотаріусъ и стряпчій, извѣстный своею опытностью въ юридическихъ дѣлахъ. Его впустили въ кабинетъ принципала, и тамъ онъ пробылъ съ нимъ взаперти около часа. Мистеръ Чопперъ между-тѣмъ получилъ еще письмо отъ ка-

питана Доббина, со вложеніемъ записки для мистера Осборна, которую Чопперъ тутъ же отдалъ по назначенію. Въ скоромъ времени мистеръ Чопперъ и мистеръ Берчъ, младшій конторщикъ, были потребованы въ комнату негоціанта, чтобы засвидѣтельствовать какую-то бумагу;

– Я сдѣлалъ новое завѣщаніе, господа, сказалъ мистеръ Осборнъ, – прошу васъ подписаться,

Чолперъ и Берчъ подписались.

Больше не произошло между ними никакого разговора; никакихъ объясненій. Мистеръ Гиггсъ, выходя изъ конторы, пристально заглянулъ въ лицо мистера Чоппера, но не сказалъ ему ни слова. Замѣтили вообще, что мистеръ Осборнъ былъ удивительно спокоенъ и деликатенъ весь этотъ день, къ изумленію всѣхъ особъ, первоначально ожидавшихъ отъ него страшной бури. Никого не побранилъ онъ, никому даже не сдѣлалъ легкаго выговора. Выходя изъ конторы (очень рано, противъ обыкновенія), онъ еще разъ подозвалъ къ себѣ главнаго конторщика, и сдѣлавъ ему какія-то общія замѣчанія, спросилъ послѣ нѣкотораго колебанія:

– Не знаете ли вы, Чопперъ, въ городѣ капитанъ Доббинъ или нѣтъ?

– Кажется, что въ городѣ, а впрочемъ не знаю, сэръ.

Напротивъ, они оба превосходно знали, что кептенъ Доббинъ еще не думалъ выѣзжать изъ англійской столицы.

Осборнъ взялъ письмо, адресованное къ этому офицеру и, подавая его Чопперу, приказалъ немедленно отдать въ

собственные руки капитана Доббина.

– И вотъ теперь, Чопперъ, сказалъ онъ, надѣвая шляпу, и бросая странный взглядъ, – на душѣ у меня будетъ легко. Гора свалилась съ моихъ плечъ.

Лишь-только пробило два часа, въ контору явился мистеръ Фредерикъ Буллокъ, призванный безъ сомнѣнія ранѣе къ этому сроку. Онъ и мистеръ Осборнъ пошли вмѣстѣ – вѣроятно на Россель-Скверъ.

Полковникъ Трильйоннаго полка, въ которомъ служили господа Доббинъ и Осборнъ, былъ старый и заслуженный воинъ, сдѣлавшій свою первую кампанію подъ командой Вольфа при Квебекѣ. По слабости здоровья онъ уже не могъ состоять на дѣйствительной службѣ, и считался только номинальнымъ главой Трильйоннаго полка; но это не мѣшало ему слѣдить за военными событіями, и онъ охотно приглашалъ къ своему столу молодыхъ офицеровъ; отличаясь радушіемъ и гостепріимствомъ, рѣдкимъ въ наше время. Капитанъ Доббинъ пользовался особенною благосклонностію этого стараго генерала. Доббинъ хорошо былъ знакомъ съ военной литературой, и могъ разсуждать о походахъ Фридриха Великаго съ такою же отчетливостію, какъ самъ генераль, равнодушный къ современнымъ триумфамъ, и котораго сердце продолжало жить съ великими тактиками прошлаго вѣка. Маститый герой пригласилъ Доббина на завтракъ въ то самое утро, когда мистеръ Чопперъ надѣлъ свой праздничный фракъ для предполагаемаго визита. Генераль, двумя днями

раньше, извѣстить молодаго офицера о томъ, чего ожидали всѣ, то-есть, о походѣ въ Бельгію противъ Французовъ. При этомъ старый воинъ изъявилъ лестную надежду, что Трильонный полкъ, разбившій нѣкогда Вашингтона въ Сѣверной Америкѣ и задавшій урокъ мистеру Монткаму въ Канадѣ, поддержитъ и теперь, на поляхъ нидерландскихъ, свою историческую славу.

— Поэтому, любезный другъ мой, *si vous avez, par exemple, quelque affaire labas*, сказалъ старый генераль, взявъ щепоть табаку своею бѣлою, дрожащею рукой, и указывая потомъ на черное пятно своего халата, подъ которымъ еще довольно слабо билось его сердце, — если, примѣромъ сказать, вамъ надобно утѣшить какую-нибудь Филлиду, или проститься съ своими добрыми родителями, или составить завѣщаніе, то я рекомандую вамъ покончить всѣ эти дѣла безъ малѣйшаго замедленія.

Съ этими словами, генераль подаль руку молодому офицеру, и привѣтливо кивнулъ ему своею напудренною головой. Оставшись потомъ одинъ, онъ началъ *сочинять* какую-то записку на французскомъ языкѣ, такъ-какъ этотъ діалектъ былъ его пассіей въ продолженіе всей жизни.

Вѣсть о походѣ озадачила капитана и сообщила серьезное направленіе его мыслямъ. Онъ подумаль о своихъ брайтонскихъ друзьяхъ, и тутъ же, со стыдомъ, признался самому себѣ, что Амелія прежде всѣхъ пришла ему въ голову. Да, такъ точно; онъ заботился о ней гораздо болѣе, чѣмъ о сво-

ей матери, объ отцѣ, о сестрахъ, о всѣхъ своихъ обязанностяхъ, и онъ думаль о ней только во снѣ и наяву. Это, однакожь, не мѣшало ему быть дѣятельнымъ и расторопнымъ. Воротившись въ гостинницу, онъ немедленно отправиль коротенькую записку къ мистеру Осборну-старшему, сообщая ему полученное извѣстіе, которое, думаль онъ, наведеть его да миролюбивыя чувства въ отношеніи къ сыну.

Эта записка, принесенная въ контору тѣмъ же лицомъ, отъ котораго наканунѣ Чопперъ получилъ гостепріимное приглашеніе, значительно обезпокоила достойнаго конторщика, такъ-какъ адресъ былъ сдѣланъ на его имя. Онъ сорвалъ печать дрожащею рукой, воображая, что капитанъ, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, отложилъ свой обѣдъ, но сердце его мгновенно успокоилось, когда онъ прочиталь слѣдующія слова, начертанныя рукою капитана:

«Мистеръ Чопперъ, я буду ожидать васъ сегодня въ половинѣ шестаго. Не забудьте свое обѣщаніе. Прилагаемую записку потрудитесь отдать господину Осборну.»

Старикъ-конторщикъ, спору нѣтъ, чрезвычайно интересовался дѣлами своего принципала; но что прикажете дѣлать? Званный обѣдъ былъ для него важнѣе всякихъ дѣлъ и принципаловъ.

Доббинъ былъ уполномоченъ генераломъ рассказывать о полученномъ извѣстіи всѣмъ и каждому изъ своихъ товарищей, кого только ни встрѣтитъ. На этомъ основаніи онъ извѣстиль прежде всего прапорщика Стоббля, встрѣченнаго имъ

въ конторѣ его агента, и прапорщикъ Стоббль – такова была его воинственная ревность – отправился немедленно покупать себѣ новую шпагу въ магазинѣ, гдѣ продавались военные снаряды. Мистеръ Стоббль былъ юноша лѣтъ семнадцати, ростомъ въ полтора аршина съ небольшимъ и на видѣ довольно рыхлый; но войдя въ магазинъ, онъ обнаружилъ необузданную львиную храбрость при выборѣ оружія, которымъ надѣялся въ скоромъ времени угощать Французовъ. Онъ шумѣлъ, кричалъ, горячился, топалъ безъ милосердія своею маленькою ножкой; и молодецки направлялъ выбранную шпагу въ самое сердце капитана, который, однакожь, съ непостижимымъ хладнокровіемъ отражалъ ударъ своею бамбуковою палкой.

Мистеръ Стоббль, какъ можно было догадаться по его росту, принадлежалъ къ ротѣ егерей; прапорщикъ Спуні, былъ гренадеръ и состоялъ подъ непосредственной командой капитана Доббина. Молодые люди отправились въ гостиницу «Пестраго Быка», и заказавъ для себя великолѣпный обѣдъ, усѣлись за маленькіе столики писать прощальныя письма къ своимъ добрымъ и нѣжнымъ родителямъ – письма, исполненныя любви, надежды, безконечной преданности, и переполненныя варварскими грамматическими ошибками на каждомъ словѣ. Увы! сколько было въ эту пору нѣжныхъ сердецъ, просверленныхъ отчаянною грустью, и сколько матерей, проливавшихъ слезы при мысли о разлукѣ, быть-можетъ, вѣчной!

Итакъ, юный Стоббль писалъ письмо за маленькимъ столикомъ, и горькія слезы капали черезъ его носъ на почтовую бумагу, потому-что онъ думалъ о своей мамѣ, и о томъ, что, вѣроятно, не увидитъ ее въ этой жизни. Доббинъ тоже хотѣлъ писать къ Джорджу Осборну, но при видѣ молодаго человека, вдругъ перемѣнилъ свой мысли.

— Кчему? Зачѣмъ? сказалъ онъ, — пусть она будетъ счастлива по крайней мѣрѣ одну эту ночь. Завтра поутру я увижусь съ своими родителями, и потомъ самъ поѣду въ Брайтонъ.

Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ положилъ свою большую руку на плечо юнаго Стоббля, погладилъ его по спинѣ и сказалъ трогательнымъ голосомъ:

— Послушайте, молодой человекъ, вы, я вижу, горячо любите свою мать; а кто любитъ мать, тотъ будетъ всегда исправнымъ солдатомъ. Перестаньте только кутить и вести беспорядочную жизнь.

При этомъ глаза молодаго человека заблистали, и онъ съ особеннымъ уваженіемъ посмотрѣлъ на воина, предложившаго ему благой совѣтъ. Мистеръ Доббинъ, надобно замѣтить, былъ любимъ въ полку, и всѣ считали его лучшимъ офицеромъ.

— Благодарю васъ, Доббинъ, сказалъ юный Стоббль, вытирая кулакомъ свои слезы. Я вотъ только что хотѣлъ ей написать, что собираюсь остепениться. О, если бы вы знали, сэръ, какъ она любитъ меня!

Слезы опять брызнули ручьемъ изъ глазъ молодаго чело-
вѣка, и этотъ взрывъ чувствительности заразилъ даже само-
го мистера Доббина, потому-что и онъ весьма подозрительно
заморгаль своими глазами.

Два прапорщика, капитанъ и мистеръ Чопперъ обѣдали
вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Чопперъ принесъ письмо отъ ми-
стера Осборна, гдѣ этотъ джентльмень, въ короткихъ сло-
вахъ, свидѣтельствовалъ свое почтеніе капитану Доббину и
просилъ его вручить приложенную записку капитану Джор-
джу Осборну. Чопперъ ничего больше не зналъ. Правда, онъ
подробно описалъ наружный видъ мистера Осборна, его сви-
данье съ адвокатомъ и его необыкновенную учтивость съ
писарями; но изъ всего этого нельзя было вывести поло-
жительныхъ заключеній! Вдохновленный мало-по-малу го-
рячительнымъ напиткомъ, Чопперъ пустился въ разнооб-
разныя предположенія и догадки, сначала довольно остро-
умныя, но потомъ, послѣ трехъ или четырехъ стакановъ,
нѣсколько темныя и, наконецъ, уже совершенно запутанныя
и непостижимыя. Въ поздній часъ ночи, кептенъ Доббинъ
усадилъ своего гостя въ извощичью карету, и онъ, съ трудно-
мъ поворачивая языкъ, объявилъ подъ клятвой, что останет-
ся на вѣки вѣчные закадышнымъ другомъ кап-кап-ппита-на.

Мы уже сказали, что кептенъ Доббинъ, передъ окончаніе-
мъ своей аудіенціи съ миссъ Осборнъ, выпросилъ у нея поз-
воленіе сдѣлать ей другой визитъ. Старая дѣва ожидала его
на другой день нѣсколько чаеовъ; если бы онъ пришелъ и

предложилъ ей ожидаемый вопросъ, миссъ Дженни, безъ всякаго сомнѣнія, объявила бы себя на сторонѣ брата, и въ такомъ случаѣ, благодаря ея ходатайству, можно было бы устроить примиреніе между Джорджемъ и его разсерженнымъ отцемъ. Но кептенъ Доббинъ, наперекоръ ожиданію дѣвственницы, не явился на Россель-Скверъ. У него было множество другихъ важнѣйшихъ дѣлъ, не терпѣвшихъ отсрочки. Онъ повидался съ своими родителями, утѣшилъ свою мать, какъ могъ, и рано поутру, взявъ мѣсто на имперіалѣ молніеноснаго дилижанса, поскакалъ въ Брайтонъ къ своимъ друзьямъ. Передъ обѣдомъ, въ этотъ день мистеръ Осборнъ-старшій далъ формальный приказъ, чтобы не смѣли, ни подъ какимъ видомъ, пускать въ его домъ Вилльяма Доббина; миссъ Осборнъ слышала это собственными ушами и, такимъ образомъ, ея собственныя надежды на капитанское сердце разрушились однажды навсегда. Мистеръ Фредерикъ Буллокъ былъ теперь необыкновенно любезенъ съ миссъ Мери, и чрезвычайно внимателенъ къ бѣдному старику, сраженному непредвидѣннымъ ударомъ, потому-что хотя мистеръ Осборнъ открыто объявилъ, что гора свалилась съ его плечъ и на душѣ его легко, однакожь, тѣмъ не менѣе, событія двухъ послѣднихъ дней, очсвидно, потрясли и расшатали его твердую натуру. Операція сдѣлана благополучно, — отрѣзанъ важный членъ въ его организмѣ; но какія будутъ послѣдствія этой ампутаціи, мистеръ Осборнъ-старшій не зналъ и не могъ знать.

Глава XXIV

Всѣ наши герои, вмѣстѣ съ героинями, считаютъ приличнымъ выѣхать изъ Брайтона

На дорогѣ съ своими пріятелями въ «Корабельную гостиницу», мистеръ Доббинъ принялъ чрезвычайно веселый и беззаботный видъ, служившій неопровержимымъ доказательствомъ, что этотъ юный герой исподоволь пріучилъ себя къ отъявленному лицемѣрью, непроницаемому для самыхъ прозорливыхъ очей. Ему нужно было нѣкоторымъ образомъ подавить свои собственныя ощущенія при первомъ взглядѣ на мистриссъ Джорджъ Осборнъ въ ея новомъ быту; и потомъ нахлобучить маску на впечатлѣнія, которыя, вѣроятно, будутъ произведены на ея чувствительную душу печальной вѣстью о войнѣ.

— Я думаю, Джорджъ, сказалъ онъ, что Бонапартъ, не дальше какъ недѣли черезъ три, напуститъ на насъ всю свою конницу и пѣхоту, и задастъ Веллингтону такую пляску, отъ которой, пожалуй, завертится голова. Но всего этого, разумѣется, отнюдь не должна знать мистриссъ Джорджъ Осборнъ — ты понимаешь? Легко станется, что мы вовсе не будемъ въ дѣлѣ, и тогда бельгійскій походъ самъ собою превратится въ

военную прогулку. Многие такъ думаютъ. Въ Брюссель, говорятъ, сосредоточень теперь высшій европейскій кругъ, и красавицамъ числа нѣтъ.

Въ такомъ розовомъ свѣтѣ пріатели рѣшились представить Амеліи будущія обязанности британской арміи въ этомъ невинномъ походѣ.

Устроивъ этотъ планъ хитрый Доббинъ салютоваль мистриссъ Джорджъ Осборнъ удивительно веселымъ тономъ, и сказалъ ей два или три комплимента на счетъ ея интереснаго положенія въ качествѣ юной супруги, причемъ должно замѣтить, что комплименты этого рода, въ устахъ молодаго воина, были совершенно неуклюжи и пошлы. Затѣмъ капитанъ Доббинъ, дѣлая крутой поворотъ, пустился въ безконечные рассказы о Брайтонѣ и цѣлительныхъ свойствахъ морскаго воздуха, о веселыхъ окрестностяхъ и купальняхъ; о пріятной ѣздѣ по гладкому шоссе и удивительномъ проворствѣ «Молніи», снабженной быстроногими конями, и прочая, и прочая, и прочая. Амелія слушала обоими ушами и ничего не понимала; но всѣ эти рассказы доставляли необыкновенное удовольствіе Реббекѣ, которая наблюдала капитана своими обоими глазами, такъ-какъ она имѣла привычку наблюдать всѣхъ и cadaго, кто приходилъ въ ближайшее соприкосновение съ ея особой.

Справедливость требуетъ признаться, что Амелія составила себѣ довольно низкое понятіе объ этомъ капитанѣ Доббинѣ, пріятелѣ своего супруга. Онъ картавилъ, былъ че-

резь-чурь мужиковать, неловокъ и неуклюжь. Она любила его за привязанность къ ея мужу (еще бы онъ не былъ привязанъ!), и считала необыкновеннымъ великодушіемъ со стороны Джорджа, что онъ удостоиваетъ дружескимъ вниманіемъ такого, совершенно неинтереснаго и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, противнаго кавалера. Джорджъ въ свою очередь мастерски передразнивалъ Доббина, и смѣялся надъ его странными манерами, хотя, должно замѣтить къ его чести, онъ всегда дѣлалъ самые высокіе отзывы о прекраснѣйшихъ достоинствахъ своего друга. Въ немногіе дни своего торжества, не имѣя случаевъ узнать его покороче, Амелія не обращала никакого вниманія на честнаго Вильяма, и пропускала мимо ушей всѣ его слова. Доббинъ отлично зналъ, какъ она думаетъ о немъ, и былъ, въ простотѣ сердца, совершенно доволенъ ея незатѣйливыми мнѣніями о себѣ. Впослѣдствіи она узнала его лучше и перемѣнила свои мысли; но до той поры слишкомъ много утекло воды.

Ребекка, совсѣмъ другое дѣло. Не прошло и двухъ часовъ, какъ она уже постигла въ совершенствѣ его задушевную тайну. Ребекка не любила капитана, боялась его, и отнюдь нельзя сказать, чтобы капитанъ въ свою очередь былъ слѣшкомъ расположенъ въ пользу мистриссъ Ребекки Кроли. Онъ такъ былъ безыскусственъ, простъ и честенъ, что всѣ ея хитрости и уловки не производили на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, и онъ уклонялся отъ нея съ инстинктивнымъ отращеніемъ. Въ настоящемъ случаѣ Ребекка даже ненавидѣ-

ла капитана за его нѣжную преданность къ мистриссъ Джорджъ, такъ-какъ она была не выше своего пола въ отношеніи къ чувству ревности и самолюбія. При всемъ томъ, она обходилась съ нимъ почтительно, радушно и старалась быть предупредительною. Другъ Осборновъ! другъ ея незабвенныхъ благодѣтелей! Ребекка увѣряла торжественно, что она всегда будетъ любить его искренно, душевно; она припоминала съ благодарностью, какую услугу оказалъ онъ имъ въ воксалѣ, и немного позабавилась надъ нимъ, когда онъ и Амелія пошли переодѣваться къ обѣду.

Родонъ Кроли едва замѣчалъ присутствіе новаго лица, и считалъ капитана Доббина добродушнымъ простакомъ изъ мѣщанскаго круга, гдѣ онъ родился и выросъ. Блистательный Джозъ пользовался своимъ покровительствомъ Доббину съ большимъ достоинствомъ, и вовсе не думалъ скрывать, что смотреть на него свысока.

Когда два закадышные друга остались наединѣ въ комнатѣ Доббина, куда Джорджъ послѣдовалъ за нимъ, Доббинъ вынулъ изъ конторки письмо, которое, по порученію мистера Осборна, онъ долженъ былъ вручить сыну.

— Это почеркъ не моего отца, сказалъ Джорджъ, съ безпокойствомъ разсматривая адресъ.

И точно: это былъ не его почеркъ. Письмо написано было стряпчимъ мистера Осборна-старшаго, и содержаніе его было слѣдующее:

«Изъ Бедфордскаго ряда въ Сити,

Мая 7, 1815.

«Милостивый государь,

«Имѣю честь, по порученію мистера Осборна, извѣстить васъ, что мистеръ Осборнъ остается при томъ рѣшеніи, которое уже онъ объявилъ вамъ лично, и теперь, вслѣдствіе супружества, которое вамъ благоугодно было заключить, онъ, отнынѣ и навсегда, перестанетъ считать васъ членомъ своего семейства. Таковое рѣшеніе неизмѣнно и непреложно.

«Хотя денежные суммы, израсходованныя на ваше воспитаніе при малолѣтствѣ, равно какъ забранныя вами въ послѣдніе годы на удовлетвореніе вашихъ неумѣренныхъ потребностей, далеко въ общемъ итогѣ превышаютъ сумму, на которую вы имѣете право, какъ законный наслѣдникъ третьей части имѣнія вашей матушки, покойной мистриссъ Осборнъ (завѣщаніе ея простирается, какъ на васъ, такъ равномерно на миссъ Дженни Осборнъ и на миссъ Марію Франческу Осборнъ), однакожь мистеръ Осборнъ уполномочиваетъ меня объявить вамъ, милостивый государь, что онъ отказывается отъ всякихъ пріязаній на ваше наслѣдство, которое, прирастая ежегодно четырьмя процентами, возрасло по сію пору до суммы двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ британскою монетою (это будетъ третья, собственно ваша доля, выдѣлеинная изъ полныхъ 6,000 ф.). Сію сумму, вы, или вашъ уполномоченный подъ вашу росписку, можете, когда вамъ будетъ благоугодно, получить отъ

«Вашего покорнѣйшаго слуги

«С. Гиггса.

«Р. S. – Мистеръ Осборнъ желаетъ черезъ меня, разъ навсегда, объявить вамъ, что онъ отказывается отъ всякихъ писемъ, посольствъ, порученій и переговоровъ съ вашей стороны какъ по этому, такъ равномернѣно и по всѣмъ другимъ дѣламъ.»

– Нечего сказать, удружилъ ты мнѣ! воскликнулъ Джорджъ, бросивъ дикій взглядъ на простодушнаго Вильяма.

– Что тебѣ пишутъ? съ безпокойствомъ спросилъ мистеръ Доббинъ.

– На, вотъ, читай на здоровье, если хочешь, сказала мистеръ Джорджъ. Нищій, что теперь станешь дѣлать? Пропадай ни за что, ни про что. И почему бы не подождать до поры до времени? Вотъ какъ пуля прохватитъ меня на этой войнѣ, такъ и поминай, какъ звали. Что, спрашивается, выиграетъ Амелія, если останется нищей вдовой? А все это твое дѣло, любезный другъ. Что я стану дѣлать съ эттій двумя тысячами фунтовъ? Вѣдь этого теперь не хватитъ и на два года. Я проигралъ въ карты и на бильярдѣ сто-сорокъ фунтовъ капитану Кроли съ той поры, какъ я здѣсь. Сослужилъ ты службу, нечего сказать, вѣкъ не забуду!

– Да, положеніе затруднительное, отвѣчалъ мистеръ Доббинъ, внимательно прочитавъ роковое посланіе, привезенное имъ своему другу, и, какъ ты говоришь, я самъ отчасти устроилъ это дѣло. Однакожь, я думаю, найдутся люди, которые бы охотно помѣнялись съ тобой, прибавилъ онъ съ горь-

кою улыбкой, — сколько, думаешь ты, найдется у насъ капитановъ, у которыхъ впереди перспектива въ двѣ тысячи фунтовъ? Ты долженъ жить своимъ жалованьемъ, прежде чѣмъ помиришься съ отцомъ, и если, сверхъ чаянія, ты умрешь, у вдовы твоей останется сотня фунтовъ ежегоднаго дохода.

— Какой вздоръ! Неужели ты серьезно думаешь, что человѣкъ съ моими привычками можетъ существовать однимъ жалованьемъ и этою сотнею фунтовъ? вскричалъ Джорджъ съ великимъ гнѣвомъ. Глупецъ только можетъ рассуждать этакъ на твоёмъ мѣстѣ. Какъ мнѣ поддержать свое положеніе въ свѣтѣ съ этими ничтожными деньжонками? Не перемѣнять же мнѣ своего образа жизни. У меня долженъ быть комфортъ, безъ котораго не можетъ обойтись порядочный человѣкъ. Я воспитанъ не на размазнѣ, какъ Макъ-Уиртеръ, и не на картофелѣ, какъ этотъ старикъ Одаудъ. Прачкой, что ли, по твоему, я долженъ сдѣлать свою жену, или заставить ее тащиться за полкомъ въ обозной фурѣ? Нѣтъ, слуга покорный.

— Ну, полно, полно, мой другъ, сказалъ кептенъ Доббинъ, — найдутся авось получше экипажи для мистриссъ Осборнъ. Главное — будь спокоенъ, и не теряй присутствія духа; это, разумѣется, временная буря на горизонтѣ твоей жизни. Дождь пройдетъ, тучи разойдутся, и опять проглянетъ солнце. Стоитъ только отцу твоему прочитать твое имя въ газетѣ, и онъ съ радостью пришлетъ тебѣ свое родительское благословеніе въ банковыхъ билетахъ.

– Въ газетѣ! – наладилъ одно и то же! возразилъ Джорджъ. А въ какой части газеты, позволь тебя спросить? Между убитыми или ранеными? Очень немудрено, что въ числѣ убитыхъ офицеровъ, первымъ будетъ стоять имя Джорджа Осборна.

– Фи, Джорджъ, какъ не стыдно! расплакаться успеешь, когда ушибешься, сказалъ мистеръ Доббинъ, заранѣе горевать нечего. Ну, если что случится, такъ я человѣкъ холостой и не бѣдный; само-собою разумѣется, я не забуду въ завѣщаніи своего крестника, прибавилъ онъ съ добродушной улыбкой.

Разговоръ между двумя закадышными друзьями, теперь, какъ и всегда, кончился миролюбиво. Джорджъ простилъ Вильяму всѣ его оскорбленія, и великодушно объявилъ, что не будетъ сердиться.

– Послушай, Бекки! закричалъ Родонъ Кроли изъ кабинета своей женѣ, одѣвавшейся къ обѣду въ своемъ будуарѣ.

– Что? откликнулся пронзительный голосъ Бекки. Она смотрѣла на себя въ зеркало черезъ плечо, любуясь своимъ бѣлымъ кисейнымъ платьицемъ, только-что принесеннымъ отъ модистки. Роскошный кушакъ небеснаго цвѣта, маленькое ожерелье и чудныя нагія плечи дѣлали ее совершеннѣйшимъ олицетвореніемъ невинности, молодости, красоты и дѣвственнаго счастья.

– Послушай, Бекки, что станетъ дѣлать мистриссъ Осборнъ, когда мужъ ея уйдетъ въ походъ съ своимъ полкомъ? ска-

заль Кроли при входѣ въ будуарь, полируя щеткой свой волосы, и съ наслажденіемъ разсматривая свою прелестную супругу.

– Я полагаю, что она заплачетъ всѣ свои глаза, отвѣчала Бекки. Она у насъ и безъ того хныкала разъ двадцать, когда мы вдвоемъ заводили рѣчь объ этомъ походѣ.

– А тебѣ, вѣдь, я думаю, все-равно, сказалъ Родонъ полусердитымъ тономъ, упрекая супругу въ недостатокъ нѣжнаго чувства.

– Неблагодарный! Развѣ ты не знаешь, что я ѣду вмѣстѣ съ тобой? отвѣчала Ребекка. Ктому жъ мы совсѣмъ другая статья. Ты будешь адъютантомъ генерала Тюфто, и, стало быть, мы не принадлежнъ къ дѣйствующему отряду, заключила мистриссъ Кроли, забрасывая свою головку съ такимъ граціознымъ видомъ, что очарованный супругъ нагнулся и поцаловаль ее нѣсколько разъ.

– Родонъ, душа моя, не лучше ли – какъ ты думаешь? не лучше ли тебѣ взять эти деньги у Купидона прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ?

Бекки называла Купидономъ Джорджа Осборна. Ей уже приходилось нѣсколько разъ дѣлать ему самые лестные комплименты насчетъ его усовъ и бакенбардъ, и особенно она была ласкова къ нему въ тотъ вечеръ, когда онъ забѣжалъ къ Родону поиграть въ экарте за полчаса передъ ужиномъ.

Но случалось, довольно чаето, Ребекка называла его неисправимымъ кутилой, и грозилаь рассказать подробно ма-

лютокъ Эмми, какія ужасныя привычки у ея мужа. Она подавала ему и раскуривала сигары, рассчитывая на особенный эффектъ этого маневра, испытаннаго въ минувшіе дни надъ сердцемъ Родона Кроли. Въ короткое время мистеръ Джорджъ составилъ о ней самое высокое мнѣніе, и она была въ его глазахъ идеаломъ свѣтской дамы, умной, образованной, веселой, предупредительной, любезной. На гуляньяхъ, выѣздахъ и маленькихъ обѣдахъ, мистриссъ Бекки совершенно затмѣвала бѣдную Эмми, которая почти всегда была безмолвна и робка, между-тѣмъ какъ мистриссъ Кроли и супругъ ея рисовались на первомъ планѣ, весело разсуждая о многихъ интересныхъ предметахъ. Капитанъ Доббинъ и мистеръ Джозъ, при такихъ бесѣдахъ, обыкновенно хранили глубокомысленное молчаніе.

Сердце бѣдной Эмми уже начинало по временамъ бить довольно сильную тревогу. Остроуміе Ребекки, ея необыкновенная веселость и блистательные таланты наполняли ея душу мрачнымъ беапокойствомъ. Прошла только недѣля послѣ ихъ свадьбы, и вотъ уже Джорджъ терпитъ скуку въ присутствіи своей жены, и усердно ищетъ общества другихъ. Что же будетъ впереди? Амелія трепетала, задавая себѣ этотъ вопросъ.

– Мнѣ ли быть подругой его жизни? думала бѣдняжка, оставаясь наединѣ сама съ собою, – онъ такъ уменъ, блистателенъ, прекрасенъ, а я... что я значу передъ нимъ? Гдѣ найти людей великодушнѣе Джорджа? Моимъ непремѣн-

нымъ долгомъ было отказаться отъ его самопожертвованія... но у меня не достало духа. Мнѣ бы слѣдовало навсегда остаться въ родительскомъ домѣ на «Аделаидиныхъ виллахъ», и заботиться о бѣдномъ папа.

И въ первый разъ теперь припомнила она о забвеніи своихъ обязанностей въ отношеніи къ покинутымъ родителямъ, и сердце бѣдной женщины переполнилось невыразимой тоской. Безпокойная совѣсть ея придумала множество обвиненій, которыхъ не могъ опровергнуть ея разумъ,

– О, да! я заботилась въ ту пору только о самой себѣ, и грубый эгоизмъ былъ единственнымъ источникомъ всѣхъ моихъ дѣйствій, думала мистриссъ Эмми. изъ эгоизма забыла я печаль своихъ родителей, изъ эгоизма заставила Джорджа жениться на себѣ. Очень ясно, что я недостойна его, и, нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ бы счастливъ безъ меня. Но я вѣдь и хотѣла отказаться... духу не доставало... характера не было.

Не хорошо, mesdames, даже очень нехорошо, если такія признанія и мысли могутъ приходить вамъ въ голову, не дальше какъ черезъ недѣлю послѣ свадьбы. Но Амелія бытъ-можетъ – исключеніе между вами, и, слѣдовательно, вы позволите мнѣ нѣсколько подробнѣе распространиться объ этомъ предметѣ.

Это случилось наканунѣ того дня, какъ мистеръ Доббинъ соединился съ своими друзьями. Была блистательная майская ночь, и луна, какъ водится, сіяла превосходно на безоблачномъ небѣ. Было такъ тепло, и воздухъ благоухалъ та-

кими ароматами, что друзья наши въ корабельной гостинницѣ отворили окна. Джорджъ и мистриссъ Кроли стояли на балконѣ и, проникнутые поэтическимъ восторгомъ, любовались на тихій океанъ, сіявшій передъ ними, между-тѣмъ какъ Родомъ и Джозъ, среди комнаты, поигрывали въ пикетъ за ломбернымъ столомъ. Амелія, всѣми оставленная и забытая, полулежала въ своихъ креслахъ и наблюдала юную чету на балконѣ, чувствуя при этомъ отчаяніе въ душѣ и угрызеніе въ своемъ нѣжномъ сердцѣ. Едва прошла недѣля, и вотъ ужъ до чего дошло! Будущее – если бы только она посмотрѣла на него прозорливыми глазами представляло самую печальную перспективу. Но Амелія не приподнимала завѣсы будущаго, потому-что она была слишкомъ робка, и рѣшительно неспособна плыть одна, безъ покровителя и проводника, по этому безбрежному морю жизни. *Духу у ней недоставало... характера не было.* Что прикажете дѣлать? Я знаю, вы, миссъ Смитъ имѣете весьма низкое мнѣніе о моей героинѣ; но многія ли женскія души, позвольте спросить, снабжены такими блистательными талантами и такою крѣпостію духа, какъ вы, милостивая государыня?

– Какая славная ночь, и какъ ярко сіяетъ луна! сказала Джорджъ, покуривая сигару, и выпуская дымъ, который чудными змѣйками париль къ облакамъ.

– Какъ хорошо, я думаю, курить сигару на открытомъ воздухѣ! Я обожаю сигарный запахъ. Кто бы могъ подумать, что луна отстоитъ на двѣсти-тридцать-шесть тысячъ восе-

мь-сотъ-сорокъ семь миль отъ земли? сказала Ребекка, по-сматривая съ улыбкой на эту невинную спутницу нашей планеты. Не странно ли, что я помню эти вещи? Fi donc! Мы не напрасно учились въ Академіи миссъ Пиикертонъ! Какъ спокойно море, и какъ ясно все, на что ни посмотришь! Объявляю, что я могу почти видѣть отсюда берегъ Франціи.

И зеленые глазки мистриссъ Бекки засверкали искрометнымъ блескомъ, какъ-будто мракъ ночи для нихъ не существовалъ.

— Знаете ли вы, что я намѣрена сдѣлать въ одно прекрасное утро? спросила она послѣ короткой паузы.

Джорджъ не зналъ.

— Вотъ что, продолжала мистриссъ Бекки, — я плаваю чудесно, должно вамъ замѣтить, и поэтому, когда компаньонка тетушки Кроли, старуха Бриггсъ — вы ее знаете, вы помните, у ней крючковатый носъ и длинные клочки волосъ на головѣ — когда Бриггсъ пойдетъ купаться, я намѣрена поднырнуть подъ ея купальню, и принудить ее помириться со мной въ водѣ. Чудесная стратагема, не правда ли?

Джорджъ разразился самымъ веселымъ смѣхомъ при этой остроумной и оригинальной мысли о водяной встрѣчѣ.

— Что вы тамъ заливааетесь, веселыя головушки? заголосилъ Родонъ, покрывая карту.

Амелія весьма некстати почувствовала приближеніе истерическаго припадка, и удалилась въ свою комнату поплакать наединѣ!

Нашей исторіи суждено въ этой главѣ вертеться взадъ и впередъ, и бродить впотьмахъ, повидимому, нерѣшительными шагами. Мы окончили благополучно поэтическій вечеръ и добрались до завтрашняго дня, по немного погода, случай опять отодвинетъ насъ назадъ, такъ что читатель узнаетъ всю эту повѣсть не иначе, какъ въ свое опредѣленное время. Но этотъ безпорядокъ, смѣю васъ увѣрить, есть только мнимый, кажущійся, такой притомъ, какой вы встрѣчаете сплошь да рядомъ, на обширномъ рынкѣ житейскихъ тревоженій. Случалось ли вамъ быть въ передней у секретаря государственнаго казначейства? Я бывалъ. Дюжины просителей, съ кроткимъ смиреніемъ, дожидаются своей аудіенціи, и вызываются по очереди одинъ за другимъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ какой-нибудь, примѣромъ сказать, членъ ирландскаго парламента, — двери отворяются, и онъ, раздвигая толпу, летитъ безъ очереди въ кабинетъ секретаря. Такъ это бываетъ, и такъ должно быть, вы это знаете. Романистъ тоже обязанъ, въ своемъ литературномъ произведеніи, подчиняться такому же порядку. Все мы выслушаемъ, и все увидимъ, но маленькія происшествія должны посторониться, чтобы пропустить напередъ великія событія на нашемъ Базарѣ. Нечего и говорить, что извѣстіе, принесенное Доббиномъ въ Брайтонъ, извѣстіе о походѣ британской арміи и гвардіи въ Бельгію, гдѣ всѣ союзныя войска должны сгруппироваться подъ верховной командой его свѣтлости герцога Веллингтона, такое извѣстіе стоитъ выше всѣхъ мелкихъ при-

ключеній, описываемыхъ нами въ этой исторической книгѣ. Отсюда, собственно говоря, и вышелъ этотъ маленькій безпорядокъ, легко извиняемый всѣми благомыслящими читателями, которыхъ наконецъ довели мы, въ этой главѣ, до свиданія нашихъ героевъ съ мистеромъ Доббиномъ, пріѣхавшимъ въ Брайтонъ на имперіалъ дилижанса.

Итакъ – всѣ дѣйствующія лица переодѣваются къ обѣду. Джорджъ охорашивался передъ зеркаломъ, подтягивая свой галстухъ, и это обстоятельство было причиною, что онъ не слишкомъ торопился сообщить своей Амеліи роковыя вѣсти, полученныя изъ Лондона. Однакожь, окончивъ свой туалетъ, онъ вошелъ въ комнату юной супруги, держа въ рукѣ дѣловое письмо съ такимъ мрачнымъ, важнымъ и торжественнымъ видомъ, что Амелія мигомъ сообразила и постигала всю опасность какой-то неизвѣстной бѣды грозившей ея супругу. Быстро она подбѣжала къ Джорджу, и заклинала его всѣмъ священнымъ рассказать ей все; все; все!

– Походъ объявленъ?.. Сраженіе на будущей недѣлѣ?.. Тебя убьютъ, убьютъ, мой милый!..

Но милый Джорджъ, щадя чувствительность жены, уклонился отъ всякихъ разспросовъ насчетъ службы за границей. Онъ меланхолически покачалъ головою и трагически произнесъ:

– Нѣтъ? Эмми, нѣтъ; ты не угадала, мой ангель. Не о себѣ – вовсе нѣтъ – а о тебѣ, мой другъ, я безпокоюсь въ настоящую минуту. Я получилъ дурныя вѣсти отъ своего отца.

Онъ отказывается отъ всякихъ переговоровъ со мною; онъ не признаетъ насъ своими дѣтьми и лишаетъ наслѣдства. Мы оставлены безъ всякихъ средствъ къ приличному существованію. Для меня это еще немного значить; но что станется съ тобой, мой ангель? На, читай.

И онъ подалъ ей письмо.

Всѣ эти великодушныя сентенціи благороднаго героя, Амелія, затаивъ дыханіе въ своей груди, выслушала съ напряженнымъ вниманіемъ, и потомъ усѣлась на поетель, чтобы прослѣдить документъ, поданный ей съ такимъ торжественно-мученическимъ видомъ. Но, сверхъ всякаго ожиданія, лицо ея прояснилось, когда она дочитала до конца роковое письмо. Мысль раздѣлять бѣдность и всякія лишенія съ обожаемымъ предметомъ не можетъ, ни въ какомъ случаѣ, поразить безпокойствомъ сердце любящей жены. Тутъ даже есть поэзія своего рода, восхитительная для женской души, и Амелія нѣкоторымъ образомъ была рада при взглядѣ на перспективу нищеты. Потомъ, какъ водится, ей сдѣлалось стыдно за свое эгоистическое чувство въ такую неприличную минуту, и она, удерживая порывы внутренняго удовольствія, проговорила голосомъ довольно трогательнымъ и печальнымъ:

— О, Джорджъ, милый Джорджъ! Твое бѣдное сердце должно обливаться кровью при мысли о такой разлукѣ съ своимъ папа.

— Оно и обливается! сказалъ Джорджъ, придавая своей

фізіономіи чрезвычайно кислу ю мину.

— Но гнѣвъ его не будетъ продолжителенъ, мой другъ, продолжала Эмми. Можно ли на тебя сердиться кому бы то ни было, и особенно отцу? Онъ простить тебя, мой милый, великодушный супругъ. О, я никогда не прощу себя, если ты не помиришься съ отцомъ.

— Но меня терзаетъ мысль о твоємъ несчастіи, моя бѣдная Эмми, сказала Джорджъ, о себѣ самомъ я не беспокоюсь. У меня достанетъ твердости переносить бѣдность, и притомъ скажу безъ хвастовства, у меня есть таланты, чтобы проложить свою дорогу.

— И проложишь, мой милый, непременно проложишь, подхватила любящая жена въ твердомъ и несомнѣнномъ убѣжденіи, что супругъ ея, по окончаніи кампаніи, непременно будетъ генераломъ.

— Да, устрою свою каррьеру, такъ или иначе, продолжалъ Джорджъ Осборнъ, но что будетъ съ тобою, мой другъ? Какъ мнѣ сродниться съ мыслью, что жена моя терпитъ всякія лишенія, отказываясь отъ удовольствій, на которыя она имѣетъ неоспоризное право по своему положенію въ свѣтѣ? Жена моя слѣдуетъ за полкомъ въ обозной фурѣ! Терпитъ всякія лишенія и безпокойства! Вотъ что тревожитъ меня, мой ангель!

— Только-то! воскликнула мистриссъ Эмми, обрадованная тѣмъ, что узнала, наконецъ, истинную причину безпокойства своего супруга. И взглянувъ на него съ радушно сіяющимъ

лицомъ, она принялась напѣвать свою любимую балладу, въ которой героиня, побранивъ за невниманіе своего Томми, объщается «починивать его одежду и готовить для него гоголь-моголь», если только онъ будетъ постоянно добръ и вѣренъ, и никогда не покинетъ ея. Ктому же, сказала Эмми послѣ короткой паузы, въ продолженіе которой она была, казалось, совершенно довольна и счастлива, ктому же, развѣ двухъ тысячъ фунтовъ мало для насъ, Джорджъ? Вѣдь это большія деньги.

Джорджъ засмѣялся при этомъ наивномъ простодушіи, и они пошли обѣдать. Держа за руку своего Джорджа, Амелія продолжала напѣвать свою веселую балладу, обнаруживая при этомъ удивительную живость, какой совсѣмъ не замѣчали въ ней въ прошедшіе дни.

За обѣдомъ всѣ веселились на пропалую, какъ-будто дѣла вдругъ приняли самый благопріятный оборотъ. Вѣсть о наступающей кампаніи противодѣйствовала въ душѣ Джорджа тревожнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ потерей родительскаго наслѣдства. Доббинъ постоянно выдерживалъ свой шумный характеръ. Онъ забавлялъ джентльменовъ и леди веселыми рассказами о бельгійской арміи, для которой, по его словамъ, наступали безконечные праздники и удовольствія среди свѣтской молодежи. Затѣмъ, имѣя особенную цѣль въ виду, этотъ хитрый воинъ принялся описывать гардеробъ мистриссъ майорши Одаудъ, повѣствуя забавнымъ тономъ, какъ она будетъ укладывать свой знамени-

тый тюрбанъ съ райской птичкой въ жестяную коробочку, гдѣ хранился шляпа ея супруга.

— Интересно знать, заключилъ повѣствователь, какой эффектъ будетъ произведенъ этимъ тюрбаномъ на придворныхъ праздникахъ въ Гентѣ, или на военныхъ балахъ въ Брюсселѣ?

— Въ Гентѣ! Въ Брюсселѣ! вскричала Амелія, вдругъ поблѣднѣвъ, какъ полотно. Развѣ полкъ твой выступаетъ, Джорджъ? развѣ ужь отданъ приказъ?

Страхъ и ужась оковали ея языкъ, и она, по инстинкту, прижалась къ своему Джорджу.

— Не бойся, моя милая, сказалъ Джорджъ успокоительнымъ тономъ, весь переходъ будетъ продолжаться не больше двѣнадцати часовъ. Это не повредитъ твоему здоровью. Вѣдь ты поѣдешь со мной, Эмми?

— Я поѣду, подхватила Бекки. Мы принадлежимъ къ главному штабу. Генераль Тюфто неутомимо волочитя за мной. Такъ ли, Родонъ?

Родонъ разразился, по обыкновенію, своимъ ревушимъ хохотомъ, но эта выходка ошеломла невиннаго Вилльяма до того, что онъ вдругъ присмирѣлъ и раскраснѣлся до ушей.

— Она не поѣдетъ, сказалъ онъ, неможесть ѣхать. Подумай, Джорджъ...

Подумай объ опаености, хотѣлъ онъ прибавить; но не онъ ли первый, въ продолженіе всего обѣда, доказывалъ изо всѣхъ силъ, что нѣтъ здѣсь и тѣни опасности? Доббинъ смѣ-

шался, сбился и замолчалъ.

– Я должна ѣхать, и непременно поѣду, сказала Амелія съ величайшею живостью.

И мистеръ Джорджъ, ободряя рѣшимость своей Эмми, погладилъ ее по головкѣ, спрашивая въ то же время присутствующихъ особъ, гдѣ они видали такую храбрую жену?

– Да, мой другъ, ты поѣдешь, сказалъ онъ. Мы поручимъ тебя покровительству мистриссъ Одаудъ.

Но к чему ей чужое покровительство, когда сулругъ будетъ подлѣ нея? Такимъ образомъ горечь разлуки была отстранена. Впереди рисовалась, правда, грозная перспектива, но еще во всякомъ случаѣ пройдетъ довольно времени, прежде чѣмъ наступитъ война и опасность. Амелія была счастлива, по крайней мѣрѣ на неопредѣленное время. Мистеръ Доббинъ тоже понемногу успокоился, и даже чувствовалъ нѣкоторую усладу въ своемъ сердцѣ. Видѣть мистриссъ Эмми гдѣ бы и какъ бы то ни было – вотъ что становилось теперь единственной отрадой его жизни, и онъ думалъ въ глубинѣ своей души, какъ онъ будетъ покровительствовать и защищать ее отъ всѣхъ напастей.

«Я бы ни за что не согласился подвергнуть ее всѣмъ этимъ опасностямъ, еслибы самъ былъ женатъ на ней, думалъ мистеръ Доббинъ, но Джорджъ тутъ воленъ дѣлать, что ему угодно, и я не въ правѣ вмѣшиваться въ его дѣла.»

Обхвативъ рукою станъ своей подруги, Ребекка, наконецъ, вывела Амелію изъ-за стола, тдѣ рѣшены были такіе важ-

ные вопросы, и оставила джентльменовъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа за бутылкою вина,

Вечеромъ въ тотъ же день, когда двѣ юныя четы опять соединились вмѣстѣ, Родонъ получилъ секретную записочку отъ своей супруги, и хотя онъ тутъ же скомкалъ ее и сжегъ на свѣчѣ, однакожь мы ухитрились, черезъ плечо Ребекки, прочесть слѣдующія строки:

«Важная новость», писала она. «Мистриссъ Бьютъ уѣхала. Постарайся выманить сегодня свои деньги у Купидона, такъ-какъ они завтра, вѣроятно, уѣдутъ. Не забудь. — Р.»

На этомъ основаніи, спустя нѣсколько минутъ, Родонъ Кролй прикоснулся къ плечу мистера Осборна, отвелъ его въ сторонку, и сказалъ съ граціозной улыбкой:

— Послушай, другъ, я хочу тебя побезпокоить начетъ этой бездѣльной суммы, если только тебѣ удобно.

Было вовсе неудобно; однакожь мистеръ Джорджъ вынулъ бумажникъ изъ своего кармана, и вручилъ любезному другу нѣсколько банковыхъ билетовъ съ векселемъ на своего городского повѣреннаго, отъ котораго Родонъ могъ получить остальную сумму въ концѣ недѣли.

Покончивъ это дѣло, Джорджъ, Джозъ и Доббинъ держали за своими сигарами военный совѣтъ, и рѣшили, наконецъ, общимъ голосомъ, что завтра должно быть сдѣлано наступательное движеніе на Лондонъ въ открытой колесницѣ мистера Джоза. Такое рѣшеніе послѣдовало не вдругъ: Джозъ дол-

го оставался при томъ мнѣніи, что изъ Брайтона выѣзжать не слѣдуетъ прежде Родона Кроли; но Доббинъ и Джорджъ уговарили его мало-по-малу, представивъ неотразимыя доказательства въ пользу противоположнаго мнѣнія. Джорджъ согласился везти ихъ въ городъ, и для этой цѣли, чтобъ поддержать свое достоинство, заказалъ четверку лошадей, на которыхъ они и отправившись послѣ завтрака на другой день. Утромъ въ этотъ день Амелія встала очень рано, и принялась, съ величайшимъ проворствомъ, укладывать свои маленькіе ящики и картонки, между-тѣмъ какъ Осборнъ лежалъ въ постели, горько жалуясь на судьбу, не позволявшую ему нанять горничную для своей жены. Но Амелія была очень рада; что можетъ сама исполнять эту хозяйственную должность. Безпокойное чувство относительно Ребекки уже наполняло ея душу, и хотя обѣ леди, на разставаньи, поцаловались очень нѣжно, однакожь мы очень хорошо знаемъ, что такое ревность, и понимаемъ, что мистриссъ Эмми владѣла этою добродѣтелью наравнѣ съ другими совершенствами, украшающими женскій полъ.

* * *

Необходимо теперь припомнить, что, кромѣ всѣхъ этихъ особъ, есть у насъ въ Брайтонѣ еще добрые друзья въ особѣ миссъ Матильды Кроли и блестящей ея свиты. Но хотя Ребекка и ея супругъ находились только въ нѣсколькихъ ша-

гахъ отъ жилища больной тетки, дверь старой леди была заперта для нихъ точно такъ же, какъ въ Лондонѣ на Парк-Ленѣ. Бодрствуя денно и ночью подлѣ своей золовки, мистриссъ Бьютъ Кроли, въ продолженіе всего своего пребыванія въ Брайтонѣ, принимала всѣ возможныя мѣры, чтобы встрѣча съ безсовѣстнымъ племянникомъ не потревожила ея возлюбленную Матильду. Всякій разъ какъ старушка выѣзжала на гулянье, мистриссъ Бьютъ сидѣла въ каретѣ подлѣ нея. Когда ее выносили на морской берегъ въ паланкинѣ, мистриссъ Бьютъ маршировала по одну сторону носилокъ, тогда-какъ честная миссъ Бриггсъ защищала другое крыло. При всемъ томъ; имъ нерѣдко, на этихъ прогулкахъ, приходилось встрѣчаться съ Родономъ и его женой; но хоть Родонъ постоянно снималъ шляпу и раскланивался, свита его тетки проходила мимо съ такимъ холоднымъ и убійственнымъ равнодушіемъ, что несчастный племянникъ приходилъ въ отчаяніе.

— Что тутъ станешь дѣлать? Вѣдь этакъ все-равно мы могли бы жить и въ Лондонѣ, говорилъ Родонъ Кроли съ отчаяннымъ видомъ.

— Нѣтъ, мой милый, лучше наслаждаться жизнью въ брайтонской гостинницѣ, чѣмъ прозябать въ долговой тюрьмѣ на Чансери-Ленѣ, отвѣчала его жсна шутливымъ и беззаботнымъ тономъ. Подумай объ этихъ двухъ адъютантахъ мистера Мозеса, полицейскаго комиссара, которые сторожили нашу квартиру, на прошлой недѣлѣ. Здѣшніе друзья наши изъ

рукъ вонъ глупы, это правда, но все же, мистеръ Джозъ и кептенъ Купидонъ – лучшіе собесѣдники, чѣмъ пріятели мистера Мозеса.

– Еще хорошо, что кредиторы не погнались за мной сюда, продолжалъ Родонъ, все еще тревожимый безпокойными мыслями.

– Вздоръ, мой другъ, кредиторовъ мы всегда спровадимъ, отвѣчала неустрашимая Ребекка, и тутъ же представляла своему супругу значительныя выгоды отъ встрѣчи съ Джозомъ и Осборномъ. Мы уже знаемъ, что эти господа набили пустой карманъ Родона наличною мопетой.

– Но вѣдь этого едва хватитъ на расплату съ содержателемъ гостинницы, пробормоталъ Родонъ.

– А зачѣмъ намъ расплачиваться? подхватила находчивая леди, у которой всегда былъ готовъ отвѣтъ на всякій вопросъ.

Каммердинеръ мистера Родона стоялъ на дружеской ногѣ съ нѣкоторыми лицами изъ свиты миссъ Матильды Кроли, и ему поручено было угощать ея кучера всякій разъ, какъ они встрѣтятся на улщѣ передъ трактиромъ. Ктому же, по пріѣздѣ въ Брайтонъ, Ребекка къ счастью припомнила, что у ней бываютъ повременамъ мигрени, и на этомъ основаніи она посылала за лекаретвами къ тому же самому аптекарю, который постоянно снабжалъ медикаментами миссъ Кроли. Благодаря всѣмъ этимъ распоряженіямъ, юные супруги знали почти каждый шагъ тетушки Матильды. Притомъ и мис-

съ Бриггсъ, несмотря на враждебную позицію, вынужденную обстоятельствами, питала втайнѣ дружественныя чувства къ Родону и его супругѣ. Характеръ миссъ Бриггсъ былъ очень мягокъ и склоненъ къ прощенію обидъ. Такъ-какъ, съ замужествомъ Ребекки, причина ревности уничтожалась сама собою, миссъ Бриггсъ перестала ненавидѣть бывшую компаньонку, и съ удовольствіемъ припоминала ея ласковое обращеніе и неизмѣнно-веселый характеръ. И она, и мистриссъ Фиркинъ, горничная Матильды, и вся вообще домашняя челядь, стонали и роптали втайнѣ подъ неутомимой командой торжествующей мистриссъ Бьютъ.

Эта самовластная женщина, какъ мы уже докладывали, слишкомъ неосторожно воспользовалась своимъ успѣхомъ. Въ двѣ, три недѣли безконтрольной команды, она довела свою пациентку до такого состоянія беспомощной покорности, что несчастная безусловно подчинилась всѣмъ ея распоряженіямъ, и даже не смѣла жаловаться на нее своей горничной или доброй компаньонкѣ. Каждую рюмку вина, предназначенную для Матильды, мистриссъ Бьютъ измѣряла съ такою аптекарскою аккуратностью, что мистриссъ Фиркинъ и буфетчикъ приходили въ совершенное отчаяніе. Сладенькіе пирожки, цыплята, супъ, котлетки – все это было измѣрено; взвѣшено, рассчитано скаредною рукою. Вечеромъ и ночью, утромъ и въ полдень, мистриссъ Бьютъ заливала свою жертву гадкими напитками, предписанными докторомъ, и несчастная пациентка принуждена была глотать ихъ безъ малѣнша-

го сопротивленія, и мистриссъ Фиркинъ замѣчала по этому поводу весьма справедливо, что бѣдная ея барыня кушаетъ лекарства, какъ кроткій агнецъ. Выѣзды въ каретѣ и прогулки въ паланкинѣ были тоже исчислены минута въ минуту, и, словомъ, мистриссъ Бьютъ уничтожила въ больной старушкѣ всякую нравственную энергію съ тѣмъ удивительнымъ искусствомъ, какое только доступно вамъ однѣмъ, мой милыя, сердобольныя дамы. Если повремениамъ паціентка вымаливала для себя побольше вкуснаго бульйона и поменьше этой гадкой микстуры, сердобольная дама рисовала передъ ней картину скоропостижной смерти съ такими ужасами, что миссъ Кроли трепетала всѣмъ тѣломъ, и смиренно отказывалась даже отъ порціи цыпленка.

— Она совсѣмъ угомонила ее, говорила Фиркинъ компаньонкѣ Бриггсъ. — Бѣдная старушка не похожа сама на себя, и вотъ ужъ недѣли три прошло, какъ она даже не называла меня дурой.

Наконецъ, для довершенія своихъ подвиговъ, мистриссъ Бьютъ составила отчаянный планъ удалить отъ своей родственницы и Фиркинъ, и мистера Баульса, и добрую миссъ Бриггсъ съ тою благою цѣлью, чтобы, вызвавъ своихъ дочекъ изъ пастората, препроводить страждущую Матильду на «Королевиному усадьбу», гдѣ бы удобнѣе можно было уврачевать ея тѣлесныя и, вмѣстѣ, нравственные недуги, но вдругъ случилось непредвидѣнное происшествіе, опрокинувшее всѣ эти расчеты сердобольной дамы. Достопочтенный Бьютъ

Кроли, ея супругъ, возвращаясь однажды домой послѣ веселой пирушки, упалъ съ лошади и переломилъ себѣ ключицу. Обнаружились воспалительные симптомы, сопровождаемые лихорадкой, и мистриссъ Бьють принуждена была оставить Суссекскую область для Гемпшира. Она обѣщала, при первой возможности, воротиться опять, какъ-скоро супругу будетъ полегче, и сообщила передъ своимъ отъѣздомъ подробныя наставленія, какъ прислуга должна вести себя въ отношеніи къ больной госпожѣ. Лишь-только мистриссъ Бьють уѣхала со двора, всѣ и каждый въ домѣ миссъ Кроли почувствовали необыкновенную легкость на душѣ, и благословили отъ всего сердца судьбу, избавившую ихъ отъ нашествія этой женщины, необузданной и безпардонной. Радость была неописанная отъ гостиной до лакейской. Въ этотъ же самый день; миссъ Кроли забросила съ презрѣніемъ свою послѣобѣденную порцію микстуры: въ этотъ же вечеръ, мистеръ Баульсъ откупорилъ свѣжую бутылку херста для себя и для мистриссъ Фиркинъ, и въ эту же самую ночь, миссъ Кроли и миссъ Бриггсъ сыграли двѣ партіи въ пикетъ. Исторія произошла точно такая же; какъ въ одной старинной англійской сказкѣ, гдѣ говорится, между прочимъ, что въ одной семьѣ наступили порядокъ и спокойствіе послѣ того, какъ палка забыла однажды поколотить собаку.

Въ ранніе часы яснаго утра, два или три раза въ недѣлю, миссъ Бриггсъ имѣла обыкновеніе ходить въ купальню и забавляться въ морской водѣ въ фланелевой фуфайкѣ и

клеенчатой шапочкѣ на головѣ. Ребеккѣ было извѣстно это обстоятельство, и она, какъ мы видѣли, грозилась потревожить миссъ Бриггсъ въ ту самую пору, какъ эта леди спустится по маленькой лѣстницѣ на дно глубокаго моря, но этотъ планъ былъ шуточный, придуманный только для забавы мистера Купидона. На самомъ дѣлѣ, мистриссъ Кроли рѣшилась сдѣлать нападеніе на Бриггсъ уже по выходѣ ея изъ купальни, когда она, вспрыснутая и освѣженная холодной водою, будетъ, по всей вѣроятности, въ счастливомъ расположеніи духа,

Поутру на другой день, Ребекка встала очень рано, и войдя въ гостиную, гдѣ окна открывались на безбрежный океанъ, навела телескопъ на морскія купальни, и скоро увидѣла, какъ Бриггсъ вошла въ свой номеръ, чтобъ погрузиться оттуда въ соленую воду. Черезъ нѣсколько минутъ она и сама была на берегу, поджидая свою нимфу изъ купальни.

Это была, въ нѣкоторомъ смыслѣ, поэтическая картина. Съ одной стороны – морской берегъ и свѣжія лица выкупавшихся красавиць; съ другой – длинный рядъ утесовъ и живописныхъ зданій, озаренныхъ яркими лучами утренняго солнца. Съ нѣжной и добродушной улыбкой на устахъ, Ребекка протянула свою миниатюрную ручку миссъ Бриггсъ въ то самое мгновеніе, какъ эта леди перешагнула черезъ порогъ купальни. Можно ли было не отвѣчать на такое радушное привѣтствіе бывшей гувернаитки?

– Миссъ Ш...., мистриссъ Кроли, сказала она.

Мистриссъ Кроли схватила ея руку, прижала ея къ своему сердцу, и увлеченная внезапнымъ порывомъ, бросилась въ ея объятія, нѣжно цалуя ея губы, щеки и даже размокшіе клочки сѣдыхъ волосъ.

— Милый, милый другъ мой! восклицала она съ такимъ энергическимъ выраженіемъ нѣжнаго чувства. что миссъ Бриггсъ растаяла въ одно мгновеніе ока. Даже служанка, смотрѣвшая за купальнями, была приведена въ трогательное умиленіе при этой сценѣ.

Не стоило для Ребекки ни малѣйшихъ трудовъ завлечь миссъ Бриггсъ въ продолжительную, искреннюю, восхитительную бесѣду. Всѣ происшествія, случившіяся съ того самого времени, какъ Бекки вдругъ исчезла изъ чертога миссъ Кроли на Парк-Ленѣ, вплоть до настоящаго дня, до счастливаго отъѣзда мистриссъ Бьютъ, были описаны съ мельчайшими подробностями, изслѣдованы и разобраны со всѣхъ сторонъ. Болѣзненные симптомы миссъ Кроли, способъ ея леченія, припадки, и правила жизни — обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ миссъ Бриггсъ рассказала съ тою полнотою и отчетливостію, какую только можно требовать отъ женщины, принимающей искреннее участіе въ судьбѣ ближнихъю Кому впрочемъ не извѣстно, что прекрасный цоль съ особенной охотой распространяется о физическихъ недугахъ и докторскихъ рецептахъ? миссъ Бриггсъ не уставала рассказывать, Ребекка не уставала слушать. Праведное небо! какое счастье, что во все это время милая, добрая миссъ Бриггсъ, и

вѣрная, несравненная мистриссъ Фиркинъ, могли безвыходно оставаться при болѣзненномъ одрѣ добрѣйшей старушки! Но она – великій Боже! она, несчастная Ребекка, поступила неблагодарно въ отношеніи къ своей незабвенной благодѣтельницѣ, да, неблагодарно, и, однакожь, согласитесь сами, неужели ся проступокъ былъ неизвинителенъ въ глазахъ всякой чувствительной души? Могла ли, о Боже мой! могла ли она отказать въ своей рукѣ человѣку, который одержалъ побѣду надъ ея нѣжнымъ сердцемъ? Сантиментальная Бриггсъ возводила свои очи къ небесамъ, и невольные, симпатическіе вздохи поминутно вырывались изъ ея груди. Знаетъ она по опыту всѣ эти искушенія нѣжной страсти, и признается откровенно, что Ребекка, право, не слишкомъ виновата.

– Могу ли я забыть эту особу, покровительствовавшую съ такимъ участіемъ безпріютной спротѣ? Пусть она отказалась отъ меня, говорила Ребекка, – но я никогда не перечтану любить ее, и не откажусь отъ надежды посвятить ей всю свою жизнь. Я люблю и обожаю миссъ Кроли, какъ свою собственную благодѣтельницу, какъ незабвенную родственницу моего милаго Родона, какъ умнѣйшую женщину, какія только бывали въ нашей сторонѣ. Но послѣ миссъ Кроли, я питаю искреннюю привязанность ко всѣмъ особамъ, которыя заботятся о ней. Никогда бы я не позволила себѣ поступать съ ея вѣрными друзьями такъ, какъ эта ненавистная интригантка, мистриссъ Бьютъ. Мой Родонъ, чувствительный и нѣжный Родонъ (хотя, конечно, манеры его нѣсколько грубы),

говорилъ тысячу разъ, со слезали на глазахъ, что тѣтушка его должна благословлять судьбу за такихъ безцѣнныхъ друзей, какъ вы, миссъ Бриггсъ, и эта несравненная Фиркинъ. Съ ужасомъ мы воображали, чемъ могутъ кончиться эти адскія хитрости Марты Бьютъ; но еслибъ ей удалось, наконецъ, прогнать отъ себя всѣхъ, и увезти больную старушку въ пасторатъ на жертву этимъ фуріямъ, своимъ дочерямъ, то скромный нашъ домикъ, миссъ Бриггсъ, былъ бы всегда къ вашимъ услугамъ. Милый другъ мой! воскликнула Ребекка въ порывѣ пламеннаго энтузіазма, есть на свѣтѣ сердца, которыя никогда не забываютъ благодѣяній, и не всѣ женщины похожи на эту Бьютъ Кроли!.. Впрочемъ, прибавила Ребекка послѣ короткой паузы, — имѣю ли я право жаловаться на нее? Пусть я была орудіемъ и несчастной жертвой ея хитрыхъ продѣлокъ; но все же я одолжена ея моимъ милымъ Родономъ, который, безъ ея содѣйствія, едва-ли предложилъ бы мнѣ свою руку.

И она развернула передъ глазами изумленной Бриггсъ картину происковъ и коварнаго поведенія мистриссъ Бьютъ на «Королевиной усадьбѣ». Въ ту пору Ребекка не понимала ея дальновидныхъ цѣлей, но теперь событія объяснили, чего добивалась эта женщина, раздувая всѣми возможными способами страсть юныхъ любовниковъ, которые женились по ея милости и остались безъ всякихъ средствъ къ независимому существованію. Западня была разставлена слишкомъ хитро, и никто бы не увидѣлъ сѣтей, прикрывавшихъ ее.

Все это было совершенно справедливо, и миссъ Бриггсъ съ удовлетворительною ясностью увидѣла страгаемы коварной интригантки. Не подлежало никакому сомнѣнiю, что мистриссъ Бьють устроила этотъ бракъ между Родономъ и Ребеккой, но хотя Ребекка была здѣсь совершенной жертвой, однакожь миссъ Бриггсъ не могла скрыть опасенiй, что миссъ Кроли едва-ли не навсегда утратила привязанность къ своей бывшей компаньонкѣ, и никогда вѣроятно не проститъ племянника за этотъ неблагоразумный бракъ.

Но Ребекка насчетъ этого пункта имѣла свои собственные мысли. Если миссъ Кроли не проститъ ихъ теперь, то можно было по крайней мѣрѣ рассчитывать на будущее время, когда старушка понемногу успокоится, одумается и перемѣнитъ гнѣвъ на милость. Даже и теперь, собственно говоря, между Родономъ и баронетомъ стоялъ только этотъ рыхлый, вялый и больной сынокъ сэра Питта, и если мистеръ Питтъ — тчто легко могло случиться — отправится въ преждевременную могилу, дѣла немедленно примутъ для Родона самый блистательный оборотъ. Во всякомъ случаѣ, хорошо по крайней мѣрѣ то, что удалось ей вывести на свѣжую воду эту интригантку, мистриссъ Бьють. Побесѣдовавъ такимъ образомъ около часа съ своимъ незабвеннымъ другомъ, Ребекка разсталась съ миссъ Бриггсъ на самой короткой ногѣ, въ твердой увѣренности, что всѣ подробности этой интересной бесѣды дойдутъ немедленно до ушей миссъ Кроли.

Послѣ этого свиданiя, для Ребекки оставалось еще до-

вольно времени воротиться въ гостинницу, гдѣ собралось все вчерашнее общество на прощальный завтракъ. Подруги распрощались, какъ жегщины, которыя любятъ другъ друга съ нѣжностью родныхъ сестеръ, причемъ были пролиты обильные потоки слезъ съ обѣихъ сторонъ. Когда, наконецъ, четверомѣстная кодяска покатила по широкой улицѣ, Ребекка еще разъ махнула изъ окна батистовымъ платочкомъ, и вслѣдъ затѣмъ, углубившись въ середину комнаты, принялась докушивать устрицы и раки, съ величайшимъ аппетитомъ. Продолжая угощать себя этимъ лакомствомъ, она объяснила Родону подробности своего утренняго свиданія съ миссъ Бриггсъ. Надежды ея засіяли очень ярко и озарили сердце ея супруга. Родонъ Кроли уже привыкъ настроивать свою душу на веселый или печальный ладъ, судя потому, весела или печальпа была его маленькая жена.

– Теперь, мой милый Аполлонъ, сказала опа, – вы примете на себя трудъ сѣсть за письменный столикъ, и написать къ миссъ Кроли коротенькое письмецо, гдѣ вы засвидѣтельствуете ей свое искреннее уваженіе, преданность, любовь и еще что-нибудь въ этомъ родѣ.

Родонъ мигомъ сѣлъ за столъ, схватилъ перо и быстро написалъ:

«Брайтонъ. Четвергъ.

«Любезная тетушка!»

Но здѣсь воображеніе Аполлона изсякло до того, что онъ ужъ не могъ болѣе придумать ни одного слова. Томимый без-

полезными усиліями, онъ грызъ кончикъ пера и жалобно по-
сматриваль на свою жену. Ребекка засмѣялась ему въ лицо,
и забросивъ руки на спину, принялась ходить по комнатѣ
взадъ и впередъ.,

– На чемъ ты остановился, мой милый? спросила она.

– Да я еще ничего не написалъ.

– Ну, такъ пиши: я стану диктовать. Пиши:

«Оставляя отечество предъ началомъ кампаніи,
которая, легко станется, будетъ для меня роковая.»

– Что-о-о? Неужто роковая? вскричалъ испуганный Ро-
донъ; но тутъ же опомнился, и улыбаясь, написалъ всю фра-
зу.

«... будетъ для меня роковая, я пріѣхаль сюда
затѣмъ...»

– Какъ это – *сюда*? Вѣдь по грамматикѣ *сюды*, Бекки? пе-
ребиль мистеръ Кроли.

«Я пріѣхаль сюда», настоятельно продолжала Бекки,
топая сердито ножкой, – «затѣмъ, чтобы сказать
послѣднее прости своей безцѣнной покровительницѣ
и другу. Отправляясь теперь въ путь далекій и, быть-
можетъ, безвозвратный, я умоляю васъ, милая тѣтушка,
позволить мнѣ еще разъ прижать къ своимъ губамъ
великодушную руку, отъ которой я во всю жизнь ничего
не получаль, кромѣ благодѣяній.»

– Кромѣ благодѣяній, повторилъ Родонъ, нацарапавъ эти

слова, и удивляясь необыкновенной легкости, съ какою посланіе его подвигалось впередъ.

«Единственное мое желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы вы, любезная тётушка, перестали гнѣваться на меня передъ моимъ отъѣздомъ. Я имѣю справедливыя причины гордиться, въ извѣстныхъ случаяхъ, своею фамиліею; но эта гордость простирается не на всѣ пункты. Я женился на дочери художника, и не жалѣю».

– И ей-Богу, нѣтъ, хоть сейчасъ душа вонь! провозгласилъ Родонъ.

– Негодный! сказала Ребекка, потрепавъ его за ухо и заглянувъ на бумагу черезъ его плечо. Сколько ты надѣлалъ граматическихъ ошибокъ! Поправь, по крайней мѣрѣ, вотъ эти два слова: «безъ ценной» и «безъ возвратной».

– Какъ же ихъ писать?

– Слитно и безъ ера.

Родонъ исправилъ замѣченныя ошибки, и продолжалъ письмо подъ диктовку своей хорошенькой наставницы.

«Мнѣ казалось, милая тетушка, что вы имѣли нѣкоторое понятіе о направленіи моей сердечной привязанности, такъ-какъ я зналъ, что мистриссъ Бьютъ покровительствовала и одобрила нашу страсть. Я не жалуясь и не дѣлаю никакихъ упрековъ. Я женился на бѣдной дѣвушкѣ и доволенъ своею судьбой. Вы можете, любезная тётушка, оставить ваше имѣніе кому вамъ будетъ угодно. Я не буду сѣтовать, какъ бы вамъ ни вздумалось распорядиться своею собственностью.

Повѣрьте, тго я люблю васъ ради васъ самихъ, и отнюдь не ради вашихъ денегъ.»

– Ну, а какъ она приметъ это за чистую монету? съ безпокойствомъ перебилъ Родонъ,

– Пиши знай, что тебѣ говорятъ, отвѣчала Ребекка, топая ножкой.

– Смотри, Бекки, какъ бы не попасть въ лабеть! проговорилъ мистеръ Кроли, принимаясь опять за перо.

«Я хочу только возобновить родственную связь, и помириться съ вами передъ отъѣздомъ изъ любезнаго отечества. Позвольте, о! позвольте мнѣ увидѣть васъ, по крайней мѣрѣ одинъ разъ. Легко станется, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ уже поздно, и я буду въ отчаяніи, если вы, на прощаньи, не удостоите меня ласковаго слова.»

– Славно, Бекки, только знаешь ли что?.. вѣдь она, пожалуй, смекнетъ, что это не я писалъ, замѣтилъ Родонъ Кроли. Ну, была-не-была, я наставилъ тутъ десятка два лишнихъ запятыхъ и точекъ.

И этотъ документъ былъ гемедленно отправленъ въ конвертъ, адресованномъ на имя миссъ Бриггсъ.

Старушка Кроли засмѣялась, когда Бриггсъ съ таинственнымъ видомъ и мистическими ужимками передала ей это простенькое письмецо.

– Мы можемъ прочитать его теперь же, безъ этой мистриссъ Бьютъ, сказала она. Читайте, Бриггсъ.

Когда Бриггсъ прочитала, покровительница ея засмѣялась еще громче. Такой припадокъ веселости нѣсколько озадачи-
ль добрую компаньонку, такъ-какъ умилительное посланіе очевидно произвело чильное впечатлѣніе на ея сердце.

— Какая ты гусыня, Бриггсъ! сказала миссъ Кроли. Развѣ ты не видишь, что здѣсь ни одно слово не вышло изъ без-
мозглої головы моего племянника? Всѣ его письма пропи-
таны ухорскими выраженіями и безчисленными ошибками
противъ грамматики, и притомъ онъ всегда, непременно и
неизбѣжно, просить денегъ. Я вижу очень ясно, что эта ма-
ленькая змѣйка, гувернантка, взяла его въ свой руки.

«Всѣ они одного поля ягодки, думала миссъ Кроли
въ своемъ сердцѣ. Всѣ они ждутъ моей смерти, и
заранѣе запускають руки въ мой сундукъ».

— Впрочемъ, что жъ такое? прибавила она послѣ корот-
кой паузы; совершенно равнодушнымъ тономъ. Я не прочь
отъ свиданья съ Родономъ, только бы не было при этомъ ка-
кой-нибудьтсцены. Увидимся, поговоримъ и, если надобно,
разстанемся друзьями. Но есть предѣлы человѣческому тер-
пѣнью, и замѣтте, Бриггсъ, ни по какому поводу и ни въ ка-
комъ случаѣ, я не намѣрена принимать мистриссъ Родонъ:
объ этомъ прошу не говорить мнѣ никогда.

И миссъ Бриггсъ, положила руку на сердце, должна была
ограничиться на первый разъ этой половинной мѣрой къ во-
дворенію мирныхъ отношеній. Въ этотъ же день она извѣ-
стила Родона, чтобы онъ ожидалъ миссъ Кроли за городомъ,

у скалы, когда вынесутъ ее на морской берегъ въ паланкинѣ.

И они встрѣтились у скалы. Неизвѣстно, какія чувствованія пробудились въ сердцѣ старушки при взглядѣ на ей стариннаго любимца, только она протянула ему свой два пальца съ такимъ веселымъ и добродушнымъ видомъ, какъ-будто они разстались наканунѣ; но Родонъ покраснѣлъ и даже побагровѣлъ отъ полноты душевнаго восторга, причемъ языкъ его утратилъ почти всякую способность къ опредѣлительному выраженію нѣжныхъ чувствъ, такъ что онъ стоялъ, мигалъ, улыбался, ломалъ руку миссъ Бриггсъ – и больше ничего. Личные ли интересы клокотали въ его груди, или сердечная привязанность – Аллахъ вѣдаетъ, но могло, впрочемъ, стать, что мистеръ Родонъ былъ приведенъ въ это необыкновенное волненіе однимъ взглядомъ на ужасную перемѣну, произведенную въ его тетушкѣ послѣдней болѣзнию.

– Старуха начала козырять въ меня такими взглядами, что я, право, совсѣмъ растерялся, Бекки, говорилъ Родонъ, рассказывая своей супругѣ объ этомъ свиданьи. Впрочемъ, оно такъ себѣ, нельзя сказать, чтобы того. Я шель все по правую сторону этихъ проклятыхъ носилокъ, и ужъ былъ у подъѣзда, когда Баульсъ выскочилъ изъ дверей, чтобы тащить ее наверхъ. Я хотѣлъ войти, да таки и вошелъ бы, если бы...

– Неужели ты не вошелъ? вскричала изумленная супруга.

– Нѣтъ, Бекки, нѣтъ. Признаюсь, я анаѰемски растерялся.

– Глупецъ! Тебѣ слѣдовало войти, засѣсть и не выходить

изъ ея комнаты, сказала Ребекка энергическимъ тономъ.

– Ну, а ты ужь не слишкомъ, Бекки, угрюмо возразилъ обиженный герой. Оно, пожалуй, я былъ глупъ, только не тебѣ бы говорить мнѣ это.

Онъ бросилъ на супругу рѣшительно-сердитый взглядъ.

– Хорошо, мой милый, завтра ты опять отправишься на поиски, и ужь постарайся непременно войти къ ней, будетъ ли она тебя просить или нѣтъ, сказала Ребекка, стараясь нѣжной улыбкой смягчить своего властелина.

Родонъ, однакожь, отвѣчалъ, что завтра будетъ онъ дѣлать что ему вздумается, и еще разъ посовѣтовалъ своей супругѣ – держать языкъ свой за зубами. Остальное время передъ обѣдомъ провелъ онъ въ билльярдной комнатѣ, угрюмый, подозрительный и молчаливый.

Но прежде чѣмъ наступилъ вечеръ, мистеръ Родонъ принужденъ былъ торжественно сознаться своей супругѣ, что онъ дѣйствительно поступилъ какъ дуракъ при этомъ свиданьи, и что, слѣдовательно, она имѣла основательныя причины бранить его сколько ей угодно. Онъ и Ребекка согласились, что послѣдствія этого промаха могутъ быть гибельны для нихъ обоихъ. Они не ошиблись. миссъ Кроли долго думала объ этой встрѣчѣ, и результатъ ея размышленій былъ довольно печальный для молодыхъ людей.

– Родонъ потолстѣлъ и постарѣлъ, Бриггсъ, сказала она своей компаньонкѣ. Носъ у него красенъ, какъ у пьяницы, и манеры его удивительно грубы. Связь съ этой женщиной

погубила его безнадежно. Мистриссъ Бьють всегда говорила, что они пьянствуют вмѣстѣ, и на повѣрку выходить, что это правда. Отъ него страшно несетъ джиномъ. Я замѣтила это съ перваго взгляда. А ты замѣтила, Бриггсъ?

Напрасно миссъ Бриггсъ старалась представить на усмотрѣніе своей покровительницѣ, что мистриссъ Бьють обо всѣхъ отзывалась дурно, и что эта женщина, по ея скромному мнѣнію...

– Ужасная интригантка? перебила миссъ Кроли. Я это знаю. Бьють злословить всѣхъ безъ исключенія; но всетаки я увѣрена, что эта женщина заставляла пьянствовать Родона. Всѣ эти низкія твари...

– Онъ былъ такъ взволнованъ, сударыня, когда увидѣлъ васъ, замѣтила компаньйонка смиреннымъ тономъ, – и если вы пріймете въ соображеніе, что онъ отправляется, такъ сказать, на поле опасности, судар...

– Сколько онъ обѣщаль тебѣ денегъ, Бриггсъ? закричала старая дѣвственница, доведенная до бѣшенаго состоянія. Ну, теперь пойдутъ слезы – обыкновенная исторія. Я ненавижу сцены. Неужели никогда не дадутъ мнѣ покою? Извольте хныкать въ своей комнатѣ, и пошлите ко мнѣ Фиркинъ... нѣтъ, погодите. Садитесь, Бриггсъ, утрите носъ, перестаньте плакать и напишите письмо къ мистеру Родону.

Бѣдная Бриггсъ сѣла за письменный столъ и взяла тетрадь почтовой бумаги. На многихъ листахъ были еще свѣжіе слѣды твердаго и быстрого почерка послѣдней секретарши, ми-

стриссъ Бьють Кроли.

– Начните: «Любезный мистеръ Кроли» или просто: «Милостивый государь» – это будетъ лучше... И скажите, что, по порученію мистриссъ Бьють... или нѣтъ, по порученію доктора миссъ Кроли, вы извѣщаете, что здоровье мое въ прескверномъ состояніи, и всякія сильныя ощущенія могутъ быть для меня опасны, если взять въ расчетъ... и, стало-быть, я должна избавить себя отъ удовольствія вести съ нимъ какіе бы то ни было фамильные переговоры. И поблагодарите его, что онъ пріѣхалъ въ Брайтонъ, и такъ далѣе, и скажите, что онъ можетъ убираться къ чорту... нѣтъ, это черезъ-чуръ... что ему нечего здѣсь оставаться изъ-за меня, или что-нибудь въ этомъ родѣ. И можете еще прибавить, Бриггсъ, что я желаю ему *bon voyage*, и что если онъ прійметъ на себя трудъ зайти къ моему адвокату на Греиннскомъ-Скверѣ, такъ тамъ будутъ для него нѣкоторыя порученія. Этимъ и кончить... да: это, авось, заставитъ его теперь же ускакать изъ Брайтона въ Лондонъ.

Послѣднюю сентенцію обязательная Бриггсъ начертала съ величайшимъ удовольствіемъ.

– Осадить меня въ тотъ же день, какъ уѣхала мистриссъ Бьють – да это верхъ безстыдства! воскликнула гнѣвная старушка. Пожалуйста, Бриггсъ, напишите еще записку къ мистриссъ Бьють, и скажите, что ей нѣтъ никакой надобности возвращаться назадъ... никакой, да... и чтобы ея духу здѣсь не пахло. Вотъ еще новости – быть невольницей въ своемъ

собственномъ домѣ! Не хочу, не хочу! Всѣ они хотять убить меня, уморить... ядомъ отравить!

И несчастная старуха зарыдала истерическими слезами.

Послѣдняя сцена ея печальной комедіи на базарѣ житейской суеты приближалась быстро: мишурныя лампы потухали одна за другою, и мрачный занавѣсъ готовъ былъ опуститься.

Этотъ послѣдній параграфъ, начертанный благосклонною рукою миссъ Бриггсъ, и приводившій Родона въ соприкосновеніе съ лондонскимъ юристомъ миссъ Кроли, служилъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, утѣшеніемъ для юныхъ супруговъ, весьма непріятно озадаченныхъ сначала первыми строками тетушкина письма. Это послужило вмѣстѣ и причиною, заставившею ихъ ускорить свой отъѣздъ въ англійскую столицу, чего искренно желала миссъ Кроли.

Проигрышъ Джозефа Седли и банковые билеты Джорджа Осборна пособили мистеру Родону расплатиться въ брайтонской гостинницѣ, которой содержатель не зналъ, вѣроят-но, до настоящаго дня, какъ сомнительны были его жильцы. Съ предусмотрительностію опытнаго воина, отсылающаго свой багажъ въ аріергардъ передъ началомъ битвы, Ребекка распорядилась на всякій случай заранѣе упаковать всѣ свои драгоцѣнности и поручить ихъ покровительству камердинера Осборновъ, который, съ вещами своихъ господъ, отправлялся въ Лондонъ на запяткахъ дилижанса. Этотъ же экипажъ вмѣстилъ въ себя на другой день Родона и его жену.

— А интересно бы передъ отъѣздомъ еще разокъ взглянуть на нашу старушку, сказалъ Родонъ. Она что-то слишкомъ изветшала и скорчилась въ последнее время. Не надолго ее хватить. Вотъ увидмъ, какими векселями снабдить меня ея адвокатъ. Должно быть фунтовъ двѣсти — разумѣется, не меньше двухъ сотъ — какъ ты думаешь, Бекки?

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ предусмотрительныхъ соображеній по хозяйственной части, Родонъ и его супруга сочли неудобнымъ воротиться на свою прежнюю квартиру въ Бромптонъ, тѣмъ болѣе, что около нея безпрестанно бродили извѣстные джентльмены подозрительнаго свойства. Они остановились въ гостинницѣ. Рано поутру, на другой день, Ребекка имѣла случай взглянуть на нихъ мелькомъ, проѣзжая черезъ этотъ кварталъ въ домъ старушки мистриссъ Седли, гдѣ надлежало ей взглянуть еще разъ на милую Амелію и брайтонскихъ друзей. Всѣ они собирались въ Четемъ и оттуда въ Гарвичъ, чтобы сѣсть на корабль вмѣстѣ съ полкомъ, отправлявшимся въ Бельгію. Мистриссъ Седли была въ самомъ печальномъ расположеніи духа, и проливала горькія слезы. Послѣ этого визита, Ребекка воротилась домой и нашла своего супруга, который уже успѣлъ сходить въ Греинъ, и узнать свою судьбу. Мистеръ Кроли былъ, повидимому, чрезвычайно озлобленъ.

— Можешь представить, Бекки! сказалъ онъ. она разщедрилась только на двадцать фунтовъ!

Въ самомъ дѣлѣ, тетушка Матильда сыграла презлую шут-

ку, и Ребекка имѣла полное право разразиться самымъ веселымъ смѣхомъ передъ кислымъ лицомъ своего супруга.

Глава XXV

Между Лондономъ и Четемомъ

По прїѣздѣ изъ Брайтона, прїятель нашъ Джорджъ, какъ прилично джентльмену высшаго полета, путешествующему въ собственномъ экимажѣ на четверкѣ лошадей, остановился въ превосходной гостинницѣ на Кавендишскомъ-Скверѣ, гдѣ къ услугамъ его предложены были блистательныя комнаты, великолѣпный столъ и полдюжина черныхъ лакеевъ, готовыхъ по одному мановенію исполнять приказанія всякаго рода. Джорджъ развернулся теперь въ полномъ блескѣ передъ своими закадышными друзьями, и Амелія въ первый разъ, съ чрезмѣрной робостію въ сердцѣ, должна была предсѣдательствовать за тѣмъ, что ея супругъ изволилъ называть своимъ собственнымъ столомъ.

Джорджъ прилебывалъ вино и бранилъ черныхъ лакеевъ съ удивительнымъ величіемъ, и мистеръ Джозъ глоталъ черепеховый супъ съ отмѣннымъ аппетитомъ. Доббинъ съ чрезмѣрной предупредительностью принялъ на себя хозяйственную роль, потому-что молодая леди, передъ которой поставили блестящую миску за столомъ, оказалась до того незнакомою съ содержавшейся въ ней влагой, что не хотѣла даже положить супу въ тарелку господина Седли.

Пышный апартаментъ и богдоханское угощеніе, совер-

шившееся въ немъ, значительно возмутили чувствительную душу мистера Доббина, и онъ поспѣшилъ выразить свое мнѣніе насчетъ этого пункта тотчасъ же послѣ обѣда, когда Джозъ уснулъ въ своихъ креслахъ. Но напрасно вопіялъ онъ противъ черепахи и непомѣрнаго употребленія драгоценныхъ винъ.

— Я привыкъ путешествовать джентльменски, сказалъ Джорджъ, и жена моя станетъ разѣзжать какъ леди. Мистриссъ Джорджъ не потерпитъ ни малѣйшей нужды, какъ-скоро есть въ нашей шкатулкѣ какой-нибудь шиллингъ, заключилъ щедрый джентльмень, совершенно довольный проявленіями своихъ великодушныхъ чувствъ.

И Доббинъ уже не хотѣлъ представлять умозрительныхъ доказательствъ, что счастье Амеліи не могло заключаться въ черепаховомъ супѣ.

Вскорѣ послѣ обѣда, Амелія выразила желаніе повидаться съ своей *мама*, и великодушный Джорджъ, скрѣпя сердце, принужденъ былъ дать ей позволеніе съѣздить въ Фольгемъ, на «Аделаидины виллы». Амелія побрела въ свою пышную спальню, гдѣ на самой серединѣ возвышалась огромная похоронная постель, «на которой, въ древнія вренена, опочивала сестра Александра Македонскаго», и принялась надѣвать свою розовую шдьяпку съ чрезмѣрной поспѣшностью и отрадой. Джорджъ продолжалъ пить свой кларетъ, когда она воротилась въ столовую и бросила на него нерѣшительный взглядъ.

– Ты не поѣдешь, мой другъ? спросила она.

– Нѣтъ, ступай одна. Я занятъ.

Его камердинеръ получилъ приказаніе провожать мистриссъ Джорджъ. Когда карета остановилась у подъѣзда го-
стинницы, Амелія сдѣлала весьма неловкій книксенъ свое-
му супругу, и заглянувъ ему раза два въ лицо, опустилась, съ
грустнымъ видомъ, по большой лѣстницѣ, въ сопровожденіи
капитана Доббина, который посадилъ ее въ карету, и наблю-
далъ, какъ она поѣдетъ. Даже камердинеру было стыдно, въ
присутствіи трактирныхъ лакеевъ, произнесть передъ наем-
нымъ кучеромъ низкое имя Фольгема, и онъ обѣщаль ска-
зать этотъ адресъ на дорогѣ.

Доббинъ пошелъ домой на свою старую квартиру, разду-
мывая на дорогѣ, какъ было бы пріятно сидѣть въ каретѣ
подлѣ мистриссъ Осборнъ. У Джорджа былъ другой вкусъ:
опорожнивъ бутылку вина, онъ отправился въ театръ, по-
смотрѣть, какъ мистеръ Кинъ выполняетъ роль Шейлока въ
«Венеціанскомъ купцѣ». Мистеръ Осборнъ былъ большой
любитель драматическаго искусства, и даже самъ отлично вы-
полнялъ драматическія роли на домашнихъ театрахъ.

Джозефъ Седли продолжалъ покоиться сладкимъ сномъ.
Были уже глубокія сумерки, когда пробудили его неосторож-
ныя движенія слуги, убиравшаго графины и бутылки со сто-
ла. Не видя никого изъ своихъ друзей, онъ приказалъ по-
дать карету, и благополучно отправился въ свою собствен-
ную квартиру, гдѣ ожидала его мягкая постель.

Мистриссъ Седли, какъ можете представить, съ восторгомъ прижала свою дочку къ материнскому сердцу. Лишь-только карета остановилась у маленькаго садика передъ окнами дома, старушка бросилась со всѣхъ ногъ встрѣтить плачущую, дрожащую, молодую супругу. Хозяинъ домика, старикъ Клеппъ, поливавшій цвѣты и одѣтый слишкомъ просто, по домашнему, то-есть, почти вовсе неодѣтый, машинально выбросилъ лейку изъ своихъ рукъ и поспѣшилъ спрятаться за кустомъ. Дѣвушка-ирландка опрометью выбѣжала изъ кухни навстрѣчу своей бывшей барышнѣ, и съ улыбкой проговорила; «Благослови васъ Богъ!» Среди развѣшанныхъ флаговъ домашняго бѣлья, Амелія съ трудомъ пробралась въ маленькую гостиную своихъ родителей.

Какъ отворились шлюзы въ глазахъ матери и дочери, когда онѣ принялись обнимать другъ друга, легко пойметъ и вообразить всякій читатель, способный къ сантиментальнымъ порывамъ. Когда не плачетъ женскій полъ? Какія обстоятельства жизни, радостныя или горестныя, не сопровождаются слезами съ его стороны? И еще бы не плакать теперь, при такомъ чувствительномъ свиданіи. Мать и дочь имѣли совершенное право дать полный разгудъ своей чувствительности, отрадной, нѣжной, и даже полезной для здоровья. Что касается до этого супружескаго пункта, я видывалъ женщинъ, ненавидящихъ другъ друга, и которыя, однакожь, обнимались, цаловались и плакали горько при кратковременномъ свиданьи послѣ свадьбы. Такая чувствительность, само

собою разумѣтся, принимаетъ гораздо высшіе размѣры въ сердцахъ любящихъ женщинъ.

Такимъ образомъ, милостивые государи, прошу васъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ мистриссъ Джорджъ и старушкѣ Седли; если онѣ обнимаются, перешептываются, плачутъ, смѣются и вздыхаютъ, окруженные поэтическими сумерками въ маленькой гостиной. Старикъ Седли уважалъ и мать, и дочь. Онъ не угадалъ, кто сидѣлъ въ каретѣ, подѣхавшей къ палисаднику его жилища. Онъ не выбѣжалъ на встрѣчу къ своей дочери, хотя поцаловалъ ее нѣжно, когда она вошла въ гостиную, гдѣ онъ, но обыкновенію, перебиралъ свои письма и бумаги, перевязывая ихъ красными шурками. Онъ недолго пробылъ въ пріисутствіи матери и дочери, и весьма благоразумно оставилъ маленькую комнату въ ихъ полномъ распоряженіи.

Каммердимеръ Джорджа бросалъ гордые взгляды на мистера Клеппа, который, не перемѣняя своего туалета, продолжалъ поливать цвѣты. Однакожь онъ снисходительно снялъ шляпу передъ мистеромъ Седли, и даже отвѣсилъ ему довольно учтивый поклонъ. Старикъ вступилъ съ нимъ въ дружескую бесѣду о своемъ зятѣ, о коляскѣ Джоза и его брайтонскихъ коняхъ, о Банапарте и военныхъ дѣлахъ. Дѣвушка-ирландка получила приказаніе поподчивать его виномъ. Въ заключеніе, мистеръ Седли, чтобъ не ударить лицомъ въ грязь, подарилъ ему полгинеи, которую тотъ опустилъ въ свой карманъ съ чувствомъ изумленія и гордости.

– Выкушайте за здоровье своихъ молодыхъ господъ, любезный Троттеръ, сказалъ мистеръ Седли, и вотъ это, когда прїѣдете домой, употребите на собственное здоровье, Троттеръ.

Едва прошло десять дней, какъ Амелія оставила домъ своихъ родителей, и однакожь ей казалось, будто она давно, давно переступила за порогъ этого мирнаго и спокойнаго прїюта. Какая пропасть лежала теперь между ней и этой прошедшей жизнью? Оглядываясь назадъ съ высоты своего мѣста, она смотрѣла, какъ-будто на другое существо, на бѣдную молодую дѣвушку, погруженную въ одно и то же чувство, обращавшую свой глаза на одинъ и тотъ же предметъ., неблагодарную къ своимъ родителямъ, или по крайней мѣрѣ, равнодушную къ ихъ ласкамъ, такъ-какъ сердце и мысли ея были постоянно заняты приведеніемъ въ исполненіе одного завѣтнаго желанія. Ей было стыдно вспоминать про эти дни, протекшіе невозвратно, и взглядъ на добрыхъ родителей переполнилъ нѣжнымъ угрызеніемъ ея тревожное сердце. Довольна ли она своимъ новымъ положеніемъ? Ясно ли представляется ей перспектива будущей жизни?

Какъ-скоро герой и героиня переступаютъ за супружескую барьеру, романистъ, по обыкновенію, опускаетъ завѣсу, кладетъ перо, и читатели его должны знать, что впереди нѣтъ уже никакихъ элементовъ для драмы. Борьба жизни и всякія сомнѣнія оканчиваются; терой и героиня вступили въ завѣтную страну, гдѣ все благоухаетъ и цвѣтетъ. Мужъ и же-

на идти рука объ руку впередъ къ счастливой старости. Но Амелія была только на берегу новой страны, и уже съ безпокойствомъ оглядывалась назадъ на грустныя и печальныя фигуры, которыя стоятъ на другомъ, противоположномъ берегу быстрого потока и говорятъ ей послѣднее прости.

Само собою разумѣется, что надлежало чѣмъ-нибудь угостить молодую супругу, хотя, конечно, она не голодна. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, старушка Седли оставила на минуту мистриссъ Джорджъ Осборнъ, и унырнула въ нижнія области дома, въ преддверіе кухни, гдѣ жили мистеръ и мистриссъ Клеппъ, и куда по вечерамъ по окончаніи хозяйственныхъ распоряженій приходила миссъ Фленнигенъ, дѣвушка-ирландка. Мистриссъ Седли озаботилась приготовить великолѣпный чай. Всякій придерживается своихъ собственныхъ правилъ насчетъ выраженія гостепріимныхъ чувствъ, и мистриссъ Седли думала съ своей стороны, что горячіе пирожки и сладенькіе кусочки мармелада, прилично расположенные на праздничномъ подносѣ, будутъ служить превосходнымъ лакомствомъ для Амеліи въ ея интереснѣйшемъ положеніи.

Когда такимъ образомъ приготовлялись эти лакомства, Амелія вышла изъ гостиной и черезъ минуту, сама не зная какъ, очутилась наверху въ маленькой комнаткѣ, гдѣ она жила передъ замужествомъ, и сѣла на то самое кресло, въ которомъ она провела такое множество грустныхъ часовъ. Каждая бездѣлица напоминала ей прошедшую жязнь, и она при-

нялась думать о ней съ замираніемъ сердца. Оглядываться назадъ на пройденное поприще жизни и томиться безпокойными сомнѣніями при взглядѣ на загадочнаго человѣка, который еще такъ недавно былъ исключительнымъ предметомъ всѣхъ ея желаній: таковъ былъ жребій этого бѣднаго созданія, этой беззащитной странницы на перепутьяхъ житейскаго базара.

Здѣсь она сидѣла, и съ любовію припомнила тотъ образъ. Джорджа, которымъ она увлекалась прежде. Неужели она признавалась самой себѣ, что дѣйствительный человѣкъ былъ далеко не похожъ на того величественнаго, юнаго героя, которому она поклонялась? Много, по обыкновенію, проходитъ годовъ, прежде чѣмъ тщеславіе женщины позволить ей доидти до такого безотраднаго сознанія, тогда притомъ, когда уже слишкомъ дурень избранный спутникъ ея жизни. Тутъ же свѣтились на нее злобѣщимъ свѣтомъ зеленые глаза и улыбка Ребекки, съ которою, вѣроятно, не на радость столкнула ее грозная судьба. Такъ она сидѣла, погруженная въ свою обыкновенную эгоистическую думу, въ той самой меланхолической позѣ, въ какой нѣкогда застала ее рѣзвая ирландка, подавая ей письмо, гдѣ Джорджъ возобновлялъ свой предложенія невѣстѣ:

Она смотрѣла на маленькую бѣлую постель, бывшую въ ея распоряженіи за нѣсколько дней, и думала, какъ было бы пріятно уснуть въ ней эту ночь, и встрѣтить поутру материнскую улыбку. Потомъ она съ ужасомъ думала о большомъ по-

гребальномъ кашимировомъ павильонѣ среди огромной и грязной спальни въ гостинницѣ на Кавендишскомъ-Скверѣ. Какъ часто, въ былыя времена, ея слезы орошали изголовье этой крошечной постельки, и сколько бессонныхъ ночей провела она здѣсь передъ уединеннымъ окномъ! Какъ часто приходила она въ отчаяніе, и желала умереть на своемъ дѣвическомъ ложѣ! и, однакожь, теперь исполнились всѣ ея желанія, и вожденный другъ сердца принадлежалъ ей навѣки! Добрая мать! Съ какимъ терпѣніемъ и нѣжностью она бодрствовала при этой постели! Амелія стала на колѣни передъ своимъ дѣвственнымъ ложемъ, и робкая ея душа искала утѣшенія тамъ, куда рѣдко до сихъ поръ заглядывалъ ея умственный взоръ. Любовь, одна только любовь была ея руководительницею до настоящей минуты; но теперь она чувствовала, съ замираніемъ сердца, что ей нуженъ другой утѣшитель и руководитель на скользскомъ поприщѣ ея новой жизни.

Но имѣемъ ли мы право повторять или подслушивать молитвы бѣдной женщины? Нѣтъ, милостивые гусударя, эти тайны не принадлежать къ области базара житейской суеты.

Одно только мы можемъ сказать по секрету, что когда чай окончательно былъ приготовленъ, наша молодая героиня сошла внизъ уже въ веселомъ расположеніи духа. Она не оплакивала своей судьбы, не жаловалась ни на кого, и умственный взоръ ея не встрѣчался ни съ холодностью Джорджа, ни съ зелеными глазками Ребекки. Войдя въ гостиную, она по-

цаловала отца и мать, и пустилась въ продолжительную бесѣду съ мистеромъ Седли, отчего старый джентльмень значительно повеселѣлъ противъ прежнихъ дней. Потомъ она сѣла за фортепьяно, купленное Доббиномъ, и проиграла всѣ старинныя любимыя пѣсенки своего отца. Чай, по ея мнѣнію, оказался превосходнымъ, и горячіе пирожки съ мармеладомъ были приготовлены отлично. Рѣшившись такимъ-образомъ осчастливить другихъ, она незамѣтно и сама почувствовала необыкновенное счастье въ своемъ сердцѣ, и уснула сладкимъ сномъ въ большомъ погребальномъ павильонѣ, гдѣ, по возвращеніи изъ театра, разбудилъ ее Даюрджъ, котораго она встрѣтила съ радостной улыбкой на устахъ.

На другой день, у мистера Джорджа были дѣла поважнѣе тѣхъ, которыя наканунѣ привели его въ театръ любоваться на игру господина Кина въ Шейлокѣ. Нсмедленно по прибытіи въ Лондонъ, онъ написалъ письмо къ адвокатамъ своего отца, извѣщая, что завтра поутру онъ намѣренъ удостоить ихъ лицезрѣніемъ своей особы. Трактирныя угощенья, бильярдныя и картежныя проигрыши Родона Кроли почти совершенно истожили кошелекъ молодаго человѣка, и онъ видѣлъ необходимость наполнить его передъ своимъ отъѣздомъ за границу. Единственнымъ его источникомъ были двѣ тысячи материнскаго наслѣдства, за которыми надлежало обратиться въ контору адвокатовъ. Джорджъ былъ убѣжденъ теоретически и практически, что отецъ его не долго будетъ питать гнѣвъ въ своей душѣ. И, помилуйте, могъ ли кто серьезно

разсердиться на такого превыспренняго героя, какимъ былъ мистеръ Джорджъ? Если еще до сихъ поръ его личныя достоинства и прошедшія заслуги не смягчили ожесточенную душу старика, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что будущая слава и геройскіе подвиги за границей заставятъ его мгновенно переимѣнить гнѣвъ на милость и съ любовью обратиться къ прославленному сыну... Ну, а если нѣтъ? Фи! какъ-будто свѣтъ тѣсенъ для него! Дороги лежатъ во всѣ четыре стороны, и онъ пойдетъ, куда ему угодно. Не все же будетъ онъ проигрывать въ карты, и притомъ, можно покутить довольно на двѣ тысячи фунтовъ.

Такимъ-образомъ, онъ отослалъ еще разъ Амелію къ ея матери, приказавъ обѣимъ дамамъ и уполномочивъ ихъ купить все необходимое для миледи, то-есть, для мистриссъ Джорджъ Осборнъ, отъѣзжающей за границу. Оставался одинъ только день для всѣхъ этихъ закупокъ, и легко вообразить, что мать и дочь трудились неутомимо. Разъѣзжая въ каретѣ изъ магазина въ магазинъ, старушка Седли опять была въ своей сферѣ, и наслаждалась совершеннѣйшимъ благополучіемъ въ первый разъ послѣ фамильнаго несчастія. Никакъ нельзя сказать, чтобъ и мистриссъ Эмми не чувствовала никакого удовольствія при покупкѣ разныхъ интересныхъ вещицъ, необходимыхъ для ея свѣтскаго туалета. Покорная волѣ своего супруга, она накупила значительное количество дамскихъ погремушекъ, обнаруживая при этомъ самый изящный вкусъ, какъ единодушно согласились всѣ негоціан-

ты и модистки, съ которыми она торговалась.

Относительно военныхъ дѣйствій, мистриссъ Осборнъ безпокоилась не слишкомъ много, такъ-какъ не было никакого сомнѣнiя, что Бонапарта раздавятъ въ одно мгновенiе ока и безъ всякой борьбы. Корабли отправлялись каждый день, наполненные свѣтскими дамами и кавалерами, ѣхавшими веселиться въ Брюссель и Гентъ. О войнѣ, собственно говоря, не стоило и хлопотать: войны не будетъ. Газеты и журналы весело хохотали надъ корсиканскимъ выскочкой, подвергая его всеобщему презрѣнiю и осмѣянiю въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей. Амелiя рѣшительно презирала Наполеона, потому-что, нечего и говорить — политическiя ея мнѣнiя основывались преимущественно на словахъ и доказательствахъ окружающихъ ее особъ, преимущественно капитана Доббина. Словомъ сказать, мистриссъ Джорджъ и мистриссъ Седли провели этотъ день какъ нельзя лучше, и Амелiя даже позволила себѣ сдѣлать нѣсколько весьма дерзкихъ предположенiй относительно своего будущаго появленiя и торжества въ салонахъ большого лондонскаго свѣта.

Джорджъ, между-тѣмъ, закрутивъ усы и надѣвъ шляпу на бекрень, отправился въ Сити на Бедфордскiй рядъ, и вошелъ въ контору адвоката съ такимъ джентльменскимъ видомъ, какъ-будто всѣ эти писаришки съ блѣдными лицами состояли подъ его верховной командой. Онъ приказалъ доложить мистеру Гиггсу, что его ожидаетъ господинъ Джорджъ

Осборнъ, такимъ гордымъ и повелительнымъ голосомъ, какъ-будто лондонскій стряпчій былъ какой-нибудь лакей, обязанный немедленно бросить всѣ свой дѣла и безпрекословно выполнить всѣ повелѣнія своего знаменитаго пришельца. Мистеръ Джорджъ далекъ былъ отъ мысли, что этотъ стряпчій умнѣе его по крайней мѣрѣ въ три раза, богаче его въ пятьдесятъ разъ; и опытнѣе его по крайней мѣрѣ въ тысячу разъ. Онъ не замѣтилъ презрительной улыбки, пробѣжавшей по всей комнатѣ, отъ перваго конторщика до послѣдняго писаря въ оборванномъ сюртукѣ, и величественно сѣлъ на стулъ, играя своей тросточкой, и думая, что это за скоты сидятъ здѣсь въ этой комнатѣ. Но эти скоты были въ совершенствѣ знакомы съ дѣлами мистера Джорджа. Они уже разсуждали о нихъ нѣсколько разъ въ трактирныхъ заведеніяхъ и погребкахъ съ своими пріятелями изъ другихъ конторъ. И боже мой, чего не знаютъ всѣ эти лондонскіе клерки? Ничто не можетъ укрыться отъ ихъ пронизательнаго взора; и они безмолвно завѣдываютъ фамильными дѣлами всей англійской столицы.

При входѣ въ кабинетъ мистера Гиггса, Джорджъ вѣроятно ожидалъ, что этотъ джентльмень обратится къ нему съ какими-нибудь мирными предложеніями со стороны его отца, но ничего этого не случилось: мистеръ Гиггсъ принялъ молодаго человѣка съ убійственной холодностью и притворился, будто пишетъ какую-то бумагу.

— Присядьте, сэръ, сказалъ мистеръ Гиггсъ, — мы сейча-

съ покончимъ ваше дѣльцо. Мистеръ Пой, потрудитесь пересмотрѣть бумаги этого господина.

И стряпчій опять принялся писать.

Когда Пой представилъ бумаги своему принципалу, онъ пересмотрѣлъ ихъ вновь, повѣрилъ проценты, и сказалъ, что вся сумма простирается до двухъ тысячъ фунтовъ.

— Угодно вамъ получить вексель на банкира, или ввѣрить ему капиталъ для приращенія законными процентами? сказалъ мистеръ Гиггсъ. Одинъ изъ довѣрителей покойной мистриссъ Осборнъ теперь за городомъ, прибавилъ стряпчій равнодушнымъ тономъ, но клиентъ мой поручаетъ выполнить всѣ ваши желанія, и покончить это дѣло какъ можно скорѣе.

— Дайте мнѣ вексель, сэръ, сказалъ угрюмо мистеръ Джорджъ. Избавьте себя отъ труда считать шиллинги и полупенсы, прибавилъ онъ, когда юристъ началъ подводить окончательный итогъ.

И увѣренный вполнѣ, что онъ озадачилъ этимъ великодушнѣмъ мелкаго писаку; мистеръ Джорджъ величественно вышелъ изъ его конторы съ векселемъ въ карманѣ.

— Черезъ два года этотъ молодецъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ, сказалъ мистеръ Гиггсъ господину Пою.

— Развѣ старикъ, вы думаете, не проститъ его?

— Могильные памятники не прощаютъ, отвѣчалъ мистеръ Гиггсъ.

— А онъ мигомъ прокутитъ эти денежки, сказалъ контор-

щикъ. Прошла только недѣля послѣ его свадьбы, а ужъ я видѣлъ вчера, какъ онъ съ своими товарищами, по выходѣ изъ театра, усаживалъ въ карету мистриссъ Хайфлайеръ.

Затѣмъ наступили другія дѣла, и съ этой минуты, мистеръ Джорджъ Осборнъ исчезъ навсегда изъ памяти этихъ достойныхъ джентльменовъ,

Вексель былъ написанъ на имя нашихъ пріятелей, госитдъ Гулькера и Буллока, которыхъ торговый домъ находился въ Ломбардской улицѣ. Туда мистеръ Джорджъ и направилъ свои шаги за полученіемъ двухъ тысячъ материнскаго наслѣдства. Фредерикъ Буллокъ сидѣлъ, по обыкновенію, въ конторѣ, за счетной книгой, когда вошелъ туда братъ его невѣсты. Его желтое лицо, при взглядѣ на нашего героя, подернулось еще болѣе мертвеннымъ цвѣтомъ, и онъ поспешилъ укрыться въ своемъ кабинетѣ. Джорджъ, слишкомъ занятый счетомъ своихъ денегъ (такой огромной суммы еще никогда не бывало въ его рукахъ), не замѣтилъ фізіономіи своего будущаго зятя, и не видѣлъ, какъ онъ исчезъ.

Фредерикъ Буллокъ подробно расказалъ старику Осборну о поведеніи его сына, и о способѣ появленія его въ контору.

— Онъ вошелъ очень гордо, и взялъ все, до послѣдняго шиллинга, сказалъ мистеръ Фредерикъ Буллокъ при свиданіи съ тестемъ. интересно знать, на сколько ему хватитъ этихъ двухъ тысячъ?

— По мнѣ все-равно, сказалъ мистеръ Осборнъ-старшій, хотя бы онъ промоталъ ихъ въ одинъ вечеръ. Это до меня не

касается.

Съ этой поры, Фредерикъ Буллокъ уже каждый день объѣдалъ на Россель-Скверѣ. Джорджъ Осборнъ былъ совершенно доволенъ своими распоряженіями. Его собственный багажъ и экипировка были поспѣшно приготовлены, и онъ расплатился за покупки Амеліи съ щедростью лорда.

Глава XXVI

Амелія соединяется съ своимъ полкомъ

Когда великолѣпная коляска Джоза подкатила къ воротамъ гостиницы въ Четемъ, взоръ Амеліи упаль прежде всего на дружеское лицо капитана Доббина, который около часа ходиль по улицѣ взадъ и впередъ, ожидая изъ Лондона своихъ друзей. Капитанъ былъ теперь въ военномъ мундирѣ, и его мужественная осанка произвела весьма выгодное впечатлѣніе на сердце Джоза: статскій джентльменъ гордился своимъ знакомствомъ съ воиномъ, и съ радостью протянулъ ему руку. Это было уже не то, что въ Брайтонѣ, гдѣ мистеръ Джозъ едва удостоиваль взглядомъ честнаго Вилльяма.

Вмѣстѣ съ капитаномъ былъ теперь прапорщикъ Стобблъ, который, при взглядѣ на Амелію, подѣхавшую къ гостиницѣ, не могъ удержаться отъ восклицанія.

— Боже мой! какая она хорошенькая! И затѣмъ онъ сдѣлалъ весьма выгодный отзывъ объ изящномъ вкусѣ мистера Осборна, выбравшаго себѣ такую жену, Въ самомъ дѣлѣ, Амелія въ своей розовой шляпкѣ и съ розовымъ личикомъ, освѣженнымъ быстрою ѣздой на открытомъ полѣ, была такъ милостива, что вполнѣ оправдывала комплиментъ

молодого человѣка. Съ этой минуты Доббинъ полюбилъ прапорщика Стоббля. Когда онъ выступилъ впередъ, чтобы высадить молодую леди, Стоббль увидѣлъ, какую миньятюрную ручку она протянула капитану, и замѣтилъ, какая маленькая, прелестная ножка опустилась на ступени экипажа. Молодой человѣкъ покраснѣлъ какъ піонъ, и сдѣлалъ самый лучший поклонъ, къ какому только былъ способенъ. Амелія, замѣтивъ номеръ Трильйоннаго полка на его фуражкѣ, отвѣчала ему ласковой улыбкой и прелестнымъ кинксемомъ, и это окончательно сбило съ толку молодого человѣка.

Доббинъ и мистеръ Стоббль рѣшительно подружились. Съ этого времени, они часто разговаривали о мистриссъ Джорджъ въ своихъ уединенныхъ прогулкахъ, и капитанъ охотно выслушивалъ отзывы прапорщика о ея блистательной красотѣ. Скоро между всѣми честными молодыми людьми вошло въ моду обожать мистриссъ Осборнъ и удивляться ея талантамъ. Ея простое, безыскусственное обращеніе и скромныя манеры одержали рѣшительную побѣду надъ этимъ неиспорченными сердцами. Мы не беремся описывать, въ чемъ состояла эта простота, безыскусственность и скромность въ мистриссъ Джорджъ. Кто не видѣлъ женщинъ, обнаруживающихъ эти качества даже тогда, когда онѣ говорятъ вамъ, что сегодня теплая погода, или, что ихъ ангажировали на слѣдующую кардриль? Джорджъ поднялся теперь на необозримую высоту въ глазахъ всѣхъ этихъ господъ, ободрявшихъ его безкорыстную женитьбу на безприданной

красавицѣ, и удивлявшихся его изящному вкусу при выборѣ жены.

Въ гостиной, куда вошли путешественники по приѣздѣ въ Четемъ, Амелія, къ величайшему удивленію, нашла письмо, адресованное на имя мистриссъ капитанша Осборнъ. Это былъ треугольный билетикъ на розовой бумагѣ, запечатанный голубицей, державшей во рту оливковую вѣтвь. Адресъ былъ сдѣланъ большими неровными буквами, обличавшими женскій почеркъ.

– Посланіе отъ мистриссъ Пегги Одаудъ, сказалъ Джорджъ улыбаясь, – ея рука и ея печать.

Джорджъ не ошибся. Мистриссъ майорша Одаудъ, свидѣтельствуя свое искреннее уваженіе госпожѣ капитаншѣ Осборнъ, покорнѣйше просила ее къ себѣ на вечеръ въ этотъ самый день.

– Ты должна идти, сказалъ Джорджъ. Здѣсь ты познакомишься съ нашими дамами и джентльменами. Мистриссъ Пегги очень интересная дама. Мужъ состоитъ у ней подъ командой.

Но недолго юные супруги наслаждались письмомъ мистриссъ майорши Одаудъ. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и въ гостиную вошла довольно плотная, веселая леди, сопровождаемая двумя офицерами Трильйоннаго полка

– Охъ, упаточилась! Не могла дожидаться до вечера, не утерпѣла. Кептенъ Джорджъ, сударь мой, представьте меня

вашей леди. Сударыня, мнѣ ужасъ какъ пріятно васъ видѣть и отрекомендовать вамъ моего мужа. Майоръ Одаудъ, сударыня, – майорша Одаудъ, къ вашимъ услугамъ.

И съ этими словами, веселая леди въ амазонскомъ платьѣ крѣпко пожала руку мистриссъ Джорджъ. Амелія немедленно угадала въ ней ту самую даму, надъ которой такъ часто смѣялся ея супругъ.

– Вы, разумѣется, частенько слышали обо мнѣ отъ вашего супруга, продолжала веселая леди съ большою живостью.

– Вы часто слышали о ней, повторилъ ея супругъ, мистеръ Одаудъ.

Амелія, улыбаясь, проговорила, что имѣла эту честь.

– Что жъ онъ вамъ говорилъ обо мнѣ, красавица моя? Ничего добраго, ужъ я знаю; кептенъ Джорджъ презлой кавалеръ, сказала мистриссъ Одаудъ.

– Въ этомъ я порука, дополнилъ майоръ Одаудъ, стараясь принять шуточный тонъ.

Джорджъ засмѣялся; мистриссъ Одаудъ хлопнула хлыстикомъ, и сказала супругу, чтобы онъ держалъ языкъ на привязи. Обращаясь потомъ къ Джорджу, она потребовала, чтобы ее представили, какъ слѣдуетъ, мистриссъ капитаншѣ Осборнъ.

– Честь имѣю представить тебѣ; мой другъ, сказалъ Джорджъ съ большою важностью, мою добрую, милую, несравненную пріятельницу, которую ты видишь. Это Авралія Маргарита, или, сокращенно-называемая, Пегги.

– Истинно такъ, перебилъ майоръ.

– Сокращенно-называемая Пегги, супруга майора Михаила Одауда изъ нашего полка, и дочь господина Фицджерльда Бертсфорда Бурго Мелони изъ Гленмелони, въ Кильдерскомъ Графствѣ.

– Что на Муреинскомъ-Скверѣ, въ Дублинѣ, дополнила леди съ высокимъ спокойствіемъ.

– Истинно-такъ, на Муреинскомъ-Скверѣ, прошепталь супругъ.

– Гдѣ ты въ первый разъ, майоръ, принялся ухаживать за мной, гдѣ мы и обвѣнчались, заключила торжествующая леди.

Майоръ согласился, какъ на этотъ, такъ и на другіе предложенные ему пункты.

Майоръ Одаудъ, служившій своему отечеству во всѣхъ частяхъ свѣта, былъ скромный, молчаливый, кроткій и короткій человѣкъ, вполне подчиненный своей супругѣ. За столомъ, въ общемъ собраніи, онъ сидѣлъ, по обыкновенію, безмолвно, и пилъ одну рюмку за другою. Пресыщенный и нагруженный, онъ безмолвно возвращался домой, описывая на дорогѣ полукруги. Разговаривая съ кѣмъ-нибудь, онъ считалъ своей обязанностью соглашаться со всѣми, во всѣхъ возможныхъ пунктахъ. Жизнь его протекла спокойно, безъ всякихъ душевныхъ волненій и тревогъ. Знойные лучи индійскаго солнца не разогрѣли его холодной природы, и валькернская лихорадка не испортила его крови. Онъ шель

на поле битвы съ такимъ же равнодушiемъ, какъ на званый обѣдъ; кушаль лошадиное мясо и черепаховый супъ съ одинаковымъ аппетитомъ. Была у него старушка-мать, мистриссъ Одаудъ, которую онъ очень любилъ, и одинъ только разъ огорчилъ, когда вздумалъ жениться на этой ненавистной Пегги Мелони.

Пегги была одною изъ пяти сестеръ и одиннадцати дѣтей благороднаго дома Гленмелони; супругъ ея приходился ей кузеномъ съ матерней стороны; но это не давало ему завиднаго права принадлежать къ фамиліи Мелони, которую мистриссъ Одаудъ считала знаменитѣйшею въ цѣломъ мiрѣ. Девять сезоновъ юная Пегги провела въ Дублинѣ, и два лѣта въ Челтенгемѣ на водахъ, отыскивая, съ возможнымъ усердiемъ, постояннаго спутника для своей жизни; но, рискуя на вѣкъ остаться старой дѣвственницей, миссъ Мелони, на тридцать-третьемъ году отъ рожденiя, приказала кузену своему, Михаилу, обвѣнчаться на ней какъ можно скорѣе; не испрашивая даже соизволенiя почтенной родительницы. Добрый кузень немедленно исполнилъ ея волю, и обвѣнчавшись, отвезъ свою супругу въ Вест-Индію, гдѣ его записали въ Трильйонный полкъ. Вскорѣ мистриссъ Одаудъ заняла первое мѣсто между дамами этого полка.

Едва прошло минутъ двадцать послѣ ея знакомства съ Амеліей, какъ мистриссъ Одаудъ успѣла рассказать ей всю свою родословную отъ перваго до послѣдняго колѣна. Такъ-въ ужь былъ ея характеръ.

– Скажу вамъ запросто; моя милая! говорила мистриссъ Одаудъ, что сначала мнѣ хотѣлось самой породниться съ Джорджемъ, и сестра моя Глорвина была бы для него хорошая невѣста. Но ужь прошлаго, разумѣется, не воротишь, и такъ-какъ онъ женился на васъ, я дала себѣ слово считать васъ своей сестрою, обходиться съ вами именно какъ съ сестрой и любить васъ, какъ добрую родственницу изъ фамиліи Мелони. У васъ предоброе личико, моя милая, и я почти увѣрена, что мы сойдемся: вы будете, нѣкоторымъ-образомъ, служить прибавленіемъ къ нашей фамиліи.

– Я самъ такихъ же мыслей, подтвердилъ майоръ Одаудъ.

Такимъ-образомъ, Амелія внезапно приобрѣла себѣ значительную коллекцію новыхъ родственниковъ. Это ее крайне забавляло, и она; улыбаясь, благодарила майоршу за предложенную честь.

– Мы всѣ здѣсь добрые пріятели, продолжала мистриссъ Одаудъ. Ни въ одномъ полку вы не найдете еще такой пріятной компаніи, какъ за нашимъ общимъ столомъ. Мы не бранимся, не ссоримся, не сплетничаемъ, и всѣ, можно сказать, какъ родственники любимъ другъ друга.

– Особенно, я думаю, вы любите мистриссъ Медженисъ, сказала Джорджъ улыбаясь.

– Мистриссъ капитанша Медженисъ недавно помирилась со мной; и я простила ее великодушно, хотя, нечего сказать, обхожденіе этой выскочки могло бы довести до могилы мои сѣдые волосы.

– Но у тебя волосы, другъ мой Пегги, какъ воронье крыло, замѣтилъ мистеръ Одаудъ.

– Держи языкъ на привязи, гдѣ тебя не спрашиваютъ, Миккъ, перебила достойная супруга. Вотъ эти мужья, моя милая, всегда перебиваютъ наши слова. Когда мы останемся однѣ; я расскажу вамъ всѣ подробности о нашемъ полку, и посоветую, какъ вамъ держаться между нашею молодежью. Теперь представьте меня вашему братцу – чудесный кавалеръ! Онъ напоминаетъ мнѣ моего кузена, Даниеля Мелони изъ Беллимелони, который – можетъ-быть, вы слышали, моя милая? – женился на Орфалии Скулли, собственной кузинѣ лорда Польдуди. Мистеръ Седли, сэръ, я очень рада познакомиться съ вами: считайте меня вашей родней. Вы сегодня обѣдаете съ нами въ гостинницѣ, за общимъ столомъ. Припомни докторскіе совѣты. Миккъ, и ужъ я прошу тебя быть трезвымъ сегодня по крайней мѣрѣ, для моего вечера.

– Сегодня, моя милая, Бильйонный полкъ даетъ намъ прощальный обѣдъ, сказалъ майоръ Одаудъ, но мы постараемся достать пригласительный билетикъ для мистера Седли.

– Бѣгите, Симпель (прапорщикъ Симпель, моя милая, изъ нашего полка: я забыла отрекомендовать его вамъ). Бѣгите, Сиюель, какъ можно скорѣе, къ полковнику Тевишу, свидѣльствуйте ему почтеніе отъ мистриссъ майорши Одаудъ, и скажите, что капитанъ Осборнъ привезъ своего шурина, который желаетъ быть представленнымъ Бильйонному полку сегодня на обѣдѣ, въ пять часовъ. А мы съ вами, капитанша,

перехватимъ чего-нибудь здѣсь, если вамъ угодно.

Прежде чѣмъ мистриссъ Одаудъ кончила свою рѣчь, мистеръ Симпель бѣжалъ уже сломя голову выполнять ея порученія.

— Мы пойдемъ исправлять свои обязанности, а вы, мистриссъ Одаудъ, останетесь здѣсь и примете на себя трудъ просвѣтить мою жену, сказалъ Джорджъ Осборнъ.

И два капитана, вмѣстѣ съ майоромъ, вышли изъ дверей. Оставшись теперь наединѣ съ своимъ новымъ другомъ, неутомимая майорша Одаудъ принялась рассказывать такія многочисленныя подробности, которыя никакъ не могли удержаться въ памяти неопытной женщины, очутившейся такъ внезапно въ этомъ новомъ кругу. Амелія слушала, молчала, удивлялась, и по большей части ничего не понимала.

— Мистриссъ Гевитопъ, жена полковника Гевитопа, повѣствовала майорша Одаудъ, умерла въ Ямайкѣ отъ жолтой лихорадки я, если сказать правду, отъ тоски, потому-что муженёкъ ея дѣлалъ глазки всѣмъ леди, нѣтъ нужды, что голова гладка, какъ пушечное ядро. Мистриссъ Медженись — женщина безъ всякаго образованія, сплетница, клеветница, обманываетъ даже свою собственную сестру, когда играетъ съ нею въ карты. Мистриссъ капитанша Киркъ — пропащая картежница. Вотъ вы увидите, какъ она хлопаетъ своими раковыми глазами, когда приглашаютъ ее на вистъ. Ни одна изъ этихъ женщинъ не поѣдетъ съ полкомъ, прибавила мистриссъ Одаудъ. Фанни Медженись остается съ своей мате-

рю, которая торгуетъ углями и картофелемъ, по всей вѣроятности, въ Ислингтонѣ; недалеко отъ Лондона, хотя она всегда хвастаетъ овцами своего отца, и указываетъ на нихъ, когда онѣ гуляютъ на берегу. Мистриссъ Киркъ остается съ своими дѣтьми при Бетезда-Плесѣ; чтобъ почаще видѣть доктора Рамсгорна, въ котораго она, между нами, влюбилась по-уши. Мистриссъ Бунни въ интересномъ положеніи... то есть, говоря правду, она всегда въ интересномъ положеніи, и ужъ подарила своему мужу, поручику, семерыхъ дѣтей. Жена прапорщика Поски недавно вышла замужъ, моя милая, всего только два мѣсяца передъ вашей свадьбой, и ужъ она разъ двадцать ссорилась съ своимъ мужемъ. Поски, говорятъ, хочетъ развестись съ ней. Она уйдетъ къ своей матери, содержательницѣ женскаго пансіона въ Ричмондѣ. А вы гдѣ воспитывались, моя милая? Я воспитывалась у мадамъ Фленегень, недалеко отъ Дублина: французская маркиза учила насъ парижскому произношенію, а французскій графъ преподавалъ намъ всѣ науки. На мое образованіе, скажу я вамъ, не щадили никакихъ издержекъ.

И въ это замѣчательное общество, описанное съ такимъ эффектомъ, мистриссъ Одаудъ представила изумленную Амелию, какъ свою младшую сестру. Представленіе совершилось вечеромъ, въ продолженіе чайной церемоніи, когда всѣ кумушки собрались въ квартирѣ мистриссъ майорши Одаудъ. Такъ-какъ мистриссъ капитанша Осборнъ отнюдь не принадлежала къ числу блистательныхъ красавицъ, и бы-

ла притомъ довольно простодушна, то всѣ эти дамы дѣлали о ней весьма лестные и выгодные отзывы вплоть до прибытія джентльменовъ, воротившихся съ обѣда. Джентльмены всѣ нашли единогласно, что Амелія чудо какъ хороша, и это, для прелестныхъ сестрицъ, послужило сигналомъ къ возмущенію противъ мистриссъ Джорджъ.

— Остепенится ли теперь Осборнъ, желала бы я знать? сказала мистриссъ Медженисъ поручщѣ Бунни.

Бунни отрицательно покачала головой.

— Ну, моя милая, если этотъ безпardonный кутила сдѣлается порядочнымъ человѣкомъ, жена его будетъ совершенно счастлива; замѣтила мистриссъ майорша Одаудъ прапорщицѣ Поски; которая до сихъ поръ считалась новобрачною въ полку, и была теперь очень сердита на Амелію, отнявшую у нея этотъ интересный постъ.

Мистриссъ Киркъ, ученица достопочтеннаго доктора Рамсгорна, предложила нашей героинѣ два три вопроса изъ умозрительной эстетики, и хотя Амелія, помнившая хорошо институтскія лекціи, отвѣчала безъ запинки, однакожь мистриссъ Киркъ вывела заключеніе, что умъ ея блуждаетъ еще во мракѣ и требуетъ значительнаго просвѣтленія, почему она и отрекомендовала ей нѣсколько полезныхъ книгъ эстетически-назидательнаго содержанія.

Но мужчины всѣ безъ исключенія, какъ народъ правдивый и честный, сгруппировались около хорошенькой жены своего собрата, и принесли ей обильную дань любезностей и

комплиментовъ. Амелія торжествовала, и въ глазахъ ея проглядывало искреннее удовольствіе отъ джентльменскихъ похвалъ. Джорджъ гордился популярностью своей жены, и былъ вполнѣ доволенъ ея робкими и граціозно-наивными манерами, съ какой она отвѣчала на комплименты джентльменовъ. И какъ прекрасенъ былъ онъ самъ въ своемъ военномъ мундирѣ! Никто, рѣшительно никто изъ всѣхъ этихъ господъ не могъ сравниться съ капитаномъ Осборномъ. Амелія чувствовала, что онъ съ любовью наблюдаетъ ея движенія, и сердце ея пламенѣло отъ живѣйшаго восторга.

«Я буду ласкова и любезна со всѣми его друзьями», рѣшилась она во глубинѣ души, «я буду любить всѣхъ, кто любитъ его. Моя обязанность – быть веселою и обходиться радушно со всѣми, кого онъ принимаетъ.»

Весь полкъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ въ восторгѣ отъ капитанши Джорджъ. Старикъ Кутлеръ, докторъ медицины и хирургіи, сказалъ на ея счетъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ; мистеръ Каттль, бывший студентъ Эдинбургской коллегіи, принялъ на себя трудъ проэкзаменовать ее по литературной части, и даже сообщилъ ей нѣсколько ученыхъ мнѣній на французскомъ діалектѣ. Молодой Стоббль переходилъ отъ одного товарища къ другому и безпрестанно шепталъ: «смотрите, какъ она хороша!» Самъ онъ не спускалъ съ нея глазъ до той поры, какъ подали глинтвейнъ.

Но капитану Доббину весьма немного удалось поговорить съ ней во весь этотъ вечеръ. Онъ и мистеръ Портеръ, капи-

танъ Бильйоннаго полка, должны были проводить въ гостиницу мистера Джоза, который пилъ черезъ-чуръ много, что однакожь не мѣшало ему рассказывать съ великимъ эффектомъ свою повѣсть о тигровой охотѣ, какъ за общимъ столомъ, такъ и на *soirée* у мистриссъ майорши Одаудъ. Передавъ сборщика податей и пошлѣвъ на руки его лакея, мистеръ Доббинъ пошелъ бродить вокругъ гостиницы съ сигарою во рту. Джорджъ между-тѣмъ осторожно закуталъ шалью свою жену и увелъ ее отъ мистриссъ Одаудъ послѣ дружескаго прощанья съ молодыми офицерами, которые проводили мистриссъ Джорджъ до кабриолета и наблюдали, какъ она поѣдетъ. По приѣздѣ домой; Амелія граціозно протянула свою миньятюрную ручку мистеру Доббину, и, улыбаясь, побранила его за то, что онъ не обращалъ на нее вниманія въ этотъ вечеръ.

Капитанъ продолжалъ гулять и курить свою сигару, тогда-какъ гостиница и всѣ четемскіе дома уже спали крѣпкимъ сномъ. Онъ наблюдалъ, какъ огонь исчезъ въ гостиной Джорджа, и какъ потомъ онъ засвѣтился въ его спальнѣ. Было почти утро, когда капитанъ Доббинъ воротился въ свою квартиру. Онъ слышалъ движеніе на корабляхъ, принимавшихъ на рѣкѣ свой предуготовительный грузъ, чтобы пуститься въ дальнѣйшій путь.

Глава XXVII

Амелія дѣлаетъ нашествіе на Нидерланды

Весело развѣвались на рѣкѣ флаги кораблей, готовыхъ принять на свой борты офицеровъ и солдатъ Трильйоннаго полка. Приготовленія къ отплытію въ Ост-Энде были приведены къ вождѣльному концу, и черезъ два дня послѣ пиршества въ апартаментахъ мистриссъ майорши Одаудъ, транспортъ двинулся съ мѣста, при веселыхъ крикахъ съ остиндскихъ кораблей, и при громогласныхъ восклицаніяхъ военныхъ товарищей, оставшихся на берегу. Офицеры махали шляпами, экипажъ дружно отвѣчалъ громкими «ура», полковая музыка наигрывала національный гимнъ: «Боже, храии короля». Картина была великолѣпная, торжественная, трогательная.

Веселый Джой, между-тѣмъ, проникнутый рыцарственнымъ духомъ, охотно согласился быть въ этомъ походѣ спутникомъ своей сестры и госпожи майорши, которой движимое имущество, со включеніемъ знаменитой райской птицы и параднаго тюрбана, находилось при полковомъ багажѣ. Не имѣя такимъ-образомъ лишняго на своихъ плечахъ, эти двѣ героини поскакали въ Рамсгетъ, чтобъ оттуда немедленно отправиться въ Ост-Энде.

Сей періодъ жизни, наступившій для сборщика индійскихъ податей и пошлинъ, былъ преисполненъ великими событіями, доставлявшими ему неистощимые матеріялы для поэтической бесѣды. Онъ позабылъ даже, на нѣсколько лѣтъ сряду, свою героическую поэму о тигровой охотѣ, чтобы повѣствовать о разнообразныхъ эпизодахъ изъ ватерлооской битвы, гдѣ онъ самъ, по его словамъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Было замѣчено съ пріятнымъ изумленіемъ, что, согласившись провѣжати свою сестру въ чужіе края, мистеръ Джой пересталъ подвергати операціи бритья свою верхнюю губу. Впродолженіе пребыванія своего въ Четемъ, онъ слѣдилъ съ неутомимымъ прилежаніемъ за всѣми парадами и ученіемъ солдатъ. Онъ прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ къ разговору своихъ товарищей-офицеровъ (какъ онъ послѣ называлъ ихъ), и заучилъ наизусть многое множество военныхъ именъ изъ кодекса стратегіи и тактики. При этой эрудиціи, онъ обыкновенно пользовался наставленіями мистриссъ майорши Одаудъ, знакомой въ совершенствѣ со всѣми подробностями военнаго артикула. Когда, наконецъ, они вступили на бортъ «Нѣжной Розы», отплывавшей въ Ост-Энде, мистеръ Джой явился между пассажирами въ щегольскомъ сюртукѣ съ плетеными шнурками на груди, въ бѣлыхъ лосинныхъ панталонахъ и военной фуражкѣ, украшенной золотою кокардой. Такъ-какъ при немъ была великолѣпная карета, и притомъ онъ сообщилъ, по довѣренности, нѣкоторымъ лицамъ, что ѣдетъ присо-

единиться къ арміи герцога Веллингтона, то пассажиры вообще приняли его за великую особу въ родѣ генераль-коммисара, или по крайней мѣрѣ правительственнаго курьера.

Дорогой онъ страдалъ невыразимо, и только сильный пуншъ изъ арака предохранялъ его отъ роковыхъ послѣдствій морской болѣзни. Его спутники также имѣли утомленный и болѣзненный видъ; но Амелія быстро оживилась, повесѣла и воскресла духомъ, когда увидѣла у береговъ Ост-Энде корабли съ Трильйоннымъ полкомъ. Пакетботъ «Нѣжная Роза» вступилъ съ ними въ гавань почти въ одно и тоже время. Изнуренный Джозъ поковылялъ къ гостинницѣ, пошатываясь съ боку на бокъ, между-тѣмъ какъ расторопный кептенъ Доббинъ поспѣшилъ принять на берегъ прекрасныхъ леди, и потомъ занялся освобожденіемъ джозовой коляски и багажа изъ таможи, такъ-какъ при особѣ Джо-за теперь не было слуги. Человѣкъ Осборна и откормленный челядинецъ индійскаго набоба свели между собою за-кадышную дружбу въ Четемѣ, гдѣ они и остались, отказавшись на отрѣзъ слѣдовать за своими господами черезъ море. Этотъ лакейскій умыселъ обнаружился, совершенно неожиданно, уже въ послѣдній день пребыванія нашихъ героевъ на британской почвѣ, такъ-что для нихъ не осталось досуга нанять новыхъ слугъ. Это обстоятельство разстроило набоба до такой степени, что онъ уже хотѣлъ совсѣмъ отказаться отъ заграничной экспедиціи, да-таки и отказался бы, еслибъ не кептенъ Доббинъ, который доказалъ ему какъ два-

жды два, что благородный джентльменъ долженъ, въ рѣшительныя минуты жизни, стоять выше всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ. Къ этимъ доказательствамъ присоединились весьма кстати остроумные комплименты насчетъ усовъ, достигшихъ весьма значительной зрѣлости на верхней губѣ отставного сборщика индійскихъ податей и пошлинъ. Джозъ махнулъ рукой, и поѣхаль — поѣхаль, да и пріѣхаль. Мѣсто благовоспитаннаго и благовыкормленнаго лондонскаго лакея, говорившаго только на своемъ отечественномъ языкѣ, Вильямъ Доббинъ нанялъ для Джоза загорѣлаго и сухопараго Бельгійца, который съ одинаковымъ искусствомъ, говорилъ на всѣхъ европейскихъ діалектахъ, то-есть; въ строгомъ смыслѣ, не говорилъ ни на одномъ, какъ большая часть полиглоттовъ, занимающихся ученой разработкой древнихъ и новѣйшихъ языковъ. Зато юркій Бельгіецъ умѣлъ отлично произносить титулъ милорда, и повторяя его безпрестанно, пріобрѣлъ въ скоромъ времени совершеннѣйшее благоволеніе Джоя. Времена теперь перемѣнились для Ост-Энда. Нѣтъ болѣе лордовъ между Британцами, пріѣзжающими туда, и немногіе изъ нихъ сохраняютъ степенно-величавую осанку, свойственную почтеннымъ членамъ англійской наследственной аристократіи. Мѣсто ихъ заступили довольно грязные джентльмены въ разнообразныхъ костюмахъ, любители бильярда, водки, и страшные потребители сигарь.

Но можно сказать и доказать, что каждый Англичанинъ въ арміи герцога Веллингтона расплачивался честно. Вос-

поминаніе объ этомъ сохранилось до сихъ поръ между всѣми магазинщиками, погребщиками и содержателями мелочныхъ лавокъ. Нашествіе такой арміи было, въ нѣкоторомъ смыслѣ, благословіемъ для коммерческой страны, обязавшейся снабжать жизненными потребностями честныхъ воиновъ Веллингтона. Они пришли покровительствовать странѣ, не отличавшейся воинственнымъ духомъ. Другіе народы и другія племена сражались на ихъ почвѣ съ незапамятныхъ временъ. Когда писатель этой исторіи принялся, въ свою заграничную поѣздку, обозрѣвать орлинымъ взглядомъ поле ватерлооской битвы, мы спросили у кондуктора, имѣвшаго воинственную наружность, былъ ли онъ тогда на этомъ мѣстѣ. «Pas si bkte», отвѣчалъ кондукторъ скороговоркой, обнаруживая таяимъ образомъ чувство, въ которомъ не признается ни одинъ Французъ. Но, съ другой стороны, кучеръ дилижанса, получившій отъ насъ на водку двадцать-пять сантимовъ, былъ сынъ какого-то виконта наполеоновскихъ временъ,

Никогда эта страна не была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ при началѣ лѣта 1815 года, когда ея спокойные города и зеленыя поля оживились красными мундирами разнообразныхъ полковъ, и когда блистательные экипажи Аигличанъ появились на всѣхъ пунктахъ широкаго и гладкаго шоссе. Весело было видѣть, какъ порхали по каналамъ красивыя шляпки съ англійскими путешественниками мимо богатыхъ пастбищъ, живописныхъ старыхъ деревень и мимо

старыхъ замковъ, расположенныхъ между старыми деревьями. Миротлюбивое расположеніе духа проявлялось повсюду, и нельзя было смотрѣть безъ трогательнаго умиленія, какъ честный англійскій солдатъ расплачивался за рюмку водки въ деревенскомъ трактирѣ. Мистеръ Глейгъ въ своихъ запискахъ, недавно изданныхъ, приводитъ фактъ еще болѣе трогательный: нѣкто Дональдъ, шотландскій воинъ, квартировавшій на фламандской фермѣ, качадъ колыбель младенца въ ту пору, какъ родители его; Жанъ и Жанета, отправлялись на сѣнокосъ. Сцены въ этомъ родѣ, объясняющія принципъ честной англійской войны, могутъ быть превосходными сюжетами для національныхъ живописцевъ, обнаруживающихъ съ нѣкотораго времени рѣшительную наклонность къ историческимъ картинамъ. Все, казалось, дышало счастьемъ и довольствомъ на этой благодатной почвѣ. Наполеонъ между-тѣмъ, скрывавшійся въ пограничныхъ крѣпостяхъ, готовился нахлынуть на эти золотыя поля, чтобъ оросить ихъ потоками человѣческой крови.

Всѣ и каждый питали безграничное чувство довѣренности къ главнокомандующему англійскимъ войскомъ. Герцогъ Веллингтонъ возбуждалъ въ своихъ воинахъ такой же энтузіазмъ, какой нѣкогда обнаруживали Фраицузы подъ командой своего вождя. Порядокъ вездѣ и во всемъ былъ превосходный, и никто не думалъ бояться за себя, надѣясь на всесильную защиту. Джозъ и его спутницы, несмотря на робость, свойственную ихъ полу, наслаждались совершеннѣй-

шимъ комфортомъ, какъ и всѣ англійскіе туристы. Знакомые намъ офицеры Трильйоннаго полка разъѣзжали беззаботно на красивыхъ ботикахъ и шлюпкахъ изъ Ост-Энде въ Брюгге и Гентъ, изъ Гента въ Брюссель. Джозъ на всѣхъ этихъ гуляньяхъ былъ неразлучнымъ спутникомъ прекрасныхъ леди, и ему особенно нравились эта фландрскія лодки, замѣчательныя въ самомъ дѣлѣ по своему роскошному убранству. Каждый могъ на нихъ ѣсть и пить, сколько душѣ угодно, и въ этомъ отношеніи нидерландскія шлюпки пріобрѣли такую славу, что оставили даже послѣ себя весьма наивную легенду. Одинъ англійскій туристъ, пріѣхавшій въ Бельгію только на недѣлю, до того полюбилъ путешествія и угощенія на публичныхъ шлюпкахъ, что началъ переѣзжать безпрестанно изъ Гента въ Брюгге и обратно до тѣхъ поръ, пока не были наконецъ изобрѣтены желѣзныя дороги, и тогда бѣднякъ, озадаченный этимъ изобрѣтеніемъ, утопился съ горя на послѣдней увеселительной поѣздкѣ въ Брюгге. мистеру Джозу не суждено было такимъ способомъ покончить свой животъ; но зато онъ наслаждался вдоволь, и мистриссъ Одаудъ была убѣждена, что для полного его блаженства недоставало только сестрицы ея, Глорвины. Сборщикъ податей и пошлинъ просиживалъ по цѣлымъ днямъ на палубѣ, пилъ безъ устали фламандское пиво, безпрестанно кричалъ на своего слугу, Исидора, и любезничалъ безъ умолку съ прелестными леди. Геройству его справедливо изумлялся весь женскій полъ.

– Бонапартъ вздумалъ аттаковать *насъ* – вотъ исторія! го-

лосиль воинственный мистеръ Джозефъ Седли; — послушай, Эмми, дружокъ мой, не бойся, сестра: опасности нѣтъ никакой. Мѣсяца черезъ два, никакъ не больше, союзники будутъ въ Парижѣ, и не будь я братъ твой Джой, если мы не станемъ съ тобой обѣдать въ Палеройялѣ. Это ужъ я тебѣ говорю. Да и чего тутъ робѣть? Триста-тысячъ Русскихъ идутъ во Францію черезъ Майнцъ и Рейнь... триста-тысячъ! моя милая, подѣ командой Витгенштейна и Барклая-де-Толли, знаменитѣйшихъ полководцевъ, дружочекъ ты мой. Въ военныхъ дѣлахъ, душа моя, ты, разумѣется, не смыслишь ничего, а я понимаю ихъ какъ свои пять пальцевъ. Не французкой пѣхотурѣ устоять противъ желѣзной русской пѣхоты, и у Бонапарта не найдется генерала, годнаго даже въ адъютанты Витгенштейну. И потомъ еще, пятьсотъ тысячъ Австрійцевъ, и всѣ они тетерь только въ десяти переходахъ отъ бельгійской границы, подѣ командой Шварценберга и принца Карла. Изъ Пруссiи тоже подвигаются храбрыя войска подѣ командой принца Маршала, а это, сударыня ты моя, такой отважный и храбрый полководецъ, съ какимъ развѣ можно было бы сравнить одного Мюрата. Какъ вы думаете объ этомъ, мистриссъ Одаудъ? Мюратъ и принцъ Маршалъ стоятъ одинъ другаго — э? И выходить, что сестрѣ моей нечего бояться: не такъ-ли, Исидоръ? Послушай, любезный, еще бутылку пива.

Мистриссъ Одаудъ объявила, что сестрица ея, Глорвина, не робкаго десятка, и въ глазахъ ея ни почемъ всѣ эти полчища Французовъ. Затѣмъ она выпила стаканъ пива съ такими

сладкими ужимками, изъ которыхъ ясно значилось, что она чрезвычайно любила этотъ напитокъ.

Чего не дѣлаетъ привычка? Сталкиваясь безпрестанно съ своими непріятелями на полѣ битвы, то-есть, на паркетномъ полу въ Челтенгемѣ и Батѣ, индійскій нашъ герой былъ уже теперь далеко не такъ робокъ, какъ въ былыя времена, и краснорѣчіе изливалось изъ его устъ быстрѣйшимъ потокомъ, особенно, когда горячительные напитки вдохновляли его умъ. Трильйонгій полкъ полюбилъ душевно безцеремоннаго Джоя, и солдаты забавлялись вдоволь надъ его воинственною осанкой. Какъ нѣкогда козель путешествовалъ всегда съ однимъ полкомъ, такъ и теперь, по словамъ Джорджа, шуринъ его замѣнялъ мѣсто слона для Трильйоннаго полка.

Со времени появленія Амеліи въ Трильйонномъ полку, Джорджъ началъ стыдиться за нѣкоторыхъ членовъ своей обычной компаніи, которымъ онъ принужденъ былъ представить мистриссъ Осборнъ, и этотъ фальшивый стыдъ, усиливаясь постепенно, вдохнулъ въ него рѣшимость перейти въ какой-нибудь другой, лучшій полкъ, чтобы освободить свою супругу отъ общества этихъ пошлыхъ и жалкихъ женщинъ, незнакомыхъ съ манерами и обращеніемъ джентльменскаго круга. Можно вообразить, съ какими чувствами другъ Доббинъ выслушалъ отъ него эту новость. Дѣло извѣстное, что мужчины гораздо въ большей степени, чѣмъ женщины (за исключеніемъ впрочемъ великосвѣтскихъ леди) способны стыдиться вульгарныхъ обществъ, и мистриссъ Джор-

дждь, добродушное и наивное созданіе, отнюдь не понимала этого искусственнаго стыда. Голова мистриссъ Одаудъ украшалась павлиньимъ перомъ, и на груди ея постоянно красовался огромный репетиръ, которымъ она любила позванивать при всякомъ удобномъ случаѣ, рассказывая, какимъ образомъ нѣжный родитель подарилъ ей эти часики немедленно послѣ свадьбы. Эти украшения и нѣкоторыя другія внѣшнія особенности почтенной майорши невыразимо мучили деликатную чувствительность капитана Осборна всякій разъ, какъ его супруга и майорша выѣзжали вмѣстѣ на гулянье, или сходились въ дружеской бесѣдѣ. Молодой человекъ не понималъ, что стыдиться общества своихъ знакомыхъ, значить обнаруживать въ себѣ несомнѣнные признаки той самой вульгарности, которой онъ старался избѣгать. Амелию между-тѣмъ только забавляли странности этой женщины, и она отнюдь не стыдилась майорши Одаудъ.

Должно въ самомъ дѣлѣ признаться, что вечернія и утреннія поѣздки на шлюпкахъ, предпринимаемыя въ ту пору почти всѣми Англичанами изъ средняго круга, могли бы быть нѣсколько поинтереснѣе, если бы въ нихъ не принимала самаго дѣятельнаго участія мистриссъ майорша Одаудъ,

– Вотъ еще вздумали расхваливать эти шлюпки, говорила мистриссъ Одаудъ: посмотрѣли бы вы, что это за лодки у насъ въ Ирландіи, на каналахъ между Дублиномъ и Баллинасло! Скоро у насъ путешествуютъ, нечего сказать, да и отличную скотину разводятъ. Недавно отецъ мой получилъ

золотую медаль за четырех-годовую телицу – удивительная телица! Въ этой сторонѣ не найдти вамъ такой телятины ни за какія деньги!

– Что правда, то правда: мясо въ Англіи отличное, замѣтиль мистеръ Седли.

– Я говорю про Ирландію, мой батюшка, безъ которой у васъ тамъ въ Лондонѣ насидѣлись бы съ голода, съ жаромъ перебила мистриссъ Одаудъ, пользуясь всякимъ случаемъ прославить свою родину насчетъ какой-бы то ни было страны.

Часто приходила ей въ голову престранная идея сравнивать рынки Брюгге съ дублинскими, и при этомъ вся ея фізіономія выражала самую высшую степень презрѣнія и насмѣшки.

– Прошу покорно растолковать мнѣ, что они разумѣютъ подь этой старой каланчой на вершинѣ своей рыночной площади, говорила мистриссъ Одаудъ, раздражаясь такимъ громогласнымъ смѣхомъ, отъ котораго чуть ли не задрожала старая башня, обратившая на себя справедливое негодованіе майорши.

Между-тѣмъ, нельзя было сдѣлать ни одного шага на этой плодосной почвѣ, не встрѣтивъ англійскаго солдата. Подь звуки англійскаго рожка пробуждались наши путешественники поутру, и британскій барабанъ каждый вечеръ служилъ для нихъ сигналомъ отправленія на сонъ грядущій. Приближались величайшія событія въ европейскомъ мірѣ. Вся Ев-

ропа стояла подъ ружьемъ, а Пегги Одаудъ продолжала безъ умолку говорить о рогатомъ скотѣ на ирландскихъ лугахъ, о лошадиныхъ стойлахъ въ Гленмелони, и о томъ, какъ много выпивалось кларета въ домѣ ея отца. Джозефъ Седли прибавлялъ къ этому свой остроумныя замѣчанія насчетъ карри и пилава, потребляемыхъ въ Думдумѣ, гдѣ волочились за нимъ красавицы разнообразнаго племени и рода. Добродушная Амелія постоянно думала о своемъ супругѣ и о лучшемъ способѣ пріобрѣсти его вѣчную любовь. Все это весьма старыя и обыкновенныя вещи.

Ну, а что, примѣромъ сказать, могло бы случиться въ политическомъ мірѣ, если бы не произошло этой великой ватерлооской битвы, и если бы, и прочая, и прочая, и прочая? Вообразите, что Наполеонъ остался побѣдителемъ герцога Веллингтона – что, что тогда? Я знаю многихъ историческихъ критикановъ, которые страстно любятъ предлагать себѣ вопросы въ этомъ родѣ, и, по моему мнѣнію, это самый лучший и надежный способъ пріобрѣсти себѣ громкую репутацію на исторической и политической дорогѣ. Было время, когда съ этой точки зрѣнія я особенно любилъ судить о Наполеонѣ, и окончательный результатъ, до котораго дошелъ я послѣ своихъ неутомимыхъ умозрѣній, въ совершенствѣ выраженъ быть можетъ для любознательнаго читателя двумя строками точекъ, которыя спѣшу поставить въ слѣдующемъ симметрическомъ порядкѣ.....И ес-

ли взять въ расчетъ, что Бонапартъ выбралъ весьма дурное время ускользнуть съ острова Эльбы, то я могу, нисколько не погрѣшая противъ совѣсти, поставить въ такомъ же порядкѣ еще десять точекъ.....

Дѣла жизни, преисполненной различныхъ удовольствій, текли своимъ чередомъ, и никто не воображалъ, казалось, что непріятель грозитъ разстроить всеобщій комфортъ. Когда наши путешественники прибыли въ Брюссель, гдѣ размѣстлся по квартиранъ Трильйонный полкъ, счастье, по видимому, начало улыбаться для нихъ со всѣхъ сторонъ, и они очутились въ одной изъ превеселенькихъ столицъ Европы, куда на базаръ житейской суеты собрались хлопотливые балаганщики со всѣхъ концовъ міра. Играли безъ конца, танцовали до-упаду, кушали и пили вдоволь, такъ что мистеръ Джозъ утопалъ въ океанѣ гастрономическаго блаженства. Очаровательная Каталани восхищала всѣхъ своихъ зрителей и слушателей на сценѣ Опернаго театра; каждый день устраивались превосходныя кавалькады, оживленныя марсовскимъ блескомъ и граціозными позами прелестныхъ амазонокъ, и этотъ рѣдкій старинный городокъ, съ его странными костюмами и чудодѣйственной архитектурой, переполнялъ живѣйшимъ восторгомъ чувствительное сердце мистриссъ Эмми, никогда до той поры не выдавшей иностранныхъ государствъ. У ней была прекрасная квартира и чудесные наряды; братецъ Джозъ предлагалъ къ ея услугамъ превосходную коляску; милый Джорджъ съ неутомимы-

мъ усердіемъ сыпаль на нее комплименты и деньги: чего жъ еще недоставало для малютки Эмми? Ея медовый мѣсяць приближался къ концу, и она была вполнѣ счастлива и довольна.

Въ эту счастливую эпоху, удовольствія и забавы разнообразились съ каждымъ днемъ. Любознательные путешественники осматривали старинные памятники, посѣщали картинныя галереи, выѣзжали за-городъ, слушали концерты. Музыка не умолкала ни на минуту, и въ городскомъ паркѣ гуляла англійская аристократія. Праздникамъ, казалось, не будетъ и конца. Джорджъ каждый вечеръ гулялъ съ своей супругой и въ саду, и въ уединенномъ полѣ, и на общественныхъ сходкахъ: всюду и всегда онъ былъ доволенъ собою въ совершенствѣ, и клялся, что въ немъ быстро развиваются наклонности спокойнаго и неприхотливаго семьянина, помирившася съ своей скромной долей. Гулять подь руку съ Джорджемъ, и притомъ въ поэтическіе часы лѣтней ночи: какое счастье для мистриссъ Эмми! Ея письма къ матери дышали въ эту пору благодарностью и упоительнымъ восторгомъ. Щедрый супругъ не щадилъ для нея никакихъ издержекъ, и она покупала блонды, кружева, браслеты, брильянтовыя серьги. О, какъ онъ былъ добръ, прекрасееть, великодушень и нѣжень!

Одинъ взглядъ на многочисленное собраніе лордовъ и великосвѣтскихъ леди, появлявшихся во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, наполняли невыразимымъ восторгомъ истин-

но-британское сердце мистера Осборна. Въ этомъ чуждомъ краю, блистательные его соотечественники разстались, повидимому, однажды навсегда съ тою сановитою холодно-стью, которая обыкновенно отличаетъ великихъ людей на ихъ родимой сторонѣ, и появляясь въ безчисленныхъ собраніяхъ, англискіе денди смѣшивались безъ разбора съ разнокалибернымъ обществомъ иностранцевъ и туземцевъ. Однажды, на вечерѣ у дивизионнаго генерала, Джорджъ Осборнъ имѣлъ честь танцовать съ леди Бланкой Систельвудъ, дочерью лорда Барикриса. Онъ хлопоталъ и суетился, подавая мороженое и конфекты благороднымъ леди, и храбро пробился черезъ толпу, когда приказывалъ подать карету для леди Барикрисъ. По возвращеніи домой, онъ говорилъ нѣсколько часовъ сряду о графиняхъ и княгиняхъ, и хвасталъ своимъ знакомствомъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ, которому даже могъ бы позавидовать его собственный родитель. На другой день онъ сдѣлалъ визиты своимъ дамамъ, и потомъ имѣлъ счастье сопровождать ихъ въ паркъ, рисуясь подлѣ ихъ кареты на своемъ кургузомъ конѣ. Онъ даже попросилъ ихъ на большой обѣдъ у ресторатёра, и былъ внѣ себя отъ восторга, когда великосвѣтскія леди согласились на его просьбу. Старикъ Барикрисъ, одаренный превосходнѣйшимъ желудкомъ и совершенно чуждый національной спѣси, могъ обѣдать гдѣ и когда угодно.

— Надѣюсь, впрочемъ, что кромѣ насъ тамъ не будетъ другихъ женщинъ, сказала леди Барикрисъ, размышляя объ это-

мъ приглашеній, сдѣланномъ съ такою опрометчивостью, и на которое онѣ согласились слишкомъ скоро.

— Еще бы! вы, конечно, не думаете, мама, что онѣ осмѣлится представить намъ свою жену, пропищала леди Бланка, вальсировавшая наканунѣ съ мистеромъ Осборномъ, который, по ея мнѣнію, въ совершенствѣ постигаль поэтическую сторону этого танца. Мужчины еще довольно сносны; но эти ихъ жены... *Fi donc!*

— У него, однакожь, молоденькая и прехорошенькая жена, какъ мнѣ говорили, сказалъ старикъ Барикрисъ.

— Что жъ такое, моя милая? возразила мать. Если отецъ согласенъ ѣхать, поѣдемъ и мы, только, ужъ само собою разумѣется, въ Лондонѣ этотъ господинъ не будетъ знать нашего дома.

Такимъ-образомъ, рѣшившись прекратить это новое знакомство на Бонд-Стритѣ, гдѣ находился ихъ столичный домъ, благосклонныя леди согласились откушать въ Брюсселѣ насчетъ мистера Осборна, устроившаго для нихъ великолѣпный обѣдъ. За столомъ онѣ вели себя съ большимъ достоинствомъ, и тщательно уклонялись отъ разговоровъ съ мистриссъ Джорджъ, которую осмѣлились ввести въ ихъ кругъ. Въ этомъ-то и состоитъ особый видъ достоинства, которымъ въ высшей степени отличается британская великосвѣтская леди. Какъ практическій философъ, гуляющій по рынку житейскихъ тревоженій, я всегда съ удовольствіемъ наблюдаю обращеніе этихъ женщинъ, приведенныхъ въ соприкос-

новеніе съ ихъ сестрицами изъ низшаго или средняго круга.

Но несмотря на огромныя издержки, употребленныя честнымъ Джорджемъ, пиръ этотъ былъ едва ли не самымъ скучнымъ изъ удовольствій, устроенныхъ для Амеліи въ медовый мѣсяцъ. Она представила о немъ подробный отчетъ въ трогательномъ письмѣ къ своей мамѣ, и описала живѣйшими красками, какъ миледи Барикрисъ не хотѣла отвѣчать на ея скромные и деликатные вопросы; какъ леди Бланка наводила на нее свой лорнетъ, хотя онѣ сидѣли почти рядомъ, и какъ вообще кептенъ Доббинъ былъ недоволенъ обращеніемъ этихъ великосвѣтскихъ женщинъ, и какъ, наконецъ, по выходѣ изъ-за стола, старикъ милордъ потребовалъ себѣ счетъ ресторатера, и, взглянувъ на него, объявилъ, что обѣдъ былъ прескверный и демонски дорогой. Но хотя мистриссъ Эмми описала все это съ большимъ искусствомъ, и даже намекнула, какъ были грубы ея гости, однакожь, тѣмъ не менѣе, старушка Седли возрадовалась душевно необыкновенному счастью своей дочки, и рассказывала повсюду о ея блистательныхъ знакомствахъ съ такимъ неутомимымъ усердіемъ, что новость эта немедленно достигла до ушей старика Осборна въ Сити, и онъ принялъ къ свѣдѣнію, что сынъ его вступилъ за границу въ пріятельскія сношенія съ графами и князьями.

Если вамъ случалось видѣть сэра Джорджа Тюфто въ 1815 году, вы никакъ не угадали бы его теперь, встрѣтившись съ нимъ на Реджент-Стритѣ или на Пель-Мельскомъ проспектѣ. Сэръ Джорджъ Тюфто, кавалеръ Бани, перетянутый въ

ниточку эластическимъ корсетомъ, гуляетъ очень бодро въ своихъ лакированныхъ сапогахъ на высокихъ каблучкахъ, и молодцовато заглядываетъ подъ шляпки хорошенькихъ леди. Еще милovidнѣе онъ рисуется на своемъ каштановомъ конѣ, сопровождая блестящіе экипажи въ паркѣ, и вы, при взглядѣ на него, готовы воскликнуть отъ глубины души: «сэръ Джорджъ Тюфто – прекрасный молодой человекъ!» У него густые каштановые волосы, черныя брови, отличные бакенбарды и превосходные усы. А между-тѣмъ вы знаете, что онъ участвовалъ во многихъ походахъ прошлаго столѣтія, и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ генераловъ въ арміи герцога Веллингтона. Въ 1815 году былъ онъ плѣшивъ, и на головѣ его торчали по мѣстамъ свѣтло-сѣрые клочки волосъ; его члены были округленнѣе, и онъ казался довольно толстымъ и плотнымъ мужчиной. Перерожденіе сэра Тюфто совершилось внезапнымъ образомъ. Когда ему стукнуло семьдесятъ лѣтъ (теперь ему восемьдесятъ), его рѣдкіе и совершенно темные волосы вдругъ загустѣли, закурчавили, перемѣнили цвѣтъ и форму, такъ же какъ его брови и бакенбарды; покрывавшіеся чудеснымъ отливомъ смолистаго колорита. Злые языки распространяютъ слухъ, вѣроятнo ложный, будто грудь сэра Тюфто туго набита ватой, и будто волосы его, утратившіе способность къ естественному приращенію, представляются новоизобрѣтеннымъ парикомъ, въ совершенствѣ замѣняющимъ натуру. Рассказываютъ еще весьма странный анекдотъ саркастическаго свойства от-

носителю того, какимъ образомъ потерялъ онъ свой послѣдніе клочки волосъ; но я поставилъ себѣ опредѣленнымъ правиломъ не вѣрить никакимъ клеветамъ, злонамѣренно распространяемымъ. Ктому же, парикъ сэра Джорджа Тюфто не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ нашей исторіи.

Однажды друзья наши осматривали городскую ратушу, о которой мистриссъ майорша Одаудъ объявила, что это зданіе далеко не сравняется съ гленмелонскимъ дворцомъ ея отца. Когда, по возвращеніи оттуда, они бродили по цвѣточному брюссельскому рынку, какой-то штабофицеръ, сопровождаемый ординарцемъ; слѣзъ съ своего коня, и, рассмотрѣвъ цвѣты орлинымъ взглядомъ, выбралъ для себя превосходнѣйшій букетъ, какой только можно было купить за деньги. Купецъ бережно завернулъ сокровище въ бумагу и передалъ его военному грумму, который послѣдовалъ за своимъ господиномъ, дѣлая весьма странныя гримасы. Офицеръ быстро прыгнулъ на своего коня и поскакалъ во весь опоръ, обнаруживая на своемъ лицѣ очевидные признаки внутренняго самонаслажденія и довольства.

— Все это вздоръ, господа, сказала мистриссъ майорша Одаудъ въ видѣ общаго замѣчанія, относительно растительнаго царства въ бельгійскомъ государствѣ. Посмотрѣли бы вы, какіе цвѣты у насъ, въ Гленмелони! Отецъ мой держитъ трехъ шотландскихъ садовниковъ, и при нихъ девять помощниковъ, одинъ другого расторопнѣе. Однѣ оранжереи

занимають у насъ цѣлый акръ земли, и ананасы въ нихъ ничемъ – тоже, что горохъ въ лѣтнее время. А виноградъ – охъ!.. какой виноградъ!.. каждая кисточка вѣситъ по шести фунтовъ. И ужъ коль на то пошло, я готова присягнуть, что маньйолии у насъ величиною съ большой фарфоровый чайникъ. Вотъ какъ, господа!

Доббинъ не имѣлъ привычки подшучивать надъ мистриссъ майоршей Одаудъ, какъ этотъ злой Осборнъ, приводившій въ ужасъ свою супругу, которая умоляла его пощадить добрую женщину, но на этотъ разъ не выдержалъ и честный Доббинъ, зажавъ носъ и отфыркиваясь съ большимъ трудомъ, онъ отбѣжалъ на значительное разстояніе и разразился самымъ неистовымъ смѣхомъ, къ великому удивленію изумленной толпы.

– Вотъ дуракъ-то! замѣтила мистриссъ майорша Одаудъ, зажалъ ротъ платкомъ и бросился какъ съумасшедшій. Неужто у него опять кровь идетъ изъ носу? Онъ-таки довольно часто говорить, что у него кровотеченіе, и я, право, удивляюсь, какъ онъ живъ до сихъ поръ. Ну-съ, а маньйолии у насъ въ Гленмелони будутъ съ добрый чайникъ, не правда ли, Одаудъ?

– Конечно, моя милая, и даже еще больше, я полагаю, отозвался послушный супругъ.

Въ ту минуту разговоръ былъ прерванъ прибытіемъ офицера, купившаго великолѣпный букетъ.

– Отличный конь, замѣтилъ Джорджъ. Кто этотъ всадни-

къ?

– Нашли чему удивляться, сказала майорша. Посмотрѣли бы вы, какова лошадка у моего брата, Моллой Мелони! Она еще вотъ недавно выиграла золотой кубокъ на скачкахъ съ препятствіями... чудо, что за конь!

Затѣмъ мистриссъ Одаудъ принялась было рассказывать о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ свойствахъ лошадиной породы въ Гленмелони, но супругъ остановилъ ее своимъ отвѣтомъ на вопросъ мистера Джорджа.

– Это дивизионный генераль Тюфто, командующій нашей кавалеріей, сказалъ мистеръ Одаудъ. Онъ и я были ранены въ одну и ту же ногу при Талаверѣ.

– И гдѣ васъ повисили обоихъ, да только не въ одинъ чинъ, добавилъ Джорджъ улыбаясь. Генераль Тюфто! Кроли долженъ быть его адъютантомъ. Стало-быть и онъ уже здѣсь съ своей женой. Надобно повидаться съ ними.

Амелія затрепетала, сама не зная отчего, и яркій блескъ солнечныхъ лучей померкъ въ ея глазахъ. Высокія кровли старинныхъ зданій и шпицы башень потеряли для нея всю свою прелесть. Солнце между тѣмъ закатывалось великолѣпно: это былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней въ концѣ мая.

Глава XXVIII

Брюссель

Мистеръ Джой обзавелся двумя наемными лошадами для своей коляски, и этотъ лондонскій экипажъ, равно какъ и сіи двѣ скотины, придавали своему владѣльцу довольно сносную фигуру, когда онъ покатывался въ брюссельскихъ предмѣстьяхъ. Джорджъ тоже купилъ отличнаго коня для своей партикулярной верховой ѣзды. Онъ и кептенъ Доббинъ довольно часто на своихъ коняхъ рисовались по бокамъ колесницы, гдѣ засѣдалъ мистеръ Джой съ своей сестрой, предпринимавшей ежедневно увеселительныя поѣздки за городскую заставу.

На другой день послѣ нечаянной встрѣчи съ генераломъ Тюфто, они поѣхали въ городской паркъ, гдѣ, какъ рассчитывалъ Джорджъ, они должны были увидѣть Родона Кроли и его супругу. Расчетъ оказался вѣрнымъ. Среди небольшой группы всадниковъ, принадлежавшихъ къ брюссельской аристократіи, Ребекка, въ прекрасномъ амазонскомъ платьѣ, ѣхала на маленькой лошади арабской породы, и подлѣ нея, съ лѣвой стороны, гарцовалъ блистательный Джорджъ Тюфто. Искусству верховой ѣзды Ребекка научилась на «Королевиной усадьбѣ», гдѣ баронетъ, старшій его сынъ и Родонъ Кроли дали ей достаточное число берейтор-

скихъ уроковъ.

— А что вы думаете? Вѣдь это самъ герцогъ, сказала мистриссъ майорша Одаудъ, обращаясь къ Джозу, который тутъ же раскраснѣлся какъ піонъ. А вонъ тамъ, на гнѣдомъ конѣ, галопируетъ лордъ Оксбриджъ. Смотрите, какой онъ молодецъ! Братъ мой, Моллой Моллони, похожъ на него какъ двѣ горошины съ одного поля.

При видѣ коляски Джоза, Ребекка продолжала ѣхать своей дорогой, но замѣтивъ мистриссъ Эмми, свою старую пріятельницу, она послала ей воздушный поцалуй граціознымъ движеніемъ пальчиковъ своей лѣвой руки, улыбнулась и проговорила нѣсколько ласковыхъ словъ. Потомъ она спокойно продолжала прекрасную бесѣду съ своимъ кавалеромъ, который спросилъ: «Кто этотъ толстый офицеръ, въ фуражкѣ съ золотой кокардой?» на что Ребекка отвѣчала, что это «офицеръ, состоящій на службѣ въ одномъ изъ остиндскихъ полковъ». Но Родонъ Кроли тотчасъ же выѣхалъ изъ длиннаго ряда всадниковъ, подскакалъ къ коляскѣ, раскланялся съ мистриссъ Джорджъ, и сказалъ мистеру Джою, «здравствуйте, почтеннѣйшій! Все ли вы, того, этакъ, понемногу?» на что Джой отвѣчалъ, что оно ничего, такъ-себѣ, идетъ. И затѣмъ Родонъ Кроли началъ всматриваться въ лицо и павлиньи перья мистриссъ Одаудъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что майорша начала серьезно считать себя побѣдительницею гвардейскаго капитана.

Джорджъ, отставшій позади на нѣсколько минутъ, подѣл-

халь почти въ одно время съ Доббиномъ, и оба они поспѣшили привѣтствовать важныхъ особъ, между которымъ Осборнъ тотчасъ же замѣтилъ мистриссъ Кроли. Сердце его запрыгало отъ радости, когда онъ увидѣлъ, что Родонъ, облокотившись о коляску, дружески разговариваетъ съ его женой. Онъ крѣпко пожалъ руку адъютанту генерала Тюфто и привѣтствовалъ его, какъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей. Родонъ Кроли и кептенъ Доббинъ обмѣнялись только учтивыми поклонами, которые отнюдь не могли служить выраженіемъ душевнаго восторга.

Кроли сказалъ мистеру Осборну, что онъ остановился съ своимъ генераломъ въ Hôtel du Parc; Джорджъ далъ ему адресъ своей собственной резиденціи, и было рѣшено, что Родонъ сдѣлаетъ ему первый визитъ.

— Какъ это жаль, что вы не были у насъ третьяго дня, сказалъ Джорджъ. Мы обѣдали въ ресторанѣ, и провели чудесно время. У насъ были въ гостяхъ лордъ Барикрисъ, его супруга и дочь ея, леди Бланка. Веселились на славу. Какъ это, право, жаль, что мы раньше не сошлись.

Объявивъ такимъ-образомъ свои права на принадлежность къ высшему кругу, Осборнъ раскланялся съ Родономъ, и тотъ поспѣшилъ присоединиться къ блестящей кавалькадѣ, поворотившей въ боковую аллею. Джорджъ и Доббинъ заняли свои мѣста по сторонамъ коляски Джоза.

— Какой красавецъ этотъ герцогъ! замѣтила мистриссъ майорша Одаудъ. Веллингтоны и Мелони, если сказать прав-

ду, въ родствѣ между собою... не то, чтобы близкомъ, но и не дальнемъ. Только ужь, само-собою разумѣется, я не стану забѣгать въ глаза, если герцогъ первый не обратитъ на меня своего вниманія. Будь я немного побогаче, роли бы, авось, помѣнялись между нами.

— Это великій полководецъ, сказалъ Джой, начинавшій приходить въ себя съ той минуты, какъ великій челоуѣкъ сокрылся изъ виду. Военная исторія не представляетъ побѣды знаменитѣ той, которую Веллингтонъ выигралъ при Саламанкѣ: не правда ли, Доббинъ?

Капитанъ отвѣчалъ утвердительно.

— А гдѣ, позвольте васъ спросить, онъ впервые изучилъ военное искусство? продолжалъ запальчивый сборщикъ податей и пошлинъ. Въ Индіи, любезный другъ, въ Индіи! Тамошнія дебри и лѣса, великая школа для будущаго полководца; прошу обратить особенное вниманіе на этотъ пунктъ. Я самъ знакомъ былъ съ нимъ, мистриссъ Одаудъ; мы танцовали съ нимъ мазурку на вечерѣ у миссъ Кутлеръ, дочери артиллерійскаго полковника, и надобно вамъ замѣтить, что миссъ Кутлеръ считалась первою красавицей во всемъ Дум-думѣ. Тутъ еще случилась исторія... но, вѣдь, ужь кажется я вамъ рассказывалъ?

Появленіе великихъ особъ доставило нашимъ пріятелямъ неистощимый матеріалъ для интересной бесѣды на цѣлый день, вплоть до вечерняго часа, когда они всѣ вмѣстѣ собрались въ оперу.

Брюссельская опера могла служить олицетвореніемъ веселой Англій старинныхъ временъ. Театръ былъ наполненъ истинными британскими фізіономіями и замысловатыми костюмами, которыми встарину столько славились англійскія леди. Мистриссъ Одаудъ была блистательна и великолѣпна. Чело ея украшалось роскошными локонами, а брильянты на рукахъ и стекла на лебединой шеѣ затмѣвали своимъ блескомъ все, что ни сидѣло въ ложахъ. При всемъ томъ, присутствіе мистриссъ Одаудъ мучило невыразимо чувствительную душу мистера Осборна; и онъ уже давно былъ бы радъ отвязаться отъ этой странной и совершенно необразованной ирландки, не умѣвшей сказать ни одного порядочнаго слова. Не было, однакожь, никакихъ средствъ отвязаться отъ мистриссъ Одаудъ. Она считала своимъ непремѣннымъ долгомъ участвовать во всѣхъ удовольствіяхъ и забавахъ, предпринимаемыхъ ея молодыми друзьями, она была убѣждена душевно, что присутствіемъ ея оживляются всякія собранія, и не было для нея никакихъ сомнѣній, что все приходятъ въ восторгъ отъ ея поучительной бесѣды.

— Она была полезна для тебя, мой другъ, сказала Джорджъ своей женѣ, которую могъ, безъ зазрѣнія совѣсти, оставлять одну въ обществѣ этой интересной леди;— но какъ это хорошо, что мы встрѣтились, наконецъ, съ мистриссъ Кроли! Ты возобновишь съ нею дружескую связь, и, авось, это поможетъ намъ отвязаться отъ несносной ирландки.

На это мистриссъ Эмми не отвѣчала ни *да*, ни *нѣтъ*, и мы

рѣшительно не знаемъ, въ чемъ заключались ея мысли.

Мистриссъ Одаудъ обозрѣла весь театръ своими рысьими глазами, но никакъ нельзя сказать, чтобъ театръ произвелъ слишкомъ сильное впечатлѣніе на ея душу.

— А вотъ посмотрѣли бы вы, что это за театръ у насъ въ Дублинѣ, на Фишебельской улицѣ! сказала мистриссъ Одаудъ. Здѣшнія — дрянъ передъ нимъ; то же, что какой-нибудь балаганъ, недостаетъ только паяца... И что это за напѣвы, господа! Ревутъ, пищать, кричатъ — больно ушамъ, а ничего не разберешь. Нѣтъ, судари мои, если вы не слышали нашихъ ирландскихъ пѣсень, такъ вы, скажу я вамъ, не имѣете понятія о настоящей музыкѣ. У насъ въ Ирландіи пастухи лучше поютъ, чѣмъ здѣшнія французскія актерки.

И всѣ эти мнѣнія, съ прибавленіемъ другихъ весьма назидательныхъ, мистриссъ майорша Одаудъ высказывала громко, на весь театръ, размахивая при этомъ своимъ вѣромъ, который величественно колыхался въ ея правой рукѣ.

— Родонъ, милый другъ, кто эта удивительная женщина съ Амеліей? сказала какая-то леди, сидѣвшая въ противоположной ложѣ.

Но читатель угадалъ эту леди. Ребекка, должно замѣтить, оказывала пламенную нѣжность къ своему супругу въ присутствіи постороннихъ особъ, тогда-какъ дома она обнаруживала къ нему холодную учтивость.

— Развѣ ты не видишь, мой другъ, продолжала мистриссъ Кроли, это рѣдкое созданіе въ красномъ атласномъ платьѣ,

съ желтой башней на головѣ и огромными часами на груди?

– Подлѣ нея сидить, если не ошибаюсь, хорошенькая женщина въ бѣломъ: такъ ли, мистриссъ Кроли? сказали сидѣвшій въ ложѣ джентльменъ средняго роста, въ бѣломъ галстухѣ и съ орденами въ петлицахъ.

– Эта хорошенькая женщина – Амелія, генераль, моя подруга, если вамъ угодно знать. О, вы замѣчаете всѣхъ хорошихъ, злой человекъ!..

– Одну только и замѣтилъ, клянусь честью! проговорилъ восторженный сэръ Тюфто, сидѣвшій подлѣ Ребекки, которая въ эту минуту слегка ударила его по плечу кончикомъ своего огромнаго букета.

– Такъ и есть, это онъ самъ, готова присягнуть! воскликнула мистриссъ Одаудъ; и этотъ самый букетъ онъ купилъ вчера на Маршино-Флюрсъ (читай – *Marché aux Fleurs*)!

И когда мистриссъ Ребекка, поймавъ пристальный взглядъ своей подруги, совершила еще разъ операцію воздушнаго поцалуя, мистриссъ майорша Одаудъ, принимая этотъ комплиментъ на свой собственный счетъ, салютовала съ граціозною улыбкой всѣхъ особъ, присутствовавшихъ въ противоположной ложѣ. Несчастный Доббинъ снова закрылъ ротъ носовымъ платкомъ и выюркнулъ въ галлерею.

Послѣ перваго акта, Джорджъ оставилъ на минуту свою жену, чтобъ засвидѣтельствовать личное почтеніе мистриссъ Кроли въ ея ложѣ. На дорогѣ, передъ буфетомъ, онъ встрѣтилъ капитана Родона, и они обмѣнялись нѣсколькими сентен-

ціями касательно происшествій, случившихся въ послѣднія двѣ недѣли.

— Ну, что, вы были съ моимъ векселемъ у моего лондонскаго агента? спросилъ Джорджъ.

— Какъ же? Былъ и размѣнялъ, отвѣчалъ Родонъ. Считайте меня въ долгу, и постарайтесь расквитаться съ вашимъ должникомъ. Я всегда къ вашимъ услугамъ. Ну, что вашъ старшина? Обвертѣлся?

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ, отвѣчалъ Джорджъ, — ломается, покамѣстъ; но авось, послѣ кампаніи, мы помиримся, я надѣюсь. А знаете ли, я получилъ наслѣдство послѣ матери?

— Это очень хорошо.

— Разумѣется, недурно; но будетъ еще лучше, когда помирюсь съ отцомъ. А ваша тетка умилоствовала?

— Всего только на двадцать фунтовъ! Когда мы увидимся?

— Когда угодно, для меня все равно, отвѣчалъ Джорджъ.

— По вторникамъ генераль не обѣдаетъ дома. Приходите во вторникъ. Да что это, съ какой стати вашъ шуринъ отпустилъ усы? Скажите, чтобы сбрилъ. Какого чорта тутъ будетъ дѣлать съ усами статскій повѣса? Ну? такъ не забудьте: во вторникъ.

И сказавъ это, Родонъ продолжалъ свой путь въ буфетъ съ двумя товарищами, которые, такъ же какъ и онъ, принадлежали къ главному штабу.

Джорджъ былъ только вполовину доволенъ приглашеніемъ къ обѣду въ тотъ день, когда *генераль не обѣдаетъ дома*.

– Я хочу повидаться съ вашей жоной. сказалъ онъ. Зайди мнѣ въ ея ложу?

– Гмъ; какъ угодно, пробормотала Родонъ, дѣлая довольно кислую мину.

Молодые джентльмены, принадлежавшіе къ главному штабу, значительно переглянулись между собой. Пробѣжавъ галерею, Джорджъ тихонько подошелъ къ генеральской ложѣ, которой номеръ онъ съ точностью старался опредѣлить въ продолженіе перваго акта.

– *Entrez*, откликнулся свѣтлый и чистый голосокъ, когда мистеръ Осборнъ постучался въ дверь.

Увидѣвъ нашего пріятеля лицомъ къ лицу, Ребекка встала со стула, всплеснула руками, и потомъ граціозно протянула свой пальчики мистеру Джорджу: такъ она рада была увидѣть его въ своей ложѣ. Генераль устремилъ суровый взглядъ на новаго пришельца.

– Милый, дорогой капитанъ Джорджъ! вочкликнула Ребекка, уносимая восторгомъ; какъ это любезно съ вашей стороны прійти въ нашу ложу! Генераль и я ужасію здѣсь скучаемъ *tkte-à-tkte*; генераль, позвольте представить вамъ капитана Джорджа, о которомъ я вамъ говорала.

– Очень радъ, сказалъ генераль, дѣлая небрежный поклонъ. Въ какомъ полку служить капитанъ Джорджъ?

Осборнъ, скрѣпя сердце, назвалъ свой полкъ, душевно сожалѣя, что это былъ не кавалерійскій.

– Трильйонный полкъ, если не ошибаюсь, воротился

недавно изъ Вест-Индіи сказалъ генераль совершенно равнодушнымъ тономъ. Онъ еще немного былъ въ дѣлѣ. Здѣсь на квартирахъ, капитанъ Джорджъ?

— Что вы, генераль? перебила Ребекка; я вамъ назвала капитана Осборна.

Все это время сэръ Тюфто посматривалъ весьма угрюмо на обоихъ своихъ собесѣдниковъ, и былъ очевидно недоволенъ ими.

— Капитанъ Осборнъ... да, такъ точно. Вы не въ родствѣ ли съ лордами Осборнъ?

— У насъ одинъ и тотъ же гербъ, сказалъ Джорджъ.

И онъ не солгалъ. Лѣтъ за пятнадцать назадъ, мистеръ Осборнъ-старшій, сооружая новую карету, принялся рыться въ фамиліной книгѣ британсквхъ пэровъ, гдѣ, наконецъ, удалось ему напасть на старинную фамилію лордовъ Осборнъ. Гербъ однофамильцевъ послужилъ украшеніемъ его собственной кареты.

Не сдѣлавъ никакихъ возраженій на этотъ отвѣтъ, генераль взялъ лорнетъ, (двухствольныя трубки тогда еще не были изобрѣтены) и сдѣлалъ видъ, будто смотритъ на партеръ; но Ребекка подмѣтила въ его глаза убійственныя взоры, брошенные на нее и Джорджа. Это обстоятельство заставило ее удвоить свое радушіе къ капитану Осборну.

— Какъ здоровье моей милой подруги? сказала она — но, кажется, объ этомъ нечего спрашивать: Амелія здорова и счастлива. Я вижу это по ея глазамъ. А что это за дама подлѣ

нея? Ваша прежняя любовь, мистеръ Джорджъ? О, мужчины пренепостоянный народъ! И вотъ, если не ошибаюсь, мистеръ Седли кушаетъ мороженое: ахъ, какъ онъ счастливъ! Отчего у насъ нѣтъ мороженаго, сэръ?

— Вамъ угодно, чтобы я сходилъ за мороженымъ? сказала сэръ Тюфто, пылая благороднымъ гнѣвомъ.

— Предоставьте это порученіе мнѣ, генераль, умоляю васъ, проговорилъ Джорджъ.

— Нѣтъ, я пойду лучше въ ложу вашей супруги, сказала Ребекка. Дайте мнѣ руку, капитанъ Джорджъ.

И съ этими словами, мистриссъ Кроли, слегка поклонившись генералу, вышла въ галерею. Дорогой она бросила на капитана пристальный и чрезвычайно многозначительный взглядъ, который могъ быть переведенъ на живой языкъ такимъ образомъ:

— Понимаешь ли ты, въ какомъ положеніи мои дѣла? Вѣдь я могу изъ него сдѣлать все, что мнѣ угодно.

Но мистеръ Осборнъ, казалось, ничего не понималъ. Онъ былъ погруженъ въ свои собственные планы, и воображалъ съ неизъяснимой отрадой, что никакая красавица во вселенной не устоитъ противъ его побѣдительнаго искусства нравиться и прельщать.

Слова, произнесенныя втихомолку милордомъ Тюфто вслѣдъ за Ребеккой и ея достойнымъ побѣдителемъ, были самага энергическаго свойства. Сэръ Тюфто былъ раздраженъ до глубины души, и ревность просверлила насквозь его му-

жественное сердце.

Нѣжные глазки Амеліи были тоже съ великимъ безпокойствомъ устремлены на молодыхъ людей, растревожившихъ своимъ поведеніемъ ревниваго сэра Тюфто, но когда Ребекка вошла въ ложу, Амелія, не обращая вниманія на публику, встрѣтила свою пріятельницу со всѣми признаками душевнаго восторга. Она бросилась въ объятія милаго дружка въ присутствіи всего театра и передъ глазами генерала, который навелъ теперь свой лорнетъ на ложу Осборновъ. Мистриссъ Родонъ привѣтствовала Джоя съ пылкимъ увлеченіемъ, любовалась на стеклярусную брошку мистриссъ Одаудъ, на ея ирландскіе брильянты, и вѣрить не хотѣла, что это сокровище вывезено не изъ Голконды. Она шумѣла, хлопотала, юлила, суетилась, улыбалась одному, весело шутила съ другимъ, и не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на ревнивый лорнетъ изъ противоположной ложи. И когда, послѣ оперы, наступило время балета (какая мимика могла сравниться съ ея собственными гримасами, и какой комедіантъ могъ превзойти ее въ искусствѣ дурачить своихъ ближнихъ?), Ребекка пошла въ свою собственную ложу, опираясь на этотъ разъ на плечо капитана Доббина... Нѣтъ, нѣтъ, услуги Джорджа нк нужны ей, какъ это можно? Джорджъ долженъ остаться съ своей милой, очаровательной, несравненной Эмми.

— Охъ, какая шарлатанка эта женщина! замѣтилъ честный Вилльямъ другу своему Джорджу, по возвращеніи изъ ребек-

киной ложи, куда онъ проводилъ ее въ глубокомъ молчаніи, угрюмый и мрачный, какъ могильщикъ: она вьется и кружится, какъ змѣя. Замятилъ ли ты, Джорджъ, какъ она все это время старалась, говоря съ нами, бѣсить этого милорда?

— Фи! что это у тебя за понятія, Вильямъ! Вздумалъ видѣть шарлатанку въ женщинѣ, которая безъ сомнѣнія будетъ служить лучшимъ украшеніемъ всякаго благороднаго круга! отвѣчалъ съ негодованіемъ Джорджъ Осборнъ, выставляя на показъ свои бѣлоснѣжные зубы, и закручивая свои надушенные усы. Ты не жилъ въ свѣтѣ, Доббинъ, и ничего не смыслишь въ этихъ дѣлахъ. Посмотри вотъ, какъ она весело теперь разговариваетъ съ этимъ Тюфто! Смотри, смотри, онъ покатывается со смѣху. Какая шейка, какія чудныя плечики! Эмми, отчего у тебя нѣтъ букета? Здѣсь у всѣхъ букеты.

— Отчего жъ вы сами, голубчикъ, не догадались купить ей букетъ? сказала брюзгливымъ тономъ мистриссъ майорша Одаудъ.

Мистриссъ Эмми и честный Вильямъ Доббинъ поблагодарили ее отъ чистаго сердца за это простодушное замѣчаніе, сказанное во-время и кстати. Но съ этой минуты, обѣ леди, повидимому, потеряли веселое расположеніе духа. Амелія уничтожилась подъ вліяніемъ пышности, блеска и свѣтской болтовни ея блистательной соперницы, и даже мистриссъ Одаудъ, пораженная этимъ внезапнымъ появленіемъ великосвѣтской леди, утратила способность изливать свои чув-

ства въ краснорѣчивой бесѣдѣ. Во весь остальной вечеръ она не проговорила уже ни одного слова насчетъ рѣдкостей и чудесъ въ своей родимой сторонѣ.

* * *

— Когда ты перестанешь играть въ карты, Джорджъ? сказалъ мистеръ Доббинъ своему другу черезъ нѣсколько дней послѣ замѣчательнаго вечера въ Оперномъ театрѣ, — вѣдь ты мнѣ обѣщаль больше сотни разъ...

— А когда ты перестанешь давать мнѣ свои отеческія наставленія? сказалъ мистеръ Джорджъ Осборнъ; неужели ты еще думаешь по сию пору, что я могу имѣть въ нихъ нужду?

— Да, я воображалъ, что дружба даетъ мнѣ право предостерегать тебя, Джорджъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, которые могутъ подвергать опасности твой кошелекъ.

— Кто жъ тебѣ сказалъ, что я самъ менѣе тебя забочусь о своемъ кошелькѣ? Мы играемъ по маленькой, и вчера я выигралъ. Неужели ты считаешь мистера Кроли способнымъ къ безсовѣстному обману? При честной игрѣ, проигрышъ всегда почти равенъ выигрышу въ концѣ года.

— Однакожь, я не думаю, что Кроли всостояніи платить свой проигрышъ, возразилъ честный Вилльямъ Доббинъ.

Нѣтъ никакой надобности распространяться, что дружескіе совѣты теперь, какъ и всегда, имѣли одинъ и тотъ же успѣхъ. Осборнъ и Кроли были почти неразлучны. Милордъ

Тюфто весьма рѣдко обѣдалъ дома. Джорджъ всегда радушно былъ принятъ въ комнатахъ (смежныхъ съ квартирой сэра Тюфто), занимаемыхъ въ гостиницѣ Родономъ и его женой.

Когда Джорджъ и его супруга навѣстили первый разъ молодыхъ Кроли въ ихъ квартирѣ, обращеніе мистриссъ Эмми приняло характеръ такого рода, что милые супруги даже побранились по возвращеніи домой, то-есть, другими словами: мистеръ Джорджъ сдѣлалъ строжайшій выговоръ своей женѣ за высокомерный и надменный тонъ, какой она позволила принять себѣ въ отношеніи къ своей бывшей подругѣ, несравненной мистриссъ Кроли. Амелія не извинялась, не оправдывалась, и даже ничего не проговорила въ отвѣтъ раздраженному супругу; но когда они отправились во второй разъ къ своимъ пріятелямъ въ гостиницу, поведеніе ея сдѣлалось еще страннѣе, и она какъ-будто совершенно растерялась, вообразивъ, конечно, ни съ того, ни съ сего, что Ребекка смѣется ей въ глаза.

Этого совсѣмъ не было. Напротивъ, мистриссъ Бекки удвоила нѣжныя ласки къ своей подругѣ, и рѣшительно не обращала никакого вниманія на ея холодность.

— Знаете ли что? сказала мистриссъ Бекки на ухо Осборну. Эмми кажется ужасно загордилась, банкр... то-есть, я хочу сказать, несчастія мистера Седли увеличили гордость бѣдной моей подруги.

Мистеръ Джорджъ нахмурилъ брови.

— Когда мы были въ Брайтонѣ, продолжала Ребекка сла-

денькимъ голосомъ, — Амелія, мнѣ казалось, удостоивала меня чести ревновать къ вамъ; но теперь, и увѣрена, мистриссъ Эмми находитъ неприличнымъ, что Родонъ, генераль и я живемъ вмѣстѣ. Elle est scandalisée de ma conduite, chère petite! Посудите, однакожь, можемъ ли мы жить одни, не раздѣляя расходовъ съ *своими* друзьями? И думаете ли вы, что Родонъ не всостояніи защищать мою честь? Впрочемъ, я благодарна вашей супругѣ, заключила мистриссъ Родонъ.

— Все это отъ ревности, повѣрьте, мистриссъ Кроли, сказалъ Джорджъ. Всѣ женщины ревнивы.

— Такъ же, вѣроятно, какъ всѣ мужчины. Развѣ недавно, въ театрѣ, вы не ревновали меня къ милорду Тюфто, такъ же какъ и онъ къ вамъ? Вы оба были черезъ-чуръ смѣшны и забавны. Милордъ хотѣлъ, казалось, съѣсть меня, когда я вышла съ вами навѣстить эту малютку Эмми, какъ-будто въ самомъ дѣлѣ нужда мнѣ заботиться о васъ или о немъ! заключила мистриссъ Родонъ, величаво забросивъ свою головку назадъ. Хотите вы обѣдать у меня? Мой мужъ сегодня у главнокомандующаго. Получены военныя новости. Говорятъ, что Французы перешли границу. Мы можемъ обѣдать съ большимъ комфортомъ.

Джорджъ охотно согласился на приглашеніе, хотя его жена страдала головною болью. Прошло только шесть недѣль со времени ихъ свадьбы. Посторонняя жеицина смѣялась и шутила надъ ней въ присутствіи мужа, и мужъ не думалъ сердиться. Онъ даже не сердился на самого себя, по незрѣчен-

ной добротѣ своего мягкаго сердца.

— Оно, если признаться, немножко стыдно передъ со-вѣстью, рассуждалъ онъ самъ съ собою, да что прикажете дѣлать, если тутъ на дорогѣ попадаетъ хорошенькая женщина, предметъ зависти и соревонованія для всякаго мужчины со вкусомъ? Я вѣдь не деревянный.

— Вообще, господа, я позволяю себѣ много свободы въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, говорилъ онъ въ дружеской бесѣдѣ Стобблю и Спуні, когда они обѣдали за общимъ столомъ. Зато могу похвастать, что и женщины ко мнѣ довольно благосклонны.

И этого было довольно, чтобъ заслужить уваженіе всѣхъ безъ изытія господъ Спуні и Стоббль. Кому не извѣстно, что, послѣ бранныхъ подвиговъ, любовныя побѣды составляютъ главнѣйшій источникъ гордости для свѣтскихъ героевъ на базарѣ житейской суеты? Вѣдь еще въ школѣ ребяташки хвастаютъ амурными продѣлками, и не даромъ дон-Жуанъ, отвратительнѣйшее и гнуснѣйшее созданіе безнравственнаго міра, приобрѣлъ такую громкую извѣстность на рынкѣ житейскихъ треволненій.

Такимъ-образомъ, мистеръ Джорджъ, глубоко убѣжденный въ своей душѣ, что ему предназначено выигрывать блистательныя побѣды надъ женскими сердцами, не только не думалъ идти наперекоръ своей судьбѣ, но даже покорился ей съ поэтическимъ наслажденіемъ челоуѣка, проникнутаго сознаниемъ своихъ собственныхъ достоинствъ. Ми-

стриссъ Эмми сдѣлалась, конечно, несчастнѣшимъ созданіемъ въ мірѣ, но она тосковала втихомолку, и не думала въ присутствіи супруга жаловаться на свою горемычную долю. Поэтому Джорджъ, не чувствуя лишней тяжести на своей душѣ, заблагодарасудилъ вообразить, что глупенькая его жена совершенно не подозрѣваетъ сокровенныхъ вещей, извѣстныхъ впрочемъ всѣмъ его знакомымъ, и не догадывается, что онъ волочится неутомимо за мистриссъ Кроли. Онъ ѣздилъ съ нею за городъ и на всѣ публичныя гулянья, рассказывая Амеліи, что служебныя дѣла поглощаютъ все его время отъ ранняго утра до поздней ночи; Амелія знала все, и молчала: ей ли мучить своего Джорджа бесполезнымъ выраженіемъ ревниваго чувства? И оставляя свою жену бесѣдовать наединѣ съ братцемъ Джозомъ, мистеръ Осборнъ проводилъ всѣ вечера въ обществѣ Родона Кроли, проигрывая ему свои деньги, и обольщая себя плѣнительною увѣренностью, что Ребекка умираетъ отъ любви къ нему. Думать надобно, что между этими достойными супругами никргда не происходило консультаціи въ родѣ слѣдующей: «любезничать женѣ съ молодымъ джентльменомъ, и мужу наповаль обыгрывать его въ карты»; но они въ совершенствѣ понимали другъ друга безъ всякихъ предварительныхъ консультацій, и на этомъ основаніи Родонъ Кроли принималъ и провожалъ мистера Осборна, какъ одного изъ самыхъ задушевныхъ друзей.

При такихъ обстоятельствахъ, честный Вилльямъ Доббинъ уже рѣдко имѣлъ случай видѣть своего друга. Джор-

джъ, посвятившій все время своимъ новымъ знакомцамъ, тщательно избѣгалъ его въ публичныхъ мѣстахъ, потому что, какъ мы видѣли, онъ терпѣть не могъ принимать отъ кого бы то ни было нравоученія и совѣты. Само-собою разумѣется, что кептенъ Доббинъ былъ чрезвычайно недоволенъ поведеніемъ мистера Джорджа; но могъ ли онъ образумить этого юнаго джентльмена? Съ какой стати вздумалъ бы онъ доказывать, что мистеръ Джорджъ былъ легкомысленъ и зеленъ какъ безпутный мальчишка, еще не оставившій школьной скамейки? Можно ли было увѣрять, что онъ играетъ для Родона несчастную роль глупѣйшей жертвы, и что онъ бросить его съ презрѣніемъ, какъ-скоро вытянетъ послѣдній шиллингъ изъ его кармана? Джорджъ, нѣтъ сомнѣнія, не сталъ бы слушать всѣхъ этихъ наговоровъ, хотя зналъ онъ и самъ, что мистеръ Кроли обыгралъ уже многихъ молодыхъ людей. Такимъ-образомъ, между старинными друзьями уже не происходило больше неприятныхъ и бесполезныхъ объясненій, хотя Доббинъ продолжалъ каждый день навѣщать мистриссъ Осборнъ, скучавшую въ обществѣ брата. Мистеръ Джорджъ, между тѣмъ, не связанный ничѣмъ, летѣлъ, очертя голову, по широкому раздолью житейскихъ тревоженій.

* * *

Никогда, со временъ Дарія, историческій міръ не видѣлъ и, быть-можетъ, не увидитъ такой блестящей свиты, какая

въ тысячу восемь-сотъ-пятнадцатомъ году слѣдовала въ Нидерланды за войскомъ герцога Веллингтона. Праздники и увеселенія, сопровождаемые танцами, игрою, продолжались непрерывно, на самомъ краю битвы, если позволено такъ выразиться скромному романисту, извѣстный балъ, данный въ Брюсселѣ благородною герцогинею пятнадцатаго юня выше упомянутаго года, заслуживаетъ быть исторически-мъ въ строжайшемъ смыслѣ слова. Столица Бельгii была въ состоянii неописаннаго восторга, и многія дамы, бывшія тогда въ Брюсселѣ, увѣряли меня лично, что весь прекрасный полъ интересовался судьбою этого бала гораздо болѣе, чѣмъ судьбою будущаго сраженія, которое, такъ сказать, у всѣхъ висѣло на носу. Происки, интриги и просьбы достать билеты, имѣли самый шумный, бурный, энергический характеръ, свойственный только англійскимъ леди, которыя, въ извѣстномъ случаѣ, хотя въ что бы ни стало, втереться въ общество великихъ людей своей знаменитой отчизны.

Джозъ и мистриссъ Одаудъ, пламенѣвшіе желаніемъ быть на балѣ, тщетно употребляли всѣ возможные усилія достать вожелѣнный билетъ, но другіе наши пріятели были, въ этомъ отношеніи, счастливѣе Джоза и майорши. Такъ, благодаря могущественному ходатайству лорда Барикриса, помнившаго сытныи обѣдъ въ ресторанѣ, Джорджъ Осборнъ получилъ пригласительную карточку для себя и своей супруги, что, естественнымъ образомъ, польстило какъ нельзя больше его джентльменскимъ чувствамъ. Вильямъ Доббинъ,

пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ дивизіоннаго генерала, пришель однажды къ мистриссъ Осборнъ, и, улыбаясь, представилъ ей вниманію свой пригласительный билетъ, что, естественнымъ, образомъ пробудило сильнѣйшее чувство зависти въ сердцѣ мистера Джоза, между-тѣмъ какъ Джорджъ не могъ надивиться, какими судьбами неуклюжій его пріятель попалъ въ высшій кругъ. Наконецъ, ужъ само-собою разумѣется, были также приглашены мистеръ и мистриссъ Родонъ, какъ пріятели генерала, командовавшаго кавалерійской дивизіей.

Въ назначенный вечеръ, мистеръ Джорджъ, заказавшій новые наряды и украшенія всякаго рода для своей супруги, отправился на знаменитый балъ, гдѣ Амелія буквально не знала ни одной души. Леди Барикрисъ не удостоила и взглядомъ мистриссъ Осборнъ, какъ будто не видала ея ни разу въ своей жизни. Усадивъ свою супругу на скамьѣ, Джорджъ немедленно оставилъ ее на произволь судьбы, въ добычу собственныхъ размышленій, воображая, что сдѣлалъ все съ своей стороны, если купилъ для нея новое платье, и привезъ ее на балъ, гдѣ она могла веселиться какъ ей было угодно. Размышленія мистриссъ Эмми приняли самый печальный характеръ, и никто въ этой огромной залѣ, кромѣ мистера Доббина, не потрудился развлечь и утѣшить бѣдную леди, вздумавшую такъ некстати появиться въ кругу неизвѣстныхъ ей людей. Будь она брошена одна въ дремучемъ лѣсу, положеніе ея едва-ли могло быть хуже.

И между-тѣмъ какъ она, къ великому бѣшенству озадаченнаго супруга, сидѣла пригорюнившись и съ поникнувшей головой на своей скамейкѣ, мистриссъ Родонъ Кроли выступала блистательно въ своей первой роли на торжественной ярмаркѣ житейской суеты. Она пріѣхала очень поздно. Ея лицо сіяло радужнымъ блескомъ, и вся ея фигура, украшенная съ величайшимъ изяществомъ всѣми изобрѣтеніями послѣдней европейской моды, казалась верхомъ совершенства среди всѣхъ этихъ особъ, собравшихся здѣсь выставить свой физическія и нравственныя достоинства на парадномъ рынкѣ житейскихъ тревоженій. Всѣ лорнеты устремились на это новое чудо, еще невиданное въ большомъ свѣтѣ. Ребекка была холодна, спокойна, сосредоточена въ себѣ, точь-въ-точь какъ встарину, въ пансіонѣ у старухи Пинкертона, когда ей приходилось, въ качествѣ титулярной гувернантки, сопровождать молодыхъ дѣвицъ на гулянье или въ церковь. Она знала уже множество мужчинъ, и блистательные денди подобострастно увивались вокругъ мистриссъ Кроли. Между знатными леди, съ быстротою вдохновенной мысли, сочинилась на ея счетъ интересная исторія весьма поэтическаго свойства, и въ короткое время всѣмъ было извѣстно, что капитанъ Родонъ увезъ изъ какого-то замка свою невѣсту, и что Ребекка состояла въ родственной связи съ фамиліей Монморанси. Французскій языкъ, которымъ она владѣла въ совершенствѣ, служилъ подтвержденіемъ этой молвы. Всѣ безъ исключенія, каждый и каждая, согласились единодуш-

но, qu'elle à un air distingué, и что ея манеры превосходны въ великосвѣтскомъ смыслѣ слова. Пятьдесятъ отборныхъ кавалеровъ столпились вокругъ нея, добиваясь наперерывъ завидной чести танцовать съ мистриссъ Кроли. Ребекка объявила всѣмъ и каждому, что ея ангажировали, и, на этомъ основаніи, сдѣлавъ крутой поворотъ, она отправилась прямо къ-тому мѣсту, гдѣ сидѣла бѣдная Эмми, незамѣченная никѣмъ и волнуемая печальной мыслью. Довершить ея страданія было, для нашей героини, дѣломъ одной минуты. Мистриссъ Родонъ привѣтствовала свою милую подругу съ величайшимъ радушіемъ, и немедленно вызвалась покровительствовать ея на этомъ базарѣ житейской суеты. Оказалось, по ея мнѣнію, что платье сидитъ на ней мѣшкомъ, что sa coiffure ne lui va pas, и что непостижимо, наконецъ, отчего она si mal chaussée. Въ довершеніе эффекта, мистриссъ Бекки обѣщала прислать ей на другой день свою corsetoère. Она увѣряла, что балъ очарователенъ, что здѣсь сгруппировалась вся лондонская знать, и что во всей залѣ весьма немного *ничтожныхъ лицъ*, неизвѣстныхъ большому свѣту. Всѣхъ она знала, и всѣ, повидимому, знали мистриссъ Родонъ Кроли. Не больше какъ въ четырнадцать дней, эта молодая особа, послѣ трехъ обѣдовъ въ большомъ свѣтѣ, изучила всѣ отгѣнки свѣтской болтовни съ такимъ совершенствомъ, какъ-будто она родилась и выросла въ блистательной семьѣ какого-нибудь ларда Бумбумбумъ. Одинъ только французскій языкъ могъ еще, въ нѣкоторой степени, служить об-

личительнымъ признакомъ, что мистриссъ Бекки не принадлежала къ британской аристократіи, которая, какъ всему міру извѣстно, объясняется прескверно на европейскихъ діалектахъ.

Джорджъ, оставившій свою Эмми на скамейкѣ при самомъ входѣ въ бальную залу, поспѣшилъ къ ней воротиться, какъ-скоро увидѣлъ, что Ребекка заняла мѣсто подлѣ своей милой подруги. Бекки, между-тѣмъ, въ назиданіе мистриссъ Осборнъ, рассказывала съ большимъ одушевленіемъ о неисправимыхъ шалостяхъ ея супруга.

— Ради Бога, *ma chère*, говорила мистриссъ Кроли, удержите его отъ игры, или онъ совсѣмъ разорится. Онъ и Родонъ играютъ въ карты каждый вечеръ, а вы знаете, что мужъ вашъ очень бѣдемъ; если вы его не остановите, легко станется, что Родонъ выиграетъ у него послѣдній шиллингъ. Отчего бы вамъ не уговорить его быть поосторожнѣе въ обществѣ друзей? Удивляюсь, какъ вы безпечны, мой ангелъ. Почему бы вамъ не навѣщать насъ по вечерамъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть дома и скучать съ этимъ капитаномъ Доббиномъ? Можетъ-быть онъ очень милъ и любезень, но, согласитесь, можно ли любить неуклюжаго мужчину съ такими огромными ногами? Совсѣмъ другое дѣло — ножки вашего мужа... да вотъ онъ идетъ. Гдѣ вы пропадали, жестокій человѣкъ? Малютка Эмми выплакала изъ-за васъ всѣ свои глазки. Что, вы пришли звать меня на кадрили? Идемъ.

И мистриссъ Кроли, бросивъ свою шаль и букетъ под-

лѣ Амеліи, понеслась танцовать съ Джорджемъ. Женщины только умѣютъ низвергать своихъ ближнихъ съ такимъ утонченнымъ искусствомъ. Ихъ маленькія стрѣлы всегда пропитаны ядомъ, который поражаетъ въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ тупое оружіе мужчины. Бѣдняжка Эмми, не знавшая никогда что такое мстить и ненавидѣть, была безсильна въ рукахъ своего безжалостнаго врага.

Джорджъ танцоваль съ Ребеккой два... три... неизвѣстно сколько разъ, потому-что Амелія потеряла счетъ. Она сидѣла одиноко въ своемъ углу, и никто ея не замѣчалъ. Разъ только Родонъ Кроли перебросилъ съ нею нѣсколько безсвязныхъ словъ, да еще, подь-конецъ вечера, кептенъ Доббинъ принесъ ей порцію мороженаго, и осмѣлился присѣсть подлѣ нея. Кептенъ Доббинъ не любилъ и не хотѣлъ спрашивать, о чемъ грустить мистриссъ Осборнъ; но желая чемъ-нибудь объяснить причину своихъ слезъ, Амелія сказала, что ее слишкомъ растревожило извѣстіе о привязанности Джорджа къ картежной игрѣ.

– Удивительная вещь, сказалъ мистеръ Доббинъ, въ видѣ общаго замѣчанія касательно странностей человѣческой природы, – стоитъ только получить пристрастіе къ игрѣ, и васъ будетъ безъ церемоніи обманывать всякій негодяй.

– Вотъ что! откликнулась мистриссъ Эмми.

И больше ничего. Другія мысли, поважнѣе бесполезной траты денегъ, были у нея на умѣ.

Мистеръ Джорджъ воротился, наконецъ, за шалью и

цвѣтами Ребекки. Она уѣзжала и, передъ отъѣздомъ, не считала даже нужнымъ сказать своей подругѣ прощальное слово. Джорджъ пришелъ, повернулся, взялъ что нужно и ушелъ опять. Амелія склонила свою голову на грудь, и въ глазахъ ея опять заструились слезы. Доббинъ былъ отозванъ и шептался о чемъ-то въ сторонѣ съ дивизионнымъ генераломъ. Онъ былъ свидѣтелемъ этой послѣдней разлуки. Джорджъ, между-тѣмъ, выпорхнулъ съ букетомъ на парадную лѣстницу, и когда онъ отдавалъ его по принадлежности, въ букетъ была записка, обвивавшаяся змѣйкой между цвѣтами. Опытный взоръ Ребекки мгновенно открылъ эту вещицу. Ей уже не первый разъ приходилось получать записочки мистическаго свойства. Она протянула руку и взяла букетъ. Джорджъ увидѣлъ по глазамъ, что она понимала, чего должно ей искать. Родонъ Кроли, углубленный въ свои собственные мысли, казалось, не хотѣлъ обращать вниманія на то, что происходило въ эту минуту между пріятелемъ и женой. Впрочемъ — ничего особеннаго. Бросивъ таинственный взглядъ, Ребекка еще разъ подала мистеру Джорджу свою миньятюрную ручку, сдѣлала книксенъ и ушла. Мистеръ Кроли сдѣлалъ какое-то замѣчаніе; но Джорджъ неслыхалъ ни чего: упоенный своимъ триумфомъ, онъ раскланялся съ друзьями и молча пошелъ въ залу.

Амелія видѣла хорошо послѣднюю часть букетной сцены. Было въ порядкѣ вещей, если Джорджъ, по просьбѣ мистриссъ Кроли, отправился за ея шарфомъ и цвѣтами — это

онъ дѣлалъ тысячу разъ въпродолженіе послѣдимхъ двухъ недѣль; но теперь услужливость его рѣшительно выступила изъ границъ, и Амелія не выдержала.

— Вильямъ... Вильямъ, сказала она, вдругъ ухватившись за руку Доббина, который стоялъ подлѣ — вы всегда... вы всегда были такъ добры ко мнѣ и... и... у меня болитъ голова. Я не здорова. Отведите меня домой.

Встревоженная и отуманенная происшествіями этого вечера, она не знала и не помнила, что назвала его по-дружески, просто Вильямомъ, какъ это обыкновенно дѣлалъ Джорджъ.

Мистеръ Доббинъ взялъ ее подъ руку и поспѣшно вышелъ изъ залы. Ея квартира была недалеко. Вильямъ и Амелія не безъ труда протѣснились черезъ уличную толпу, которая тутъ, подлѣ иллюминированнаго дома, волновалась и шумѣла чуть-ли еще не больше, чѣмъ веселые гости на балѣ.

Джорджъ, по обыкновенію, сердился всякій разъ, когда, по возвращеніи домой изъ гостей, находилъ, что жена его не спитъ. Поэтому мистриссъ Эмми, дойдя до своей квартиры, раздѣлась на скорую руку и легла. Но нечего и говорить, что сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Крикъ, толкотня и топотъ лошадей передъ окнами спальни мистриссъ Осборнъ не умолкали ни на одну минуту; но Амелія не слыхала этого шума. Были другія обстоятельства, поважнѣе уличной суматохи, которыя не давали ей уснуть.

Осборнъ между-тѣмъ, совершенно опьяненный отъ вос-

торженныхъ впечатѣній, побѣжалъ къ карточному столу и принялся играть очертя голову. На этотъ разъ онъ выигрывалъ безпрестанно.

— О-го! вотъ какъ везетъ мнѣ въ этотъ вечеръ! говорилъ мистеръ Осборнъ, продолжая закладывать огромныя суммы, — есть отчего потерять голову.

И дѣйствительно, голова его была потеряна. Сосчитавъ свой выигрышъ, и положивъ въ карманъ, онъ бросился въ буфетъ и выпилъ сряду нѣсколько стакановъ вина.

Здѣсь-то, когда онъ кричалъ на окружающую толпу, и смѣялся, и кривлялся какъ съумасшедшій, нашель его мистеръ Вилльямъ Доббинъ, искавшій его сначала у карточныхъ столовъ. Доббинъ былъ угрюмъ, мраченъ и суровъ, представляя, во всѣхъ отношеніяхъ, разительную противоположность съ своимъ товарищемъ, безпечнымъ и необузданно-веселымъ.

— Ты ли это, другъ? Давай пьянствовать, старичина. Чудное вино! Эй, человѣкъ! Пару стакановъ мадеры!

И онъ протянулъ дрожащую руку, чтобы принять свой стаканъ.

— Джорджъ, остановись! сказалъ мистеръ Доббинъ весьма серьезнымъ тономъ. Не пей!

— А почему, старый др-р-ругъ? Все тринь-трава, кромѣ хорошаго вина. Увидишь самъ, если выпьешь. Чокнемся и цапапнемъ вмѣстѣ. Ну, Доббъ!

Доббинъ подошелъ къ нему ближе и шепнулъ что-то на

ухо. Джорджъ отпрянулъ назадъ, закричалъ «ура», бросилъ порожній стаканъ со всего размаха и поспѣшно вышелъ изъ буфета, опираясь на плечо своего друга.

— Непрiятель перешелъ Самбръ, сказалъ мистеръ Доббинъ, — и нашъ лѣвый флангъ уже въ дѣлѣ. Ступай покамѣсть домой. Черезъ три часа мы выступаемъ.

* * *

Быстро пошелъ Джорджъ въ свою квартиру, и еще быстрее зароились мысли въ его головѣ, пробужденной къ дѣятельности роковою вѣстью о встрѣчѣ съ непрiателемъ, котораго, впрочемъ, и безъ того ожидали съ часу на часъ, давнымъ-давно. Кчему онъ волочился, и что теперь значила вся эта интрига? Тысячи разнородныхъ предметовъ, одинъ за другимъ, мелькали въ его разгоряченномъ мозгу. Кчему онъ жилъ до сихъ поръ, и какая судьба ожидала его впереди? Вотъ у него жена, молодая и прекрасная, младенецъ, можетъ-быть, котораго не суждено ему увидѣть никогда, никогда!.. О, какъ-бы онъ желалъ воротить назадъ гибельныя событiя этой несчастной ночи! Какъ бы хотѣлъ онъ съ чистою совѣстью сказать послѣднсе прости этому нѣжному и невинному созданiю, которому онъ такъ дурно отплатилъ за его безпредѣльную любовь!

Его мысли сосредоточились, наконецъ, исключительно надъ его супружескою жизнью. Въ эти три недѣли онъ страш-

но проматывалъ свое материнское наслѣдство. Какъ онъ былъ вѣтренъ, безуменъ и безпеченъ! Случись теперь роковое несчастье – что можетъ онъ оставить своей бѣдной Эмми? О, какъ онъ былъ теперь недостоинъ въ ея глазахъ!.. Да и зачѣмъ онъ женился на ней? Онъ неспособенъ къ супружеской жизни. Зачѣмъ онъ не послушалъ своего отца, который всегда былъ къ нему, болѣе или менѣе, великодушенъ? Надежда, угрызенин, честолюбіе, нѣжность и своекорыстные расчеты попеременно наполняли его сердце.

Джорджъ Осборнъ сѣлъ за столъ и написалъ письмо къ своему отцу. Уже свѣтало, и заря прокрадывалась черезъ опущенныя сторы, когда онъ положилъ перо. Онъ запечаталъ конвертъ и набожно поцаловалъ сдѣланную надпись. Ему пришли въ голову тысячи трогательныхъ и нѣжныхъ сценъ, происходившихъ нѣкогда между нимъ и отцомъ, и онъ съ огорченіемъ припомнилъ свой послѣдній разрывъ съ мистеромъ Осборномъ-старшимъ.

Кончивъ письмо, Джорджъ заглянулъ и вошелъ въ спальню своей жены. Амелія лежала спокойно, съ закрытыми глазами, и онъ былъ радъ, что она спитъ. По возвращеніи съ бала домой, онъ увидѣлъ, что его деньщикъ уже дѣлаетъ приготовленія къ отъѣзду: деньщикъ понялъ сдѣланный ему сигналъ – быть какъ можно осторожнѣе, и продолжалъ всѣ эти приготовленія съ таинственною важностью, быстро, тихо и безмолвно.

– Что жъ теперь? думалъ мистеръ Джорджъ, разбудить ли

Амелію, или ограничиться запиской къ ея брату, который поутру извѣститъ ее о моемъ отъѣздѣ.

Задавъ себѣ этотъ вопросъ, онъ пріотворилъ дверь спальни, взглянулъ на жену, и потомъ, воротившись въ свой кабинетъ, написалъ письмо. Но теперь онъ опять былъ въ спальнѣ.

Амелія не спала, когда онъ первый разъ вошелъ въ ея комнату, но она смежила свои глаза изъ опасенія, чтобы мужъ не разсердился. Но когда онъ воротился въ другой разъ, ея робкое сердце успокоилось мало-по-малу, и она осмѣлилась поворотиться къ нему лицомъ, притворяясь на всякой случай, что дѣлаеть это во снѣ. Джорджъ на цыпочкахъ подошелъ къ постели, и, притаивъ дыханье, началъ пристально наблюдать ея кроткое, нѣжное и блѣдное лицо, при слабомъ мерцаніи ночной лампы. Ея темныя, густыя рѣсницы сомкнулись, и одна рука, бѣлая и нѣжная, выставилась изъ-подъ одѣяла.

Великій Боже! Какъ она была невинна, чиста, плѣнительна, нѣжна, благородна, и какую безпріютною казалась она въ этомъ мірѣ! А онъ? Праведное небо! Онъ былъ неблагодарень, низокъ, пусть и глупъ!

Пораженный стыдомъ и угрызеніями совѣсти, Джорджъ Осборнъ стоялъ у изголовья постели и смотрѣлъ на спящую жену. Ему ли, зачерствѣлому эгоисту, молиться объ этомъ невинномъ созданіи? Онъ не смѣлъ и думать о молитвѣ; однакожь, уста его невольно шевелились и, казалось, онъ произносилъ: «Благослови ее Богъ! Благослови ее Богъ!» Онъ

подвинулся еще ближе и молча склонился надъ ея блѣднымъ лицомъ.

И когда онъ нагнулся такимъ-образомъ, двѣ нѣжныя ручки тихо обвилиась вокругъ его шеи.

— Я не сплю, Джорджъ, пролепетала блѣдная женщина, давая теперь полную волю слезамъ, отъ которыхъ надрывалось ея собственное сердце.

Отчего же ты не спала, беззащитное дитя? Кому и для чего понадобилось твое безвременное пробуждеиіе?

Звуки военной трубы огласили брюссельскую площадь передъ ратушей, и быстро распространились отъ нея по всѣмъ концамъ. Загудѣлъ пронзительный шотландскій рожокъ, барабаны загремѣли и весь городъ встрепенулся.

Глава XXIX

*«Ура! товарищи, въ походъ!
Прощай, красотка молодая!»*

Военная пьсня.

Читатель жестоко ошибется, если вздумаетъ включить насъ въ число военныхъ романистовъ. Мы не имѣемъ никакихъ притязаній на этотъ титулъ, и наше мѣсто среди мирныхъ гражданъ. Какъ-скоро палуба опустѣла, мы смиренно спускаемся въ трюмъ и терпѣливо ждемъ развязки. Мы не пойдемъ за Трильйоннымъ полкомъ далѣе городскихъ воротъ, и въ ту пору, какъ майоръ Одаудъ вступаетъ на свою дѣйствительную службу, мы отретируемся назадъ къ его супругѣ и другимъ прелестнымъ дамамъ, оставшимся въ обозѣ.

Не удостоившись чести быть приглашеннымъ на балъ, описанный нами въ предъидущей главѣ, господинъ майоръ Одаудъ могъ привольно наслаждаться тѣмъ естественнымъ и здоровымъ покоемъ, котораго не суждено было въ эту ночь вкусить его товарищамъ, любителямъ свѣтскихъ удовольствій.

— Послушай, Пегги, другъ ты мой любезный, ласково сказалъ майоръ своей супругѣ, нахлобучиваясь колпакомъ на сонъ грядущій, черезъ день или черезъ два, я полагаю, зададутъ намъ такого рода балъ съ музыкой и выпляской, какого

еще не видывали многие изъ этихъ господъ.

И въ заключеніе этой сентенціи, онъ выпилъ стаканъ грога, предпочитая это скромное удовольствіе шумнымъ наслажденіямъ легкомысленнаго свѣта. Мистриссъ Пегги сначала сердечно сокрушалась, что жестокая судьба лишила ее удовольствія отрекомендовать почтенной публикѣ свой турбанъ и райскую птицу; то въ скоромъ времени, извѣстіе, полученное отъ супруга, сообщило другое, болѣе серьезное направленіе ея мыслямъ.

— Вотъ что, Пегги, душа ты моя, сказалъ майоръ своей супругѣ, тебѣ бы не мѣшало этакъ разбудить меня минутъ за тридцать до барабанной тревоги. Ты ужъ потрудись приготовить мои вещи, и потомъ, какъ будетъ половина второго, толкни меня въ бокъ. Легко станется, душа моя, что къ завтраку ужъ я не ворочусь.

Съ этими словами, предвѣщавшими неизбѣжное наступленіе похода, господинъ майоръ Одаудъ пересталъ говорить, и погрузился въ сладкій сонъ.

Мистриссъ майорша Одаудъ, какъ добрая жена и расторопная супруга, приняла теперь къ свѣдѣнію, что ей слѣдуетъ держать ухо востро. Оставаясь нъ юбкѣ, папильйоткахъ и кофтѣ, она рѣшиила не спать всю ночь.

— Что и говорить, какой теперь сонъ! подумала мистриссъ Пегги въ глубинѣ души, — выспаться успѣю завтра и послѣ завтра, когда не будетъ больше добраго моего Мика.

И она принялась укладывать его дорожный чемоданчи-

къ, весьма удобный для помѣщенія въ маломъ объемѣ многихъ, совершенно необходимыхъ вещей. Затѣмъ она вычистила его шинель, фуражку, походный мундиръ и другія статьи военнаго туалета. Само-собою разумѣется, что въ глубокіе карманы шинели она не забыла помѣстить многія прохладительныя снадобья, со включеніемъ увѣсистой плетёной фляжки коньяку, до котораго майоръ былъ особенно охотникъ въ дорогѣ, потому-что коньякъ, въ самомъ дѣлѣ, превосходный напитокъ. Кончивъ всѣ эти приготовленія, майорша сѣла и задумалась, устремивъ свой неподвижный взоръ на часы съ репетиціей, лежавшіе передъ нею на столѣ. И лишь-только эта чудная машина, равная, по своей аккуратности, неизмѣнно-вѣрнымъ часамъ каѳедральнаго собора, пробила двѣ четверти втораго, мистриссъ майорша Одаудъ мгновенно разбудила своего супруга, и поднесла къ его устамъ превосходную чашку кофе, какую когда-либо видѣлъ городъ Брюссель.

Кто изъ смертныхъ будетъ сомнѣваться, что всѣ эти распоряженія достойной леди отнюдь не уступаютъ истерическимъ припадкамъ и слезамъ, которыми обыкновенно чувствительныя женщины выражаютъ свою любовь къ нѣжнымъ друзьямъ сердца? Я, съ своей стороны, убѣжденъ душевно, что этотъ чудный кофе, который Одауды кушали вмѣстѣ при звукахъ трубъ и барабановъ, раздававшихся во всѣхъ улицахъ и переулкахъ бельгійской столицы, былъ, въ своей сущности, гораздо полезнѣе и сообразнѣе съ разумной цѣлью,

чѣмъ всѣ эти разительныя изліянія высокопарныхъ чувствъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ вкуснаго завтрака было то, что майоръ Одаудъ явился на парадъ веселымъ, свѣжимъ, здоровымъ и проворнымъ, и когда онъ сѣлъ на своего коня, можно было залюбоваться, какъ онъ приступилъ къ командѣ своимъ полкомъ. Всѣ офицеры весело салютовали майоршу Одаудъ, когда полкъ проходилъ мимо балкона, гдѣ стояла эта храбрая и достойная леди, размахивая направо и налево своимъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ; храбрость мистриссъ Пегги, въ самомъ дѣлѣ, не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію, и одно только чувство женской деликатности могло удержать ее отъ личной команды Трильйоннымъ полкомъ, выступавшимъ на поле чести и славы.

По воскресеньямъ, и въ нѣкоторые другіе торжественные дни, мистриссъ Одаудъ постоянно читала, съ великою важностью, какую-то большую книгу съ золотымъ обрѣзомъ, сочиненную ея дядей, достопочтеннымъ деканомъ. Еще не такъ давно, въ этомъ только чтеніи она находила для себя единственное утѣшеніе и отраду, когда, при возвращеніи изъ Вест-Индіи на родину, сидѣла на палубѣ корабля, качаемаго сильными вѣтрами. И теперь, когда Трильйонный полкъ уже скрылся изъ виду, и барабаны перестали оглашать пробужденный городъ, мистриссъ Пегги снова обратилась къ этому волюму, въ надеждѣ погрузить на его страницахъ свою душевную печаль. Но на этотъ разъ ея мысли бродили далеко, и она, казалось, ничего не понимала изъ своей любви.

мой книги. Проектъ успокоенія на подушкѣ, гдѣ еще лежалъ колпакъ ея супруга, былъ теперь оставленъ безъ всякаго вниманія, несмотря на тревожную ночь, цроведенную безъ сна. Было ясно, что почтенная майорша углубилась въ созерцаніе тревожныхъ жизни. Такъ и все идетъ на свѣтъ. «Прощай, красотка молодая!» говоритъ какой-нибудь Джекъ или Дональдъ, и весело, съ ружьемъ на илечѣ, идетъ впередъ подъ звуки военнаго марша. А красотка молодая сидитъ между тѣмъ одиноко въ своей комнатѣ, и горюетъ, и крушится, и рыдаетъ, потому что нѣтъ съ ней милаго дружка, и потому въ особенности, что у ней слишкомъ много времени и досуга для изліянія сердечныхъ ощущеній. Нѣтъ, однакожь, правила безъ исключеній.

Понимая въ совершенствѣ, что сердечныя сокрушенія, въ подобныхъ случаяхъ, содѣйствуютъ только къ увеличенію скорби любимыхъ особъ, мистриссъ Бекки рѣшилась подавить въ себѣ всякій восторженный порывъ, и на этомъ благоразумномъ основаніи она переносила внезапную разлуку съ удивительнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ древней Спартанки. Самъ капитанъ Родонъ былъ въ эти минуты расстроганъ гораздо больше, чѣмъ его рѣшительная сунруга, съ которой онъ прощался, быть-можетъ, навсегда. Она вполне покорила эту суровую натуру, и побѣжденный Геркулесь возлюбилъ свою жену всѣми силами и способностями своей души. Во всю жизнь никогда онъ не былъ столько счастливъ, какъ въ послѣдніе мѣсяцы, оживленные присутствіемъ лю-

бимаго существа. Всѣ трактирныя похождения холостой жизни, карты, конскія скачки, бильярдъ, волокитство за модистками, актрисами и другія болѣе или менѣе легкія побѣды, все это оказалось, на-повѣрку, глупымъ и совершенно пошлымъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ пользовался, обладая Ребеккой. Изобрѣтательная на выдумки, Ребекка находила средства забавлять его во всякое время, и теперь свой собственный домъ казался ему въ тысячу разъ пріятнѣе, чѣмъ всѣ другія мѣста или общества, которыя онъ посѣщаль холостякомъ. Онъ проклиналъ свой прошедшія глупости, и особенно оплакивалъ свои огромные долги, которые, какъ онъ думалъ, могли навсегда служить для его жены непреодолимымъ препятствіемъ къ возвышенію и блистательнымъ успѣхамъ на поприщѣ свѣтской жизни. Онъ часто, въ глубокую полночь, разсуждалъ объ этомъ предметѣ наединѣ съ Ребеккой, хотя, къ несчастью, всѣ эти долговыя обязательства ничуть не беспокоили его, когда онъ былъ холостякомъ. Это былъ своего рода нравственный феноменъ, необъяснимый для него самого.

— Вѣдь вотъ оно, говорилъ мистеръ Кроли, уснащивая свою рѣчь простонародными поговорками, какихъ было очень много въ его вседневномъ словарѣ, — до женитьбы я проматывалъ, зажмуря глаза, послѣдній шиллингъ, и подписывалъ векселя напропалую; не заботясь о процентахъ. Дать заемное письмо какому-нибудь жиду, для меня не значило ровно ничего, и я жилъ припѣваючи со дня на день. Теперь

не то. Увѣряю тебя честнымъ словомъ, Бекки, что со времени женитьбы рука моя не дотрогивалась до гербовой бумаги, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно было возобновить отсрочку старымъ векселямъ.

Ребекка владѣла всегда могущественными средствами разгонять въ своемъ супругѣ всѣ эти меланхолическіе припадки, вызванные воспоминаніями протекшихъ лѣтъ.

– Стоить ли тужить объ этихъ мелочахъ? говорила она своему супругу, – развѣ ужь пропала надежда на тѣтушку Матильду?... Ну, а если пропадетъ, все еще бѣды не будетъ никакой. Во-первыхъ, ты человекъ военный, и, стало-быть, можешь рассчитывать на выслугу, особенно теперь, когда война разгарается со всѣхъ сторонъ. Во-вторыхъ, послѣ смерти брата Питта (умереть онъ долженъ непременно), ты полный и независимый владѣлецъ «Королевиной усадьбы». Въ третьихъ... знаешь ли что? Родонъ?

– Что?

– Припишись къ какой-нибудь сходкѣ «Кувыркателе». Это превыгодное ремесло. Я буду писать за тебя сочиненія, и ты отличишься на-славу между этнай глупцами. Ума тутъ не нужно никакого. Чѣмъ больше будешь кричать, тѣмъ лучше, а тебя на это хватить, голосъ у тебя богатырскій.

При этой внезапной мысли, возникшей въ изобрѣтательномъ мозгу мистриссъ Бекки, Родонъ разразился самымъ дикимъ и отчаяннымъ смѣхомъ, такъ-что переполошилъ всю гостинницу, уже спавшую крѣпкимъ сномъ въ этотъ полноч-

ный часъ. Милордъ Тюфто, квартировавшій надъ нашими героями, во второмъ этажѣ, послалъ своего деньщика осведомиться, ужъ не спятилъ ли съ ума его адъютантъ. Поутру, на другой день, за чашкой кофе, Ребекка объяснила всю эту сцену, къ великому наслажденію милорда, который и самъ покотился со смѣху, когда выслушалъ первую импровизированную рѣчь, произнесенную Ребеккой въ мнимомъ обществѣ «Кувыркателей», къ которымъ со временемъ будетъ принадлежать ея супругъ.

Но прошли, наконецъ, всѣ эти веселые дни, рѣчи и бесѣды. Съ роковою вѣстью о походѣ и открытіи кампаніи, Родонъ Кроли вдругъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ въ такой степени, что Ребекка позволила себѣ сдѣлать на его счетъ нѣсколько весьма колкихъ замѣчаній. Это оскорбило капитана.

— Надѣюсь, мистриссъ Бекки, вы не считаете меня трусомъ; сударыня, сказалъ онъ голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія, — я готовъ умереть во всякое время, и грудь моя открыта для непріятельскихъ пуль; но что будетъ съ тобою, Бекки... а можетъ и еще съ кѣмъ-нибудь... съ двумя, то-есть безпріютными и беззащитными особами, которыя останутся послѣ моей смерти? Надъ этимъ нечего смѣяться, я полагаю.

Тысячи нѣжныхъ словъ и выраженій готовы были, во всякомъ данномъ случаѣ, смягчить и успокоить раздраженнаго супруга. Сатирическій духъ Ребекки, тѣсно соединенный съ

ея природнымъ темпераментомъ, живымъ и юркимъ, проходилъ въ одно мгновеніе ока, и фізіономія ея, переставая выражать неугомонную веселость, быстро омрачалась самымъ печальнымъ колоритомъ. Къ такимъ артистическимъ видоизмѣненіямъ она пріучила себя еще въ лондонскомъ предметъ Сого, подъ скромной кровлей родительской квартиры.

— Милый другъ! воскликнула она, неужели ты думаешь, что я ничего не чувствую?

И въ доказательство чувствительности, румяныя ея щеки оросились крупными слезами, способными размягнуть самое черствоё сердце.

— Ну, полно, полно, Бекки, сказалъ растроенный супругъ, посмотримъ-ка вотъ лучше, что у тебя можетъ остаться, въ случаѣ моей смерти. Въ послѣднее время мнѣ особенно везло, и вотъ тутъ наличными ровно двѣсти тридцать фунтовъ. Въ карманѣ у меня десять наполеондоровъ; этого, авось, хватитъ на весь походъ. Больше для меня не нужно. За столъ и за квартиру не плати, потому-что генераль Тюфто расплатился за насъ и за себя. Если меня убьютъ, помни, Бекки, что я не долженъ содержателю, гостиницы ни одного шиллинга. Не плачь, мой другъ, оно, можетъ-быть, и лучше, если убьютъ, потому-что... какъ знать? чего бы ты натерпѣлась со мной. Своихъ лошадей я не беру; оно будетъ дешевле, если поѣду на генеральскомъ гнѣдкѣ. Я ужъ сказалъ генералу, что моя лошадь захромала. Ну, такъ если оно... того, Бекки, ло-

шадей-то, знаешь, можно будет продать. За кобылу вчера Григгъ давалъ мнѣ девяносто гиней, только я имѣлъ глупость заартачиться и не уступалъ меньше сотни, такъ-какъ еще намъ не была объявлена эта внезапная новость. Бульфинчъ нигдѣ не потеряетъ своей цѣны, а все-таки лучше продать его въ этой сторонѣ, потому-что въ Лондонѣ его, пожалуй, отнимутъ у тебя за долги. Эту маленькую лошадку, что подарилъ тебѣ сэръ Тюфто, тоже не мѣшаетъ продать здѣсь, потому-что, другъ мой, Бекки, воздухъ лондонскихъ конюшенъ будетъ нездоровъ для нея, прибавилъ улыбаясь мистеръ Родонъ. Вотъ эта дорожная шкатулка стоила мнѣ двѣсти фунтовъ... то-есть, я еще не заплатилъ за нее, не плати и ты, а полтора ста фунтовъ тебѣ всякій за нее дастъ. За продажу моего гардероба тоже можно выручить порядочную сумму. Здѣсь вотъ, къ вашимъ услугамъ, мои булавки, кольца, часы съ золотой цѣпочкой, и другой довольно цѣнный хламъ. Все это спусти при первомъ удобномъ случаѣ. За эти часы и цѣпочку, тѣтушка Матильда, помнится, заплатила сотню фунтовъ. Золотые флакончики могутъ быть проданы отдѣльно отъ шкатулки фунтовъ за тридцать. Какъ жаль, право, что у того же купца я не озаботился взять золотой сервизъ!.. Но ужъ дѣлать нечего, Бекки, надобно хорошенько воспользоваться и тѣмъ, что есть.

Дѣлая такимъ-образомъ эти послѣднія распоряженія, мистеръ Кроли, бывшій отчаяннымъ эгоистомъ до самой женитьбы, когда безкорыстная любовь, нѣжная и пламенная,

пересоздала его грубую натуру, перебирала, одну за другою, всѣ статьи своего движимаго имущества, стараясь опредѣлить приблизительную цѣну каждой вещи. Онъ былъ серьёзенъ и задумчивъ, потому-что занимался устройствомъ судьбы своей будущей вдовы. Вооруженный карандашомъ, онъ взялъ листъ бумаги, и составилъ школьнымъ почеркомъ длинный реэстръ всѣхъ своихъ вещей, съ отмѣткою приблизительной цѣны каждой. Вотъ образчикъ этого замѣчательнаго реэстра:

«Двухствольное мортонское ружье – сорокъ гиней. Походная шинель на собольемъ мѣху – пятьдесятъ фунтовъ. Двѣ пары пистолетовъ въ футлярѣ изъ розоваго дерева (пригодные особенно для дуэлей) – двадцать фунтовъ. Три новыя сѣдла и три попоны, – сорокъ фунтовъ.»

И такъ далѣе. Все это имущество должно было, въ известномъ случаѣ, поступить въ полное распоряженіе будущей вдовы.

Вѣрный своему экономическому плану, капитанъ Кроли надѣлъ самый старый, изношенный мундиръ, оставивъ новое платье подъ присмотръ и опеку мистриссъ Кроли. И этотъ знаменитый денди Гайд-Парка и Виндзора, отправляясь теперь на поле битвы, былъ скорѣе похожъ на скромнаго сержанта, чѣмъ на капитана, и уста его произносили что-то въ родѣ молитвы за женщину, которую онъ собирался оставить. Ребекка, въ свою очередь, приведенная въ трогательное умиленіе, стала на колѣни и устремила свои глазки въ по-

толокъ. Родонъ Кроли поднялъ неутѣшную супругу, заключилъ ее въ свои объятія, и плотно прижалъ къ своему сильно бьющемуся сердцу. Лицо его покрылось пурпуровой краской, и глаза потускнѣли, когда онъ усадилъ ее на стуль, и вышелъ изъ дверей. Онъ ѣхалъ рядомъ съ генераломъ и молча курилъ сигару, когда они догоняли бригаду, выступившую раньше ихъ за нѣсколько минутъ. Брюссель уже исчезъ изъ вида давнымъ-давно, и войска виднѣлись впереди, когда капитанъ Кроли пересталъ крутить усы и вступилъ въ разговоръ съ милордомъ Тюфто.

Ребекка между тѣмъ, какъ мы уже сказалъ, благоразумно рѣшилась подавить въ себѣ всякій восторженный порывъ бесполезной сантиментальности. Когда супругъ ея вышелъ изъ комнаты, она остановилась у окна, и увидѣвъ его на улицѣ, махнула нѣсколько разъ своимъ бѣленькимъ платочкомъ, въ знакъ послѣдняго прощанья. Здѣсь она простояла неподвижно до тѣхъ поръ, пока мистеръ Кроли повернулъ за уголъ переулка.

Каедральныя башни и шпицы на остроконечныхъ кровляхъ старинныхъ брюссельскихъ домовъ уже начинали окрашиваться золотымъ свѣтомъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей. Ребекка не спала всю мочь. На ней еще красовалось бальное платье, приведенное въ живописный беспорядокъ. Ея черныя, густыя локоны въ такомъ же беспорядкѣ растрепались по ея плечамъ. Синіе круги подъ глазами свидѣтельствовали о ея безсонницѣ и усталости, произведенной тяже-

лыми впечатлѣніями послѣ бала.

— Ахъ, какая я страшная! воскликнула мистриссъ Бекки; осматривая въ зеркалѣ свою фигуру. Эти розовыя тряпки удивительно какъ увеличиваютъ мою блѣдность.

И она поспѣшила сбросить свое бальное платье, при чемъ изъ ея корсажа выпала записка, полученная отъ мистера Джорджа. Она подняла ее, прочитала, улыбнулась и заперла въ свою шкатулку. Затѣмъ, опустивъ свой бальный букетъ въ стаканъ воды; мистриссъ Бекки ушла въ свою спальню и заснула сладчайшимъ, въ высшей степени успокоительнымъ сномъ, столько для нея необходимымъ послѣ всѣхъ этихъ душевныхъ безпокойствъ.

Въ городѣ уже все было тихо и спокойно, когда она проснулась въ десять часовъ утра. Наблюденія передъ зеркаломъ сообщили теперь самый успокоительный результатъ. Для окончательнаго возстановленія силъ, мистриссъ Бекки приказала подать себѣ кофе.

Кончивъ завтракъ, она взяла реэстръ, изготовленный для нея честнымъ Родономъ, и принялась внимательнымъ взоромъ всматриваться въ свое новое положеніе. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, оказалось, къ великому утѣшенію, что дѣла ея, въ извѣстномъ случаѣ, пойдутъ недурно. Хорошо даже пойдутъ, если распорядиться съ умѣньемъ. Въ добавокъ къ вещамъ, имѣющимъ быть полученными въ наслѣдство послѣ мужа, были у ней свой собственныя бездѣлки и свой *trousseau*. Мы уже имѣли случай описать и похва-

лить достойнымъ образомъ великодушіе Родона, обнаруженное имъ немедленно послѣ свадьбы. Ктому же была у ней собственная лошадка, хорошая лошадка, подаренная милордомъ Тюфто, который, сверхъ-того, купилъ для нея дюжину кашмировыхъ шалей на аукціонѣ, гдѣ продавался гардеробъ одной богатой Француженки, промотавшейся на наряды. Множество бездѣлокъ, пріобрѣтенныхъ въ магазинѣ брюссельскаго ювелира, свидѣтельствовали также, въ равной степени, объ изящномъ вкусѣ и огромномъ богатствѣ милорда Тюфто, обожателя Ребекки. Карманныхъ часовъ, или «погремушекъ», какъ называлъ ихъ Родонъ Кроли, было у нея вдоволь, такъ-что, въ этомъ отношеніи, будуаръ Ребеккѣй походилъ на часовой магазинъ. Однажды какъ-то, вскорѣ послѣ свадьбы, Ребекка замѣтила, что ея англійскіе часы, полученные въ подарокъ отъ жениха, имѣли довольно неуклюжую форму и нѣсколько забѣгали имередъ каждая сутки; слѣдствіемъ этого замѣчанія, высказаннаго, разумѣется, безъ всякой задней мысли, было то, что на другое утро появились у нея прекрасные французскіе часики работы Деруа, съ цѣпочкой и прелестной бирюзовой крышкой, а потомъ, еще черезъ день, нѣжный супругъ повергнулъ къ ея стопамъ миньятюрные брегетовскіе часики; величимою никакъ не больше полкроны. Милордъ Тюфто купилъ для ней превосходные часы женевской работы, и такіе же, черезъ нѣсколько времени, подарилъ ей мистеръ Джорджъ Осборнъ. У Амеліи не было часовъ, хотя, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшаго со-

мнѣнія, Джорджъ сдѣлалъ бы ей чудесный подарокъ въ этомъ родѣ, еслибъ она попросила. Супруга милорда Тюфто, постоянно жившая въ Лондонѣ; пробавлялась, въ этомъ отношеніи, стариннымъ инструментомъ, полученнымъ ею отъ матери.

Какъ это жаль, милостивые государи, что наши первостатейные магазинщики, ювелиры и модистки, не заведутъ до сихъ поръ подробнаго реэстра всѣмъ покупателямъ, которыми они продаютъ свой *bi-joux*! Это могло бы послужить прекраснымъ статистическимъ матеріаломъ, имтереснымъ для многихъ фамилій. И еслибъ всѣ эти украшения поступили, по принадлежности, къ дочерямъ и женамъ, какая блистательная выставка драгоценныхъ издѣлій могла бы открыться на прилавкахъ шумнаго базара житейской суеты!

Сообразивъ и вычисливъ всѣ эти драгоценности, Ребекка сдѣлала весьма радостное открытіе, что у ней, въ извѣстномъ случаѣ; можетъ несомнѣнно образоваться наличный капиталъ въ шесть или семь сотъ фунтовъ стерлинговъ британской монеты. Этого, конечно, при ея свѣтломъ и сметливымъ умѣ, было слишкомъ довольно для первоначальнаго обзаведенія на рынкѣ житейскихъ тревоженій. Все утро было посвящено у ней обозрѣнію и приведенію въ порядокъ разнообразныхъ статей этого движимаго имѣнія. Въ карманной книгѣ Родона, между разнымъ хламомъ, отыскала она вексель въ двадцать фунтовъ, на имя осборнова банкира. Это обстоятельство напомнило ей мистриссъ Осборнь.

– Пойду прежде къ банкиру и размѣняю этотъ вексель, сказала она, а потомъ не мѣшаетъ навѣстить бѣдняжку Эмми.

Если въ романѣ нашемъ нѣтъ героя, зато читатель найдеть, по крайней мѣрѣ, героиню. Едва ли кто могъ, въ критическихъ случаяхъ, обнаруживать столько рѣшимости и хладнокровія, какъ наша неукротимая мистриссъ Бекки, достойная супруга неустрашимаго адъютанта.

Есть у насъ еще пріятель, не герой, но вообще малый очень добрый, который остался въ обозѣ, въ числѣ мирныхъ гражданъ. Это, вы угадали, отставной сборщикъ податей и пошлинъ при Богла-Уолла. Джозефъ Седли, какъ и всѣ жители бельгійской столицы, рано въ этотъ день поднялся съ своей постели, при звукѣ трубъ и литавръ. Имѣя, однакожь, превосходный организмъ, способный, въ своемъ летаргическомъ оцѣпенѣннн, устоять противъ всякихъ трубъ, литавръ, рожковъ и барабановъ, мистеръ Джой, нѣтъ сомнѣнн, опочилъ бы на своемъ мягкомъ ложѣ вплоть до двѣнадцати часовъ, несмотря на бранную тревогу; еслибы – къ несчастью, а можетъ быть и къ счастью, – покой его не былъ нарушенъ постороннею силой: Джоя разбудили, но вы ошибетесь, если подумаете, что разбудилъ его мистеръ Джорджъ, жившій съ нимъ въ одной квартирѣ. Занятый своими собственными дѣлами, и взволнованный мыслью о печальной разлукѣ съ неутѣшною женой, Джорджъ совсѣмъ не думалъ о своемъ шуринѣ и, вѣроятно, позабылъ, что существуетъ на свѣтѣ

такой человекъ. Кто же растревожилъ сладкій сонъ мистера Джоя? капитанъ Доббинъ.

Покончивъ свой домашнія распоряженія, капитанъ Доббинъ, уже совсѣмъ готовый къ походу, растолкалъ неучтивою рукой индійскаго набоба; и сказалъ учтивымъ тономъ, что желаетъ имѣть счастье сказать ему прощальное привѣтствіе передъ разлукой.

«А чортъ бы тебя побралъ съ этимъ привѣтствіемъ!» подумалъ Джой, протирая свои заспанные глаза. Очень вамъ благодаренъ, капитанъ, сказалъ онъ потомъ, протягивая свою руку. А скоро вы идете?

— Сейчасъ. Мнѣ... мнѣ... вы понимаете, мистеръ Седли, мнѣ бы не хотѣлось пуститься въ этотъ путь, не повидавшись съ вами, проговорилъ мистеръ Доббинъ нерѣшительнымъ и дрожащимъ голосомъ. Легко станется, что нѣкоторые изъ насъ, быть-можетъ, не воротятся назадъ и мнѣ бы хотѣлось удостовѣриться, все ли у васъ пойдетъ тутъ хорошо... ну, и все такое... вы понимаете.

— Что вы подъ этимъ разумѣете? спросилъ Джозъ, стараясь удержаться отъ зѣвоты.

Капитанъ не слыхалъ этого вопроса, и, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на этого жирнаго толстяка въ ночномъ колпакѣ, пробудившаго, какъ онъ говорилъ, такое нѣжное участіе въ его сердцѣ. Лицемѣръ съ ногъ до головы, онъ прислушивался обоими ушами къ движеніямъ, происходившимъ на половинѣ Джорджа, вышагивалъ по комнатѣ,

опрокидывая стулья, барабаниль по стѣнѣ и обнаруживаль другіе признаки великаго внутренняго волненія.

Мистеръ Джой, никогда не уважавшій капитана, былъ теперь рѣшительно убѣжденъ, что онъ трусить.

— Что жъ я могу сдѣлать для васъ, Доббинъ? спросилъ онъ саркастическимъ тономъ.

— А вотъ что, сказала капитанъ, подходя ближе къ его постели. Черезъ четверть часа мы выступаемъ, Седли, и весьма легко можетъ статься, что я, или Джорджъ, не воротимся назадъ. Слушайте же, что я вамъ скажу: вы не сдѣлаете шагу изъ этого города, пока не удостовѣритесь напередъ, какъ идти дѣла. Оставайтесь здѣсь, чтобъ имѣть неусыпный надзоръ за своей сестрою. Утѣшайте ее, развлекайте и примите всѣ возможныя мѣры, чтобъ она была спокойна. Помните, Джозефъ, что съ этой минуты, вы — единственный ея защитникъ. Если — чего Боже сохрани! Джорджъ не воротится назадъ, мистриссъ Эмми не имѣетъ другихъ покровителей въ мірѣ, кромѣ васъ, мистеръ Седли. Въ случаѣ рѣшительнаго пораженія нашей арміи, вы обязываетесь отвезти ее въ Англию, и вы дадите мнѣ честное слово — не оставлять никогда своей сестры. Такъ ли, мистеръ Джозефъ?

— Ужь это само-собою разумѣется, отвѣчалъ Джой, озадаченный этимъ торжественнымъ тономъ.

— Я такъ и думаль, продолжалъ капитанъ, потому что вы честный человѣкъ, мистеръ Седли. Что жъ касается до денегъ, вы можете на этотъ счетъ быть совершенно откровенны

со мной.

– Въ какомъ смыслѣ я долженъ понимать это?

– Я хочу спросить: довольно ли у васъ денегъ, мистеръ Седли? то-есть, можете ли вы, въ случаѣ предполагаемаго несчастія, свободно воротиться въ Англiю?

– Милостивый государь, сказалъ Джой величествеимымъ тономъ, – если нужны мнѣ деньги, я знаю, гдѣ искать ихъ. Что жъ касается до сестры, вы едва ли не напрасно принимаете на себя трудъ предлагать совѣты, какъ я долженъ вести себя въ отношеніи къ ней,

– Вы говорите съ большимъ достоинствомъ, мистеръ Седли, и это мнѣ очень нравится, отвѣчалъ добродушный Доббинъ, – я радъ, что другъ мой Джорджъ оставляетъ сваю жену въ такихъ надежныхъ рукахъ, стало-быть, я могу дать ему, отъ вашего имени, честное слово, что вслучаѣ крайности вы будете защищать и покровительствовать мистриссъ Осборнъ?

– Конечно, конечно, отвѣчалъ мистеръ Джозъ, довольный тѣмъ, что оцѣнили по достоинству его финансовое великодушіе.

– И вы безопасно отвезете ее на родину, вслучаѣ пораженія нашей арміи?

– Что за вздоръ О... о какомъ пораженіи тутъ рѣчь? заговорилъ испуганный герой; привскакивая на своей постели. Вы хотите запугать меня; но я не робкаго десятка, было бы вамъ это извѣстно, мистеръ Доббинъ. Пораженіе невозмож-

но тамъ, гдѣ командуеть герцога Веллингтонъ.

Доббинъ не возражалъ. Онъ былъ слишкомъ счастливъ и доволенъ тою рѣшительностью, съ какой Джой говорилъ о своемъ поведеніи въ отношеніи къ сестрѣ.

«Можно теперъ положиться на волю Божию, думаль капитанъ Доббинъ, – если насъ и не станеть, отступленіе ея будетъ, по крайней мѣрѣ, прикрыто надежною рукой».

Намъ неизвѣстно, думаль ли капитанъ Доббинъ извлечь для себя собственно личную выгоду, взглянувъ въ послѣдній разъ на мистриссъ Эмми передъ выступленіемъ въ походъ, но если была у него такая своекорыстная цѣль, эгоизмъ его; какъ и слѣдовало ожидать, былъ наказанъ жесточайшимъ образомъ. Дверь джозовой спальни выходила въ общую гостиную, за которой открывалась комната Амеліи. Барабаны разбудили всякую живую душу въ бельгійской столицѣ, и не было уже никакой надобности скрывать сущность дѣла. Деньщикъ Джорджа укладывавъ въ гостиной вещи своего господина, тогда-какъ самъ мистеръ Осборнъ безпрестанно входилъ и выходилъ изъ смежной комнаты, давая наставленія, какъ и что взять для дороги. И скоро капитанъ Доббинъ удовлетворилъ пламенному желанію своего сердца: онъ увидѣлъ еще разъ мистриссъ Эмми; но какое лицо – Боже мой! – какое лицо было у мистриссъ Эмми! Блѣдная и пораженная дикимъ отчаяніемъ, Амелія могла служить олицетвореніемъ страшнаго призрака, и этотъ призракъ долго преслѣдоваль встревоженную душу капитана, когда онъ впоследствии при-

поминаль подробности всей этой сцены.

Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ. Волосы ея растрепались по плечамъ, и большіе черные глаза, лишенные жизненнаго свѣта, дико блуждали вокругъ, не останавливаясь ни на какомъ опредѣленномъ предметѣ. Подъ предлогомъ приготовленій къ отъѣзду, и желая показать, что она тоже, съ своей стороны, можетъ быть полезнаю въ эту критическую минуту; несчастная взяла изъ коммода одинъ изъ шарфовъ своего мужа, и безсознательно носилась съ нимъ взадъ и впередъ, продолжая смотрѣть съ безмолвнымъ отчаяніемъ какъ Джорджъ и его деньщикъ укладывали вещи. Она ходила, останавливалась, спотыкалась, и, наконецъ, прислонившись къ стѣнѣ, крѣпко прижала шарфъ къ своему сердцу, и эта малиновая сѣть казалась на ея груди огромнымъ кровавымъ пятномъ.

Одинъ взглядъ на страдальицу поразилъ чувствительную душу капитана невыразимой пыткой сожалѣнія и скорби, какъ-будто былъ онъ преступникомъ, заслужившимъ страшную казнь.

— Великій Боже! воскликнулъ Вилльямъ Доббинъ, и я осмѣлился быть празднѣга зрителемъ этихъ страданій!

Но тутъ была бессильна человѣческая помощь, и никакой геній въ мірѣ не пріискалъ бы средствъ ослабить эту безмолвную тоску. Проникнутый болѣзненнымъ сознаниемъ своего жалкаго безсилія, капитанъ Доббинъ стоялъ, молчалъ и наблюдалъ, какъ отецъ наблюдаетъ въ роковую минуту свое

умирающее дитя...

Наконецъ, мистеръ Джорджъ Осборнъ взялъ за руку свою супругу, и отвелъ ее въ спальню, откуда, черезъ нѣсколько минутъ, онъ воротился уже одинъ. Прощанье кончилось, и онъ шелъ къ мѣсту своего назначенія.

— Слава Богу! слава Богу, что все кончилось! думаль Джорджъ, спускаясь съ лѣстницы, со шпагою подъ мышкой. Уфъ!

И онъ быстро побѣжалъ на площадь, гдѣ формировался его полкъ, и куда, подъ военную тревогу, сбѣгались со всѣхъ сторонъ вооруженные офицеры и солдаты. Пульсъ его бился сильнѣе и сильнѣе, щеки пылали, грудь волновалась... наступала великая игра на жизнь и смерть, и онъ самъ готовился быть здѣсь однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Что можетъ сильнѣе возбуждать въ человѣческой груди чувства сомнѣнія, надежды, удовольствія и страха? Гдѣ еще могутъ быть такіе ужасные шансы на выигрышь и проигрышь? Что значили всѣ прошедшія игры въ сравненіи съ этимъ великимъ дѣломъ жизни? Во всѣхъ состязаніяхъ и во всякомъ подвигѣ, требовавшемъ мужества и атлетической силы, молодой человѣкъ привыкъ отличатся съ дѣтскихъ лѣтъ до возраста цвѣтущей юности, беззаботной и отважной. Богатырь и въ школѣ и въ полку, онъ всюду и всегда былъ сопровождаемъ храбрѣйшими изъ своихъ товарищей, исполненныхъ удивленія къ его мужеству и отвагѣ. Сотни триумфовъ выигрывалъ онъ, отъ дѣтскаго крикета до военныхъ скачекъ, и

гдѣ бы онъ ни появлялся, женщины и мужчины всюду удивлялись и завидовали его славѣ, иначе и быть не можетъ. Физическая крѣпость, дѣятельность, сила и отвага – такія качества, которыя всегда и прежде всего встрѣчаются дружными рукоплесканіями на широкой дорогѣ жизни. И всѣ эти свойства съ незапамятныхъ временъ служили постоянной темой для рапсодовъ и бардовъ. Отъ разоренія Трои до настоящаго дня, поэзія всегда выбирала богатырей для своихъ героевъ.

Такимъ-образомъ, послушный звукамъ военной трубы и барабана, Джорджъ вырвался изъ нѣжныхъ объятій, чувствуя нѣкоторое угрызение. и стыдъ, что дозволилъ себѣ оставаться въ нихъ слишкомъ долго, хотя на этотъ разъ объятія супруги были слишкомъ слабы. Такимъ же чувствомъ соревнованія и одушевленія пылали сердца всѣхъ его товарищей Трильйоннаго полка, отъ храбраго майора, уже вступившаго въ команду, до юнаго прапорщика Стоббля, удостоеннаго чести нести знамя въ этотъ день.

Солнце уже вошло довольно высоко, когда стройные ряды полка двинулись къ своей высокой цѣли. Зрѣлище открылось великолѣпное. Труппа музыкантовъ, впереди колонны, играла полковой маршъ. За ними, на прекраснѣйшемъ конѣ, выступалъ майоръ Одаудъ, заставляя своего Пирама выдѣлывать удивительныя курбеты. За майоромъ шли гренадеры-усачи, предводительствуемые своимъ капитаномъ, и въ центрѣ колоины, старшій и младшій прапорщики держали полковыя знамена. Затѣмъ, впереди своей роты, шель капи-

тань Осборнъ. Поровнявшись съ своей бывшей квартирой, онъ взглянулъ и улыбнулся Амеліи, стоявшей неподвижно у окна. Торжественные звуки музыки постепенно смолкли, и въ бельгійской столицѣ не осталось больше ни одного воина изъ Трильйоннаго полка.

Глава XXX

Джой Седли принимает на попеченіе свою сестру

Когда, такимъ-образомъ, всѣ высшіе офицеры были призваны къ своимъ обязанностямъ на открытомъ полѣ, мистеръ Джозефъ Седли остался въ Брюсселѣ одинъ командовать надъ маленькою колоніею, гдѣ Амелія была инвалидомъ, и гдѣ весь гарнизонъ составляли только: Исидоръ, бельгійскій каммердинеръ мистера Джоза, и *la bonne*, то-есть, особа женскаго пола, принявши подъ свое вѣдѣніе всѣ тяжелыя и легкія работы колонистовъ. Растревоженный неожиданнымъ визитомъ Вилльяма Доббина и внезапными событіями этого утра, мистеръ Джозефъ, бодрствующій теперь и тѣломъ и душою, пробыль, однакожь, на своей постели до тѣхъ поръ, пока не наступилъ для него обычный часъ свиданья. Солнце сіяло великолѣпно на высокомъ горизонтѣ, и Трильйонный полкъ промаршировалъ уже нѣсколько миль, когда Джозъ явился къ завтраку въ своемъ цвѣтномъ халатѣ.

Никакъ нельзя сказать, чтобы отсутствіе Джорджа могло сколько-нибудь обезпокоить его шурина. Джозъ, напротивъ, чувствовалъ нѣкоторую усладу въ своемъ сердцѣ при мысли, что теперь онъ — главное лицо въ квартирѣ, потому-что въ присутствіи зятя онъ игралъ всегда слишкомъ ничтожную

роль, и Осборнъ безъ церемоній обнаруживалъ свое презрѣнiе къ этому неповоротливому толстяку. Но мистриссъ Эмми всегда была къ нему внимательна и добра. Она смотрѣла за его домашнимъ комфортомъ, приказывала подавать къ столу любимыя имъ блюда, гуляла и выѣзжала вмѣстѣ съ нимъ (часто, даже очень часто, потому-что Джорджъ, какъ мы видѣли, всегда былъ занятъ своими собственными дѣлами), и нѣжное ея личико постоянно изглаживало въ его сердцѣ непрiятныя впечатлѣнiя, произведенныя на него горделивымъ презрѣнiемъ зятя. Нѣсколько разъ мистриссъ Эмми, преодолевая свою робость, пыталась ходатайствовать передъ Джорджемъ въ пользу своего брата; но мистеръ Джорджъ, какъ джентльменъ рѣшительный и твердый, всегда былъ нѣмъ и глухъ къ просьбамъ своей жены.

– Я человекъ честный, говорилъ мистеръ Джорджъ, – и привыкъ обнаруживать свой мнѣнiя открыто, какъ честный человекъ. Посуди сама, мой другъ, могу ли я сколько-нибудь уважать такого болвана, какъ твой братъ?

Слѣдовательно, Джозефъ Седли былъ очень доволенъ отсутствiемъ своего зятя. Взглянувъ на его шляпу и перчатки на буфетѣ, и сообразивъ съ необыкновенной быстротою, что владѣлецъ ихъ исчезъ. Джозъ почувствовалъ въ глубинѣ своей души какое-то особенное, *pronзительное* удовольствiе, невыразимое словами. «Сегодня, по крайней мѣрѣ», подумалъ Джой, «онъ не будетъ тревожить меня своимъ безстыднымъ и нахальнымъ видомъ».

– Эй, Исидоръ! потрудись отнести въ переднюю шляпу и перчатки господина капитана, сказалъ Джой своему слугѣ.

– Еще неизвѣстно, сэръ, будетъ ли капитанъ имѣть нужду въ какой бы то ни было шляпѣ, отвѣчалъ Исидоръ, бросая на своего господина многозначительный взглядъ.

Monsieur Isidor тоже позволилъ себѣ ненавидѣть Джорджа, такъ-какъ мистеръ Джорджъ обходился съ нимъ очень надменно, какъ истый британскій джентльмень.

– И ступай, спроси, прійдетъ ли madame къ завтраку, продолжалъ мистеръ Джой съ величественною важностью, считая унижительнымъ входить въ объясненія съ лакеемъ по поводу своихъ отношеній къ Джорджу, хотя мы заподлинно знаемъ, что уже нѣсколько разъ онъ бранилъ передъ этимъ же слугою своего заносчиваго зятя.

Увы! Madame не прійдетъ къ завтраку. Madame потрудилась только нарѣзать тартинки, любимыя Джозефомъ. Madame больна, и находится въ ужасномъ состояніи съ тѣхъ поръ; какъ уѣхалъ Monsieur. Такъ доложила ея bonne. Джозефъ поспѣшилъ выразить свое соболѣзнованіе тѣмъ, что приготовилъ для нея огромную чашку чаю. Другими способами онъ не былъ всостояніи опредѣлить свою симпатію. Впрочемъ, онъ не только послалъ завтракъ къ своей сестрѣ, но и припомнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какими лакомствами она любитъ угощать себя за обѣдомъ.

Исидоръ, камердинеръ, казался мрачнымъ и угрюмымъ въ ту пору, какъ деньщикъ мистера Осборна распоряжалъ-

ся господскимъ багажемъ передъ отъѣздомъ капитана; потому-что, во-первыхъ, Исидоръ ненавидѣлъ мистера Осборна за его высокоомѣрный тонъ и надменность, а во-вторыхъ, онъ былъ сердитъ и терзался внутреннимъ негодованіемъ, что всѣ эти драгоценности неминуемо ускользнутъ отъ него, и попадутъ въ чужія руки, когда будетъ поражено англійское войско. Насчетъ этого пораженія, какъ онъ, monsieur Isidor, такъ и другія замѣчательныя лица бельгійской столицы, не имѣли въ своей душѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Повсюду распространилось вѣрованіе, что Наполеонъ, раздѣливъ непріятельскія арміи, прусскую и англійскую, уничтожитъ ихъ одну за другою, и черезъ три дня торжественно вступить въ Брюссель, гдѣ все движимое имущество его настоящихъ господъ, которые будутъ убиты, обращены въ бѣгство, ранены и взяты въ плѣнъ, должно обратиться въ собственность мосьѣ Исидора.

Помогая мистеру Джозу довершать свой трудный и многосложный ежедневный туалетъ, вѣрный слуга производилъ умственные вычисленія относительно того, что станетъ онъ дѣлать съ разнообразными и разноцѣнными статьями, которыми украшалъ онъ теперь особу своего господина. Серебряные флакончики съ духами и нѣкоторыя туалетныя бездѣлки подарить онъ одной молоденькой дѣвушкѣ, въ которую влюбленъ; но англійскія бритвы и большую рубиновую булавку онъ удержать для собственнаго употребленія. Эффектъ будетъ превосходный, если онъ надѣнетъ одну изъ

этихъ батистовыхъ рубашекъ съ великолѣпными брызжами, и приколетъ къ своей груди рубиновую булавку. Фуражка съ золотой кокардой и военный сюртукъ тоже могутъ быть весьма удобно приспособлены къ его собственному употребленію, если отнять кокарду, и снять излишнія украшенія на сюртукѣ. Большое кольцо, украшенное рубинами, можетъ послужить матеріаломъ для пары превосходныхъ серегъ, которыя, ужъ само-собою разумѣется, онъ подарить mademoiselle Stupide.

— И какъ она будетъ изумлена, когда увидить меня въ этомъ джентльменскомъ нарядѣ! думаль мосьё Исидоръ. Желаль бы я знать, устоитъ ли женское сердце противъ всѣхъ этихъ красоть? Палка съ золотымъ набалдашникомъ тоже перейдетъ въ мои руки, такъ же какъ и эти рубашечныя пуговицы, размышляль вѣрный каммердинеръ, прикалывая эти орнаменты къ рукавчикамъ мистера Седли. Чудо, что за пуговицы! такихъ, я знаю, не отыскать въ цѣломъ Парижѣ. Если, въ добавокъ, надѣтъ еще капитанскіе сапожки съ мѣдными шпорами, что стоятъ въ передней комнатѣ — *corbleu morbleu!* — какой франтъ превзойдетъ меня, примѣромъ сказать, въ Булонскомъ лѣсу, или на Елисейскихъ поляхъ.

И когда *monsieur Isidor* держаль пальцами носъ своего господина, и бриль его нижнюю губу, намыленную душистымъ мыломъ, умственный его взоръ уносился далеко за предѣлы бельгійской столицы, и онъ, изукрашенный всѣми произведеніями изящной моды, гуляль подруку съ сво-

ей mademoiselle Stupide, показывая ей разнообразныя чудеса искусства и природы, и кушая съ нею мороженное на скамейкѣ подлѣ питейнаго дома.

Но мистеръ Джозефъ Седли, къ счастью для своего душевнаго спокойствія, отнюдь не подозрѣваль, что было на умѣ его слуги, такъ же какъ я и читатели не знаемъ, вѣроятно, и не догадываемся, что думаютъ о насъ Иванъ да Марья, которые живутъ на жалованьи въ нашемъ домѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что думаютъ объ насъ каши слуги? Хорошо, что отвѣтъ на этотъ вопросъ скрывается во мракѣ. Было бы слишкомъ дурно жить на свѣтѣ, если бы мы въ совершенствѣ знали мнѣнія о себѣ всѣхъ нашихъ друзей и родственниковъ, преданныхъ, повидимому, намъ всѣмъ своимъ сердцемъ... такимъ-образомъ, мосьё Исидоръ отмѣчалъ свою жертву съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ извѣстный поваренокъ на Леденгольской улицѣ украшаетъ безсознательную черепаху билетикомъ съ надписью: «Супъ на завтра».

Но служанка Амеліи, къ счастью, не была пропитана такимъ эгоистическимъ духомъ. Мы должны впрочемъ замѣтить, что всѣ ея подчиненныя, почти безъ всякихъ исключеній, питали къ ней искреннюю привязанность, рѣдкую въ лакейскихъ сердцахъ. И это фактъ довольно замѣчательный, что mademoiselle Pauline, кухарка ремесломъ, утѣшала мистриссъ Эмми гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другія особы, приходившія съ нею въ соприкосновеніе въ это несчастное утро. Послѣдніе штыки боевой колонны уже давнымъ-давно ис-

чезли изъ вида, а героиня наша все еще стояла у окна, безмолвная, неподвижная, съ отуманенными и безсознательными глазами. Здѣсь-то нашла ее mademoiselle Pauline. Честная дѣвушка взяла ее за руку, и сказала:

— Tenez, madame, est ce qu'il n'est pas aussi a l'armée, mon homme a moi?

И съ этими словами, слезы градомъ полились изъ ея глазъ: Амелія бросилась въ ея объятія, и онѣ зарыдали вмѣстѣ, соболѣзнуя другъ о другѣ..

Нѣсколько разъ передъ обѣдомъ, господинъ Исидоръ выѣзжалъ изъ своей квартиры въ городъ къ воротамъ гостиницы, трактировъ и постоялыхъ дворовъ, гдѣ бродила всякая сволочь, любившая на-досугѣ разсуждать о политическихъ дѣлахъ. Здѣсь-то, вступая въ дружескій разговоръ съ камердимерами, лакеями и кучерами, monsieur Isidor собралъ обильные матеріалы для составленія политическаго бюллетеня, который и былъ въ скоромъ времени предетавленъ на разсмотрѣніе мистера Джоза. Почти всѣ эти господа были втайнѣ преданы Наполеону, и держались своихъ собственныхъ мнѣній относительно вѣроятныхъ послѣдствій этой войны. Наполеоновская прокламація уже достигла Брюсселя въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, и каждый могъ читать ее, сколько душѣ угодно. Вотъ она:

«Солдаты! Сегодня годовщина нашихъ триумфовъ при Маренго и Фридландѣ, гдѣ дважды рѣшена была судьба Европы. Тогда, какъ и послѣ битвы Аустерлицкой и послѣ Ва-

грама, мы были великодушны. Встрѣтимся съ непріятелями еще разъ. Мы и они, развѣ не такіе же теперь, какъ тогда? Солдаты, на каждого изъ васъ при Іенѣ было трое Пруссаковъ, и шесть при Монтмиралѣ. Тѣ изъ васъ, которые были въ плѣну у Англичанъ, могутъ рассказать своимъ товарищамъ, какимъ страшнымъ мукамъ подвергались они на ихъ корабляхъ. Безумцы! Минутный успѣхъ ослѣпилъ ихъ глаза, и они вступаютъ на французскую почву, чтобъ найти въ ней свою могилу!»

На этомъ основаніи, всѣ приверженцы Французовъ предсказывали неизбѣжную гибель союзническому войску, и было между ними рѣшено, что Англичане могутъ воротиться въ Брюссель не иначе, какъ плѣнниками, въ арріергардѣ побѣдоносной арміи Наполеона.

Всѣ эти мнѣнія, съ различными истолкованіями, достигли благовременно до ушей мистери Седли. Ему сказали, что герцогъ Веллингтонъ обращенъ уже въ бѣгство, и что передовые его отряды были разбиты и разсѣяны еще прошлую ночь.

– Вздоръ! вздоръ! вскричалъ Джой, чувствовакшій всегда удивительный припадокъ храбрости за рюмкой водки, – герцогъ разобьетъ Наполеона, также какъ прежде онъ разбилъ по одиначкѣ всѣхъ его генераловъ.

– Бумаги Веллингтона сожжены, вещи всѣ увезены, и его квартира очищается для герцога Далматскаго, возразилъ неумолимый Исидоръ. Я слышалъ это своими ушами отъ его

собственного метрдотеля. Веллингтоновскіе люди укладываются въ дорогу. Веллингтонъ убѣжалъ, и герцогиня дожидается только, пока уложатъ ея серебро, чтобы ѣхать немедленно въ Ост-Энде, для соединенія съ французскимъ королемъ.

— Какой вздоръ! французскій король теперь въ Гентѣ; скажаль Джозъ, притворяясь, будто ничему не вѣрить.

— Нѣтъ, милордъ, вы ошибаетесь: скоро; говорятъ, его не будетъ и въ Ост-Энде. Герцогъ Беррійскій взятъ въ плѣнъ. Всѣ спѣшатъ теперь же обратиться по добру по здорову, потому-что завтра будетъ уже поздно...

— Отчего? спросилъ испуганный Джой.

— Да оттого, милордъ, что завтра, говорятъ, откроются всѣ шлюзы и плотины: какъ же тутъ бѣжать, когда вся страна будетъ подъ водою?

— Все это вздоръ, любезнѣйшій, и ты не понимаешь дѣла. Однихъ Англичанъ въ открытомъ полѣ втрое больше противъ бонапартовой силы, возразилъ мистеръ Седли. Ктому же, Австрійцы и Русскіе спѣшатъ на помощь къ герцогу Веллингтону. Бонапартъ будетъ разбитъ, долженъ быть разбитъ! заключилъ Джой, ударивъ со всего размаха по столу.

— При Іенѣ, милордъ, трое Нѣмцовъ приходилось на одного Француза, и, однакожь, императоръ разбилъ, разсѣялъ ихъ войско. При Монтмиралѣ, шестеро выходили на одного, но Французы всѣхъ разогнали, какъ овецъ. Одинъ только Русскій Императоръ можетъ быть побѣдителемъ Наполеона; но изъ Москвы до Брюсселя не слишкомъ близко, милордъ,

и Русскихъ здѣсь никто не ждетъ. Я васъ предупреждаю, милордъ, что Англичанамъ не дадутъ никакой пощады, и Наполеонъ хочетъ наказать ихъ достойнымъ образомъ за ихъ жестокіе поступки съ французскими солдатами. Не угодно ли вамъ взглянуть на эту вещицу? Это, милордъ, прокламація Императора Французовъ, заключилъ Исидоръ, вынимая документъ изъ кармана, при чемъ глаза его съ жадностію переходили съ одного предмета на другой, и было ясно, что monsieur Isidorъ смотритъ на вещи мистера Джоза, какъ на свою добычу.

Никакъ нельзя сказать, чтобы Джой былъ теперь рѣшительна испуганъ; однакожь, тѣмъ не менѣе, онъ почувствовалъ, что сердце его забило довольно сильную тревогу.

— Дай мнѣ сюртукъ и фуражку, сказалъ онъ, и слѣдуй за мной. Пойду самъ, и разубю подробнѣе сущность всѣхъ этихъ слуховъ.

Исидоръ былъ крайне недоволенъ, что Джою вздумалось надѣвать парадный сюртукъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, милордъ, сказалъ онъ, что ходить въ военномъ платьѣ теперь очень опасно, Французы поклялись не давать пощады ни одному британскому солдату.

— Дѣлай, что тебѣ приказываютъ! сказалъ Джой съ рѣшительнымъ видомъ.

И когда каммердинеръ подалъ сюртукъ, мистеръ Джозефъ, презирая всякую опасность, засунулъ свою руку въ одинъ изъ рукавовъ этого страшнаго наряда. Въ ту минуту

вошла въ комнату мистриссъ Родонъ Кроли, сдѣлавшаяся такимъ-образомъ свидѣтельницею его геройскаго поступка. Она вошла безъ доклада, съ тѣмъ, чтобы, не останавливаясь въ гостиной, пройти въ комнату Амеліи.

Мистриссъ Кроли, теперь, какъ и всегда, одѣта была чисто и опрятно. Сладкій и спокойный сонъ, послѣ прощанья съ мужемъ, освѣжилъ ее совершенно, и нельзя было безъ особеннаго удовольствія слотрѣть на ея розовыя, улыбающіяся щечки въ такомъ городѣ и въ такое время, когда всѣ мужскія и женскія фізіономіи имѣли чрезвычайно озабоченный видъ. Она засмѣялась при взглядѣ на мистера Джоза, который дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы поскорѣе коичить свой воинственный туалетъ.

– Неужели и вы хотите присоединиться къ войску, мистеръ Джозефъ? сказала мистриссъ Кроли. Кто же будетъ здѣсь покровительствовать намъ, бѣднымъ женщинамъ?

Джой между-тѣмъ окончилъ туалетъ, выступилъ впередъ, и пробормоталъ, заикаясь, нѣсколько безсвязныхъ словъ передъ своей прекрасной гостьей. Мосьё Исидоръ, съ халатомъ подъ мышкой, скрылся въ спальнѣ своего господина.

– Какъ вы себя чувствуете, мистриссъ Кроли, послѣ нынѣшнихъ безпокойствъ... послѣ усталости на вчерашнемъ балѣ? спросилъ Джозъ.

– Очень вамъ благодарна за участіе, мистеръ Джозефъ, сказала Ребекка, крѣпко пожимая его руку своими обѣими руками. Какую твердость и спокойствіе я читаю на вашемъ

лицѣ въ это ужасное время, когда всѣ почти обезумѣли отъ страха! Это пріятно видѣть. Въ какомъ положеніи теперь наша малютка Эмми? Разлука, вѣроятно, была ужасная.

– Страшная, подтвердилъ Джозь.

– Вы, мужчины, привыкли смотрѣть равнодушно на всѣ вещи въ мірѣ, продолжала мистриссъ Кроли. Разлука или опасность для васъ нипочомъ. Признайтесь теперь, что вы намѣрены были присоединиться къ войску и оставить насъ, бѣдныхъ женщинъ, на произволь судьбы. Я въ этомъ увѣрена... внутренний голосъ убѣждаетъ меня въ этомъ. Я ужасно испугалась, когда эта мысль пришла мнѣ въ голову (потому что повременамъ, оставаясь одна, я думаю о васъ, мистеръ Джозефъ!), и вотъ, какъ видите, я пришла просить и умолять, чтобы вы не покидали насъ, милостивый государь.

Вся эта рѣчь, въ переводѣ на ясный языкъ, могла заключать въ себѣ смыслъ такого рода: «Легко станется, что англійская армія потерпитъ пораженіе, и отступленіе сдѣлается необходимымъ: въ такомъ случаѣ, любезный другъ, у тебя есть превосходная коляска, гдѣ мы удобно можемъ сидѣть рядомъ.» Такъ или не такъ мистеръ Джой понялъ эти слова, я не могу ручаться; но онъ былъ глубоко огорченъ рѣшительнымъ невниманіемъ къ нему этой леди, во все время пребыванія ихъ въ бельгійской столицѣ. Его никогда не представляли знаменитымъ пріятелямъ Родона Кроли, и онъ даже не получалъ приглашеній на вечера Ребекки, потому-что былъ слишкомъ робокъ въ карточной игрѣ, и присутствіе его мог-

ло наскучить и Родону, и Джорджу. Никто изъ нихъ не желалъ въ немъ имѣть свидѣтеля своихъ вечернихъ удовольствій.

«Э-ге!» думалъ Джозъ, «теперь она вздумала заискивать меня, когда понадобилась нужда въ посторонней защитѣ. Пришлось, видно, припомнить и Джозефа Седли, когда наступилъ черный денёкъ.»

При всемъ томъ, мистеръ Джой чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе при мысли, что Ребекка имѣетъ высокое мнѣніе о его геройствѣ. Онъ даже покраснѣлъ отъ этого чувства, и старался, по возможности, принять мужественную осанку.

— Мнѣ, дѣйствительно, хотѣлось взглянуть, какъ сражаются наши войска, сказалъ мистеръ Джозефъ, — желаніе, свойственное, конечно, всякому порядочному человѣку, если онъ не трусь. Военная служба мнѣ знакома отчасти по нѣкоторымъ походамъ въ Индіи, но до сихъ поръ я не видѣлъ ничего въ такомъ огромномъ размѣрѣ.

— Вы, мужчины, способны все принести въ жертву собственному удовольствію, отвѣчала Ребекка. Капитанъ Кроли оставилъ меня сегодня поутру въ такомъ веселомъ расположеніи духа, какъ-будто онъ собирался на охоту. Какая ему нужда? И кому изъ васъ приходитъ въ голову заботиться о страданіяхъ несчастной, покинутой женщины? Я даже сомнѣваюсь, точно ли онъ пошелъ на войну, этотъ лѣнивый и прожорливый мой супругъ. Добрый мистеръ Седли, я къ вамъ пришла искать утѣшенія и покровительства. Все это

утро я простояла на колѣняхъ. Я вся дрожу, воображая, какой страшной опасности подвергаются въ эту минуту наши мужья, друзья, всѣ наши храбрые воины и союзныя войска. На васъ только оставалась вся надежда, какъ на единственнаго оставшагося для меня друга, и что же? Вы сами готовы летѣть на мѣсто страшной сцены!

Мистеръ Джой умилился душевно и разнѣжился сердечно.

— Сударыня... мистриссъ Кроли, сказали онъ, успокойтесь, прошу васъ, умоляю. Я сказалъ только, что мнѣ хотѣлось бы присоединиться къ дѣйствующей арміи... какой Британецъ не горитъ этимъ желаніемъ въ настоящую минуту? Но обязанности другаго рода удерживаютъ меня здѣсь: я не могу оставить безъ покровительства это бѣдное созданіе, что горюетъ теперь здѣсь подъ одной со мною кровлей.

И онъ указалъ на дверь другой комнаты, гдѣ была мистриссъ Эмми.

— Добрый, великодушный братъ! воскликнула Ребекка, приставляя къ своимъ глазамъ платокъ, надушенный одеколономъ. Я была къ вамъ несправедлива, мистеръ Седли, воображая васъ человѣкомъ безъ сердца.

— Охъ, да, какъ это можно! откликнулся Джозъ, ухватившись прямо за свое сердце, и какъ будто желая показать, что оно еще не выпрыгнуло изъ подъ его груди. Вы несправедливы ко мнѣ, мистриссъ Кроли, клянусь честью.

– Вы питаете нѣжную привязанность къ своей сестрѣ; это дѣлаетъ вамъ честь, мистеръ Джозефъ; но помните ли, какъ вы, за два года передъ этимъ, поступили со мной? сказала Ребекка, мгновенно устремивъ на него свой взоръ, и потомъ отворотившись къ окну.

Джозефъ раскраснѣлся и смѣшался ужасно. Тотъ органъ чувствительности, въ существованіи котораго Ребекка обнаружила рѣшительное сомнѣніе, забарабанилъ подъ его жилетомъ ужасную тревогу, Джой припомнилъ несчастные дни своего бѣгства отъ обманутой красавицы, воспламенившей его сердце, тѣ дни, когда она ѣздила съ нимъ въ одной колесницѣ, когда она вязала для него зеленый кошелекъ, и когда онъ, сожигаемый нѣжной страстью, сидѣлъ подлѣ нея, и съ упоеніемъ любовался на ея свѣтлыя глаза и бѣлыя руки.

– Я знаю, вы считаете меня неблагодарною, продолжала Ребекка тихимъ и дрожащимъ голосомъ, отступая отъ окна, и бросая на Джоза искрометный взоръ, – да, я знаю это, мистеръ Джозефъ. Ваша холодность и совершенное равнодушіе при встрѣчѣ со мной, ваше слишкомъ церемонное обращеніе и, эти взоры, которые всегда отвращаются отъ меня, даже теперь, когда я говорю съ вами: все утверждаетъ меня въ этой мысли. Но развѣ нѣтъ причинъ, заставляющихъ меня избѣгать васъ, мистеръ Седли? Думаете ли вы, что супругъ мой слшкомъ расположенъ принимать васъ? Разъ только онъ позволилъ себѣ непріятныя слова въ отношеніи ко мнѣ (я должна отдать справедливость капитану Кроли), и эта слова,

жестокія, оскорбительныя, были сказаны изъ-за васъ, милостивый государь.

– Ахъ, Боже мой! Что жъ я сдѣлалъ? вскричалъ Джой, обуреваемый порывами внутренняго восторга. Что жъ я сдѣлалъ... вамъ... или... какъ это, мистриссъ Кроли?

– Развѣ ревность ничего не значить, думаете вы? сказала Ребекка. Онъ уже не разъ попрекалъ мнѣ вами, и, Боже мой! какъ попрекалъ! Одно только это обстоятельство отравляетъ благополучіе моей жизни. Но какія бы ни были мой чувства въ прошедшемъ, сердце мое принадлежитъ исключительно моему супругу. Я невинна теперь. Не такъ ли, мистеръ Седли?

– Ахъ, можно ли въ этомъ сомнѣваться? сказалъ мистеръ Седли.

Восторженные чувства радости и удовольствія сильно забились въ груди молодого человѣка, когда онъ принялся теперь обозрѣвать проницательными глазами несчастную жертву своихъ прелестей и очарованій. Еще два, три ласковыхъ слова, сказанныхъ съ необыкновенною любезностью, и сердце его опять запылало нѣжной страстью, и всѣ его подозрѣнія исчезли въ одну минуту. Что прикажете дѣлать? Это ужъ такъ заведено отъ начала міра, и не одному Сарданапалу суждено было погибнуть въ сѣтяхъ, разставленныхъ женскимъ котетствомъ.

– Будь теперь, что будетъ, думала Бекки, – я поѣду въ коляскѣ этого дурака, если отступленіе сдѣлается необходимыми-

мь.

Никто сказать не въ состояніи, до какихъ напастей довели бы молодого человѣка его бурныя, огневья страсти, еслибъ въ эту минуту не вошелъ въ комнату Исидоръ, каммердинеръ, для исправленія своихъ хозяйственныхъ обязанностей, поглощавшихъ его дѣятельность каждое утро. Уже признаніе совсѣмъ готово было излетѣть изъ краснорѣчивыхъ устъ мистера Джоя, и теперь – онъ чуть не задохся отъ внутренняго волненія, которое принуждёнъ былъ подавить. Ребекка припомнила въ свою очередь, что ей давно пора навѣстить свою милую подругу.

– Au revoir, сказала она; поцаловавъ на прощаньи свою собственную ладонь, изъ особенной благосклонности къ мистеру Джозефу.

И затѣмъ она слегка отворила дверь въ спальню его сестры. Когда она скрылась и затворила дверь, мистеръ Джой погрузился въ кресла, вытаращилъ глаза, и тяжелые вздохи, одинъ за другимъ, начали вылетать изъ его груди.

– Милордъ, этотъ сюртукъ для васъ очень узокъ: надѣньте лучше свое статское платье, сказалъ Исидоръ, бросая жадный взглядъ на плетеные шнурки и пуговицы военнаго костюма.

Но молодой человѣкъ не слышалъ ничего. Мысли его витали въ областяхъ воздушныхъ, и онъ сгаралъ эротическимъ огнемъ, рассматривая умственными очами прелести Ребекки. Сладкія видѣнія омрачались только представленіемъ

Родона Кроли, съ его безпардонными усами и заряженными ппстолетами, направленными на открытый лобъ мистера Джозефа Седли.

Видь Ребекки поразилъ Амелію величайшимъ страхомъ и заставилъ ее отпрянуть назадъ. Это появленіе возобновило въ ея памяти вчерашній день, и обратило ея мысли на житейскія дѣла. Пораженная роковыми событіями утра, она совсѣмъ забыла и Ребекку, и вчерашній балъ, и ревность; все забыла, кромѣ опасностей, которымъ подвергался ея супругъ.

И мы тоже совсѣмъ забыли войдти въ эту печальную комнату до настоящей минуты, когда свѣтская женщина нарушила покой этого убѣжища своимъ визитомъ.

Страхъ и ужасъ оцѣпенили мистриссъ Эмми на нѣсколько мгновеній, когда Ребекка, свѣжая, розовая и блистательная въ своемъ утреннемъ нарядѣ, устремила на нее свои зеленые глазки, и приготовилась подойти къ ней съ распростертыми объятіями. Скоро, однакожь, чувство гнѣва, пробужденнаго этимъ появленіемъ, заглушило въ ея душѣ всѣ другія чувства. Ея щеки, за минуту блѣдныя какъ полотно, покрылись яркой краской. Отступивъ на нѣсколько шаговъ, она выдержала взоръ соперницы съ такою твердостью, которая совершенно озадачила Ребекку.

– Вы нездоровы, Амелія, очень нездоровы, сказала по-сѣтительница, протягивая свою руку, чтобъ пожать руку Амеліи. Что съ вами? Я не могу быть спокойной, не узнавъ

напереду какъ вы себя чувствуете.

Амелія отступила еще на одинъ шагъ и отдернула свою руку. Первый разъ въ своей жизни, отъ младенчества до цвѣтущей юности, она отказывалась вѣрить искренности дружескаго участія, которое хотѣли принять въ ней. И такъ она отняла свою руку, и судорожный трепеть пробѣжалъ по всему ея тѣлу.

– Зачѣлъ вы здѣсь, Ребекка? сказала она, продолжая смотрѣть на нее съ какою-то торжественностью своими большими глазами.

Эти взоры привели въ смущеніе Ребекку. «Должно быть, она видѣла, какъ онъ отдавалъ мнѣ записку на вчерашнемъ балѣ», подумала соперница.

– Что вы такъ взволнованы, милая Амелія, сказала она, опуская глаза въ землю, я – пришла только навѣстать васъ, и освѣдомиться, здоровы ли вы.

– Здоровы ли вы сами? сказала Амелія. Совершенно здоровы, нечего и спрашивать объ этомъ. Вы не любите своего мужа. Вы бы не были здѣсь, еслибъ любили. Скажите, Ребекка, что я вамъ сдѣлала?

Мистриссъ Кроли стояла молча съ потупленными глазами.

– Что я вамъ сдѣлала, Ребекка? Не всегда ли я была къ вамъ ласкова и добра?

– Всегда, Амелія, всегда, отвѣчала мистриссъ Кроли, все еще не смѣя приподнять свою голову.

– Не я ли первая утѣшала и ласкала васъ, когда вы были совершенно бѣдны? Не была ли я для васъ сестрою? Вы видѣли наши счастливые дни, прежде чѣмъ я вышла замужъ. Тогда я была единственнымъ сокровищемъ для своего жениха, иначе, какъ бы онъ отказался отъ своего богатства, отъ всѣхъ своихъ родственниковъ, чтобы только осчастливить меня? Зачѣмъ же вы; Ребекка, вздумали стать между нимъ и моею любовью? Кто внушилъ вамъ мысль раздѣлить сердца, соединенныя самимъ Богомъ? За что хотите вы отторгнуть отъ меня моего супруга? Неужели вамъ кажется, что вы способны любить его, такъ же какъ я? Его любовь была для меня всѣмъ на свѣтѣ. Вы знали это, и хотѣли отнять у меня это единственное сокровище моей жизни. Стыдитесь, Ребекка! Вы дурная женщина, фальшивый другъ и фальшивая супруга. Вы неспособны любить, Ребекка.

– Клянусь вамъ Богомъ, Амелія, что я невинна передъ своимъ мужемъ, сказала Ребекка, отворотивъ отъ нея свой глаза. Я поступала съ нимъ благородно и честно.

– Но такъ ли поступили вы со мной, Ребекка? Вы не успѣли, вамъ не удалось, но ваши умыслы были слишкомъ явны. Спросите объ этомъ свою собственную совѣсть.

«Она ничего не знаетъ», подумала Ребекка.

– Онъ воротился ко мнѣ. Иначе и быть не могло, я знала это. Я была увѣрена, что никакое притворство, никакая лесть, никакой обманъ не всостояніи отдалить его отъ меня, по крайней мѣрѣ на долгое время. Я знала, что онъ будетъ

мой. Я молилась, чтобы онъ былъ моимъ.

Несчастливая произносила всѣ эти слова скороговоркой и съ такимъ одушевленіемъ, какого Ребекка никогда въ ней не замѣчала. Мистриссъ Кроли продолжала стоять молча, съ потупленнымъ взоромъ.

— За что жъ вы хотѣли отнять у меня моего мужа? продолжала Амелія плачевнымъ тономъ. Что я вамъ сдѣлала, Ребекка? Онъ былъ моимъ только шесть недѣль. Не совѣстно ли вамъ было возмущать спокойствіе молодыхъ супруговъ? Вы рѣшились преслѣдовать меня съ перваго дня, нашей свадьбы; неужели мое счастье растревожило ваше завистливое сердце? И теперь, когда нѣтъ его со мной, неужели пршили вы любоваться, какъ я несчастна безъ него? Много, слишкомъ много зла натерпѣлась я отъ васъ въ прошедшія двѣ недѣли: хотите ли вы и теперь увеличить своимъ присутствіемъ мою душевную пытку?

— Я... я пришла сюда вовсе не съ такою цѣлью... проговорила мистриссъ Кроли.

— Зачѣмъ же иначе вы могли прійти? Вамъ хотѣлось вырвать его изъ моихъ объятій, перебила Амелія дико-взволнованнымъ тономъ. Вы опоздали, Ребекка, его нѣтъ со мной. Мы простились съ нимъ, Ребекка. Вотъ, сегодня поутру, онъ здѣсь сидѣлъ, на этой софѣ. Не прикасайтесь къ ней, Ребекка. Мы сидѣли и разговаривали вмѣстѣ. Я была у него на колѣняхъ, мой руки обвивались вокругъ его шеи, и мы вмѣстѣ произносили съ нимъ одну и ту же молитву. Да, онъ

быль здѣсь, Ребекка. Его взяли, его вырвали изъ моихъ объятій; но онъ далъ мнѣ обѣщаніе возвратиться назадъ.

— И онъ воротится, мой другъ, будьте увѣрены, проговорила Ребекка, чувствуя невольное состраданіе къ несчастной.

— Посмотрите сюда, Ребекка, это вѣдь его шарфъ... шарфъ моего Джорджа... какъ онъ вамъ нравится? Прекрасный цвѣтъ... неправда ли?

И она принялась цаловать шолковыя нити малиновой ткани. Этотъ шарфъ перепоясывалъ ея талію съ самаго утра. Она забыла теперь свой гнѣвъ, свою ревность, самое присутствіе соперницы. Еще минута, и несчастная женщина, съ улыбною на устахъ, молча подошла къ постели и начала разглаживать подушку своего Джорджа.

Ребекка вышла изъ ея комнаты.

— Ну, что, какъ Амелія? спросилъ Джой, неизмѣнно сохранившій въ креслахъ свою позу.

— Кто-нибудь долженъ быть съ ней, сказала Ребекка; она очень нездорова.

И мистриссъ Кроли съ лицомъ задумчивымъ и печальнымъ пошла домой. Напрасно мистеръ Седли упрашивалъ ее остаться и принять участіе въ раннемъ обѣдѣ, который онъ нарочно заказалъ для нея: мистриссъ Кроли ушла, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на просьбу Джоза.

Ребекка была отъ природы совсѣмъ не зла, и справедливость требуетъ замѣтить, что она питала нѣкоторую привязанность къ мистриссъ Эмми. Само-собою разумѣется, что

теперь ей не за что было сердиться на свою подругу. Упреки Амелии, при всей своей жестокости, были однакожь для нея очень лестны, потому-что мистриссъ Кроли видѣла въ нихъ бессильную жалобу соперницы, оплакивающей свое поражение и горе. Желая помочь ей чѣмъ-нибудь, Ребекка отправилась въ городской паркъ и встрѣтила тамъ мистриссъ майоршу Одаудъ, которая уже гуляла нѣсколько часовъ послѣ бесполезнаго чтенія эстетически-умозрительныхъ сочиненій достопочтеннаго Декана, не доставившаго ей на этотъ разъ ни малѣйшей пользы. Ребекка подошла къ ней и раскланялась очень учтиво, къ великому изумленію майорши, не привыкшей къ этимъ обнаруженіямъ вѣжливости и вниманія со стороны мистриссъ Родонъ Кроли.

— Знаете ли вы что-нибудь о пріятельницѣ вашей, мистриссъ Осборнъ! сказала Ребекка.

— А что? Нѣтъ, ничего не знаю, отвѣчала майорша.

— Она совсѣмъ убита послѣ разлуки съ мужемъ и, кажется, сойдетъ съ ума.

— Неужь-то?!

— Вы бы очень хорошо сдѣлали, мистриссъ Одаудъ, если бы потрудились навѣстить ее.

— У меня, признаться, и у самой голова идетъ кругомъ, и я думала, что бѣдная Амелия не нуждается сегодня въ дружескихъ визитахъ, сказала съ важностью мистриссъ Одаудъ, но если она точно въ безотрадномъ положеніи, какъ вы говорите, и если вы сами, несмотря на давнишнюю дружбу, не

можете быть полезны для нея; то безъ всякихъ вашихъ хлопотъ, мистриссъ Кроли, я пойду къ ней. Желая вамъ счастливо оставаться, сударыня.

Съ этими словами, мистриссъ Одаудъ, забросивъ голову, поспѣшила оставить госпожу Ребекку Родонъ Кроли, такъ-какъ она никогда не добивалась чести быть коротко знакомой съ этой леди.

Ребекка съ улыбкой наблюдала отступление майорши, такъ-какъ вообще въ природномъ ея характерѣ было много юмора. Веселость ея возстановилась совершенѣйшимъ образомъ, когда майорша, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, оглянулась черезъ плечо и проговорила что-то сквозь зубы. Мы, однакожь, знаемъ, что она проговорила:

– Смѣйтесь на здоровье, свѣтская красotka: я очень рада, что вамъ весело. Нѣтъ, мать моя, ты вѣрно не будешь кручиниться вмѣстѣ съ нами – не таковская!

И быстро продолжая свой путь, мистриссъ Пегги была уже черезъ нѣсколько минутъ въ квартирѣ мистриссъ Осборнъ.

Амелія все еще стояла у постели, гдѣ оставила ее Ребекка, и глаза ея выражали отчаянную грусть. Надѣленная отъ природы необыкновенною крѣпостію духа, майорша всѣми зависящими отъ нея средствами старалась доставить утѣшеніе своему юному другу.

– Вамъ никакъ не слѣдуетъ убивать себя, мой другъ, говорила сердобольная Пегги. На что это будетъ похоже, если вы захвораете, когда онъ пришлетъ за вами послѣ побѣ-

ды? Будьте разсудительны и хладнокровны, Амелія. Вы не единственная женщина, вручившая на этотъ день свою судьбу Господу Богу.

– О, я знаю это! что жь мнѣ дѣлать? Я слаба и малодушна, сказала Амелія,

Въ самомъ дѣлѣ, она хорошо знала свою собственную слабость; но присутствіе другого существа, умѣвшаго обуздывать свои чувства, значительно подкрѣпило ея силы, и она пріободрилась въ обществѣ мистриссъ Пегги. Такъ онѣ просидѣли и прогоревали вмѣстѣ до двухъ часовъ за полдень; ихъ сердца поминутно слѣдовали за боевой колонной впередъ и впередъ, на кровавое поле. Страхъ, сомнѣніе, тоска и пламенные молитвы провожали Трильйонный полкъ. Въ этомъ собственно и состоитъ необходимая подать, которую война собираетъ съ женщинъ. Мужчины расплачиваются кровью, женщины слезами.

Въ половинѣ третьяго наступило событіе, важное въ ежедневномъ быту Джоя: обѣдъ поспѣлъ и аппетитъ его изострился. Пусть храбрые воины дерутся и гибнуть на полѣ битвы: Джой долженъ обѣдать. Онъ вошелъ въ комнату Амеліи, въ надеждѣ соблазнить ее смачными яствами, поданными на столъ.

– Ну... Эмми... право, сказалъ онъ, – супъ очень хорошъ. Попробуй, Эмми... хоть немножко... право.

И онъ поцаловалъ ея руку. За исключеніемъ свадьбы, когда ему надлежало привѣтствовать новобрачную въ качествѣ

шафера и брата, Джой никогда почти не целовала свою сестру.

– Благодарю тебя, Джозефъ, сказала она, – ты очень добръ и нѣженъ; но ужъ позволь мнѣ остаться въ моей комнатѣ.

Запахъ супа произвелъ, однакожь, пріятное впечатлѣніе на ноздри мистриссъ Одаудъ, и она безъ труда согласилась раздѣлить съ мистеромъ Седли его трапезу. Они оставили Амелию и сѣли за столъ вдвоемъ.

Майорша думала о честномъ Михаилѣ, своемъ супругѣ, ѣхавшемъ впереди своего полка. Дурной обѣдъ сегодня будетъ у нашихъ молодцовъ, сказала она съ глубокимъ вздохомъ, наливая супъ въ тарелку Джоя.

Вскорѣ мистеръ Джой повеселѣлъ и, казалось, веселость его значительно увеличивалась съ каждымъ блюдомъ. Передъ супомъ, онъ выпилъ вообще за здоровье всего британскаго воинства, и потомъ, черезъ минуту, выпилъ въ частности стаканъ шампанскаго за здоровье Трильйоннаго полка.

– А теперь, мистриссъ Одаудъ, сказалъ онъ еще черезъ минуту, – я считаю священной обязанностью пить за здоровье вашего супруга, храбраго майора Одауда. Бокаль шампанскаго! Эй, Исидоръ! Бокаль шампанскаго для мистриссъ Одаудъ.

Но вдругъ мосье Исидоръ остановился, вздрогнулъ и выпучилъ глаза, майорша положила свою ложку и вилку. Окна комнаты, обращенной къ югу, были открыты. Глухой, отдаленный шумъ съ южной стороны, замирая постепенно, про-

несся черезъ кровли, освѣщенные солнцемъ.

– Это что такое? сказала Джой. Отчего ты не подаешь вина, Исидоръ?

– C'est le feu! откликнулся Исидоръ, выбѣгая на балкоиь.

– Это пушечная пальба! воскликнула мистриссъ Одаудъ, выбѣгая изъ-за стола къ открытому окну. Тысячи блѣдныхъ и встревоженныхъ лицъ уже смотрѣли изъ оконъ всѣхъ другихъ домовъ и, черезъ нѣсколько минутъ, все народонаселение Брюеселя толпами хлынуло на улицы.

Глава XXXI

**О томъ, гдѣ, когда, какъ,
зачѣмъ, по какому поводу и
вслѣдствіе чего, мистеръ Джой
купилъ двухъ рысаковъ, и
сколько онъ заплатилъ за оныхъ**

Намъ, мирнымъ жителямъ спокойнаго города, никогда не приходилось, и дай Богъ, чтобы никогда не пришлось впередъ быть свидѣтелями такой бурной суматохи, какая произошла въ бельгійской столицѣ въ тотъ самый день, когда мистеръ Джозефъ Седли, угощая госпожу майоршу Одаудъ, кушалъ шампанское за здравіе Трильйоннаго полка. Безпорядочныя толпы хлынули къ Намурскимъ воротамъ, откуда происходилъ глухой, отдаленный шумъ, и многіе выбѣжали за городскую заставу, чтобы узнать поскорѣе какую-нибудь новость изъ дѣйствующихъ армій. Каждый толкалъ и спрашивалъ своего сосѣда, и даже знаменитые англійскіе лорды съ своими супругами благосклонно вступали въ разговоръ съ такими джентльменами, которыхъ они совсѣмъ не знали. Приверженцы французовъ, угорѣлые отъ необузданнаго восторга, метались во всѣ стороны и предсказывали триум-

фь Наполеона. Купцы запирали свой лавки и выступали на улицу, чтобы увеличить своимъ присутствіемъ общій хоръ тревоги и демонскаго гвалта. Глухой пушечный гуль перека- тывался чаще и чаще, съ холма на хоимъ, отъ одного зданія къ другому. Скоро появились экипажи съ путешественника- ми, спѣшившими оставить городъ. Они ѣхали по дорогѣ въ Гентъ, обгоняя одинъ другого. Предсказанія наполеоновыхъ друзей переходили мало-по-малу въ дѣйствительные факты.

«Наполеонъ раздробилъ непріятельскія арміи, гласила молва. Онъ идетъ скорымъ маршемъ прямо на Брюссель. Онъ уничтожитъ Англичанъ, и будетъ ночью здѣсь».

— Онъ уничтожитъ Аигличанъ, кричалъ мосье Исидоръ въ назиданіе своему господину, — и будетъ къ ночи здѣсь.

Расторопный слуга выбѣгалъ ежемиутно изъ квартиры на улицу, и возвращался всегда съ новыми вѣстями опусто- шительнаго свойства. мистеръ Джой становился блѣднѣе и блѣднѣе. Тревога овладѣла совершенно мягкимъ сердцемъ толстаго джентьмена. Напрасно онъ пилъ шампанское пол- ными стаканами: благородный напитокъ утратилъ для него живительную силу. Къ солнечному закату, нервозность Джоя достигла до крайняго предѣла, такъ-что пріятель его, Иси- доръ, возрадовался и сердцемъ и душою, не имѣя больше никакихъ сомнѣній, что фуражка съ золотой кокардой и во- енный сюртукъ съ плетеными шнурками перейдутъ къ нему по-праву наполеоновскаго тріумфа.

Женщины покинули нашего героя на все это время. За-

слышавъ канонаду, неустрашимая Одаудъ тотчасъ же вспомнила о своей юной подругѣ въ другой комнатѣ и побѣжала къ ней, чтобы подкрѣпить и, если возможно, утѣшить мистриссъ Эмми. Мысль, что на рукахъ ея осталось слабое и беспомощное созданіе, придавала особенную силу природному мужеству этой честной ирландки. Пять часовъ сряду провела она подлѣ Амеліи, изобрѣтая различные способы утишить ея взволнованныя чувства, и стараясь по временамъ настроить ея мысли на веселый ладъ своею краснорѣчивою бесѣдой. «И пока продолжалась канонада, то-есть, до глубокихъ сумерекъ, я ни разу не выпускала ея руки», рассказывала послѣ мистриссъ майорша Одаудъ, припоминая разнообразныя подробности этого замѣчательнаго дня.

Когда смолкъ, наконецъ, страшный гулъ пушечной пальбы, мистриссъ Одаудъ вышла изъ амеліиной спальни въ смежную комнату, гдѣ засѣдалъ мистеръ Джой подлѣ опорожненныхъ бутылокъ, въ которыхъ на этотъ разъ не удалось ему почерпнуть ни малѣйшей отваги. Разъ или два онъ забѣгалъ въ комнату сестры, и какъ-будто собирался что-то сказать ей, причемъ на лицѣ его изображалась неописанная тревога. Но тутъ майорская жена храбро удерживала свой постъ, и онъ уходилъ назадъ, не выгрузивъ ни одного звука изъ своей заготовленной рѣчи. Ему стыдно было извѣстить ее, что онъ собирался бѣжать.

Но когда майорша явилась въ столовую, гдѣ онъ, прикрытый мракомъ ночи, сидѣлъ въ безотрадномъ обществѣ

опорожненныхъ бутылокъ, мистеръ Джой рѣшилъ открыть уста, чтобы повѣдать храброй женщинѣ тайну своей души.

– Мистриссъ Одаудъ, сказала онъ, – не лучше ли вамъ приготовить Амелію въ дорогу?

– Зачѣмъ? Вы развѣ хотите взять ее съ собою гулять? сказала майорша, – но Амелія такъ слаба, что не можетъ сдѣлать шага.

– Я... я приказалъ выдвинуть изъ конюшни коляску, сказалъ Джой, – сейчасъ приведутъ почтовыхъ лошадей. Исидоръ побѣжалъ за ними.

– Что жъ вамъ за охота выѣзжать по ночамъ? отвѣчала недогадливая леди. Сестрѣ вашей всего лучше отдохнуть. Я уговорила ее лечь въ постель.

– Такъ я прошу васъ разбудить ее, сказалъ Джой, – разбудить сейчасъ же, сію минуту. И при этомъ онъ энергически притопнулъ ногою. Говорю вамъ, что закладываютъ мою коляску... да... и сейчасъ приведутъ почтовыхъ лошадей. Все уже кончено и... и...

– И что? спросила мистриссъ Одаудъ.

– Я уѣзжаю въ Гентъ, отвѣчалъ Джозъ. Всѣ уѣзжаютъ; въ коляскѣ будетъ мѣсто и для васъ. Мы должны ускакать черезъ полчама.

Майорша взглянула на него съ выраженіемъ безконечнаго презрѣнія.

– Я не двинусь съ мѣста, пока Одаудъ не дастъ мнѣ маршрута, сказала она. Вы можете ѣхать куда вамъ угодно, ми-

стеръ Седли; но ужь прошу извинить: Амелія и я остаемся здѣсь.

– Она поѣдетъ, закричалъ Джой, топя теперь обѣими ногами, – она должна ѣхать!

Мистриссъ Одаудъ подперла бока своими обѣими руками, и заслонила собою дверь спальни.

– А развѣ вы хотите отвезти ее къ матери? сказала она, – или, ужь не хотите ли вы сами укрыться подъ крылышкомъ у своей мамашы, мистеръ Седли? Доброга вамъ утра, сэръ, и пріятной дороги. *Bon voyage*, какъ говорятъ Французы, и вотъ вамъ на прощанье мой совѣтъ: сбрейте свой усы, мистеръ Седли, иначе какъ-разъ вы попадете въ бѣду.

– Пр-р-роклятіе! заревѣль Джозъ, терзаемый страхомъ, яростию и отчаяніемъ.

Въ эту минуту вбѣжалъ Исидоръ, раздражаясь такими же проклятіями на своемъ собственномъ діалектѣ.

– *Pas de chevaux, sacrebleu!* кричалъ взбѣшенный камердинеръ. Всѣ лошади въ разгонѣ!

Дѣло въ томъ. что не одинъ мистеръ Джой былъ снѣдаемъ паническимъ страхомъ въ этотъ несчастный день. Прежде, однакожь, чимъ кончилась роковая ночь, судьбѣ угодно было увеличить опасенія Джоя до неимовѣрной высоты.

Mademoiselle Pauline, la bonne, имѣла также *son homme à elle* въ рядахъ дѣйствующей арміи, выступившей навстрѣчу императору Наполеону. Этотъ юноша, брюссельскій уроженецъ, служилъ гусаромъ въ одномъ изъ бельгійскихъ полко-

въ. Между-тѣмъ какъ Русскіе и Англичане оказывали чудеса храбрости при столкновеніи съ наполеоновскими войсками, извѣстно всему міру, что Бельгицы отличились въ этой войнѣ такимъ подвигомъ, который не имѣлъ ни малѣйшей связи съ чувствомъ мужества или отваги и молодой фан-Кутеумъ, обожатель Полины, ничуть не отсталъ отъ своихъ товарищей, которымъ скомандовали въ разсыпную. Проживая до открытія кампаніи въ брюссельскомъ гарнизонѣ, фан-Кутеумъ проводилъ съ великимъ комфортомъ большую часть своихъ досуговъ на кухнѣ у Полины, и когда онъ простился, наконецъ, съ нѣжнымъ другомъ своего сердца, чтобы отправиться въ походъ, мамзель Полина набила его карманы рѣдкими и чрезвычайно вкусными произведеніями своего очага.

Кампанія уже совсѣмъ окончилась для его полка, составлявшаго часть весьма красивой дивизіи.

Выступивъ противъ союзныхъ войскъ, Ней занималъ одну познцію за другою до той минуты, когда прибытіе изъ Брюсселя отдѣльнаго британскаго корпуса не сообщило другого направленія этой битвѣ. Эскадроны, между которыми рисовался обожатель Полины, обнаружили величайшую дѣятельность при отступленіи отъ французской арміи, и были мало-по-малу сбиты со всѣхъ пунктовъ съ удивительной быстротою. Ихъ движенія перепутались еще болѣе при столкновеніи съ британскимъ авангардомъ. Очувившись внезапно между двумя огнями, дружескимъ и непріятельскимъ, они

ударились въ разсыпную черезъ англійскіе полки, и мгновенно разсѣялись по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Гусарскій бельгійскій полкъ не существовалъ болѣе. Онъ былъ вездѣ и нигдѣ, безъ опредѣленной позиціи и безъ главной квартиры. Пріятель нашъ, фан-Кутеумъ, скакалъ очертя голову, совершенно одинъ, за нѣсколько миль отъ поля битвы, и гдѣ жь онъ могъ найти пріютъ для себя и радушное убѣжище, какъ не въ той самой кухнѣ, гдѣ мамзель Полина встрѣчала его такъ часто съ распростертыми объятіями?

Около десяти часовъ вечера можно было, съ удовлетворительною ясностью, разслышать звукъ сабли на лѣстничныхъ ступеняхъ дома, гдѣ Осборны занимали верхній этажъ. Вслѣдъ затѣмъ послышался стукъ въ кухонную дверь, и бѣдная Полина, только что воротившаяся домой, чуть не упала въ обморокъ, встрѣтивъ на порогѣ своего милаго гусара. Молодой человѣкъ былъ блѣденъ и страшенъ, какъ полночный драгунъ, возмутившій спокойствіе Леоноры. Мамзель Полина готова была взвизгнуть, но къ счастью припомнила, что ея крикъ можетъ пробудить вниманіе сосѣдей и открыть ея милаго дружка. Поэтому она удержалась очень кстати, и немедленно отвела своего героя въ кухню, гдѣ явились къ его услугамъ двѣ бутылки пива и отборныя кушанья отъ обѣда, къ которому не смѣлъ прикоснуться мистеръ Джой. Гусаръ обнаружилъ въ одно мгновеніе ока, что онъ отнюдь не былъ выходцемъ съ того свѣта, безкровнымъ и безплотнымъ; набивая свой ротъ говядиной и пирогами, онъ подробно рас-

казаль плачевную повѣсть о несчастіи, постигшемъ бельгійскій полкъ.

Бельгійцы, говорилъ онъ, обнаружили непостижимое геройство, и нѣсколько времени удерживали съ успѣхомъ отчаяннѣйшій натискъ всего французскаго войска. Но наконецъ ихъ одолѣли, такъ же какъ и Англичанъ. Маршалъ Ней звѣрскимъ образомъ уничтожалъ одинъ полкъ за другимъ. Бельгійцы выбивались изъ всѣхъ силъ, чтобы остановить рѣзню Англичанъ. Ничто не могло спасти ихъ. Брауншвейгцы были выбиты изъ позиціи, разсѣяны и выгнаны. Герцогъ ихъ убить. Генералы убиты. Полковники убиты. Словомъ, это была всеобщая рѣзня. Молодой человѣкъ старался потопить свою горечь и отчаяніе въ потокахъ пива.

Исидоръ, завернувшій на кухню, выслушалъ всю эту повѣсть, и опрометью бросился съ вождельннѣйшимъ извѣстіемъ къ своему господину.

— Все кончено! закричалъ онъ съ неистовымъ одушевленіемъ. Милордъ Веллингтонъ въ плѣну. Герцогъ брауншвейгскій убитъ. Британская армія разбѣжалась. Бельгійцы истреблены. Остался въ живыхъ только одинъ человѣкъ, и онъ сидитъ у насъ на кухнѣ. Ступайте и выслушайте его.

Подернутый судорожною дрожью, несчастный Джой побѣжалъ въ ту храмину, гдѣ сидѣлъ за бутылкой пива храбрый бельгійскій воитель. Призвавъ на помощь все свое искусство въ практическомъ употребленіи французскаго діалекта, Джой упросилъ гусара повторить печальную повѣсть.

Бѣдствія увеличивались по мѣрѣ того, какъ расказъ подвигался впередъ. Фан-Кутеумъ былъ единственный человѣкъ, уцѣлѣвшій отъ всеобщей рѣзни. Онъ видѣлъ собственными глазами; какъ герцогъ брауншвейгскій палъ, и какъ Шотландцы падали цѣлыми колоннами при каждомъ выстрѣлѣ изъ непріятельской пушки.

— А Трильйонный полкъ? спросилъ Джой.

— Изрѣзанъ въ куски, отвѣчалъ гусарь.

— Бѣдная, бѣдная, бѣдная барыня! О, *ma bonne petite dame!* заголосила сострадательная мамзель Полина, и въ одно мгновеніе весь домъ наполнился ея отчаяннымъ воплемъ.

Встревоженный и оторопѣлый отъ испуга, мистеръ Джозефъ Седли не зналъ, гдѣ и какъ искать успокоенія для души и безопасности для своего тучнаго тѣла. Онъ побѣжалъ изъ кухни въ гостиную, и бросилъ тревожный взглядъ на дверь амеліиной спальни, которую майорша затворила и заперла передъ его носомъ. Онъ вспомнилъ, какимъ презрѣніемъ наградила его неустрашимая Одаудъ, и молча, съ бьющимся сердцемъ, стоялъ у двери, не смѣя прикоснуться къ замку. Наконецъ, махнувъ рукою, онъ рѣшился выйти на улицу, первый разъ въ этотъ день. Схвативъ свѣчу, онъ началъ искать фуражку съ золотой кокардой, и нашель ее въ передней комнатѣ на столикѣ передъ зеркаломъ, гдѣ обыкновенно мистеръ Джой охорашивался всякій разъ, когда собирался выставить себя передъ публикой на общественномъ гуляньи. И такова сила привычки, что даже тепорь, едва не

оцѣпенѣлый отъ ужаса, мистеръ Джой начиналъ машинально лелѣять свои локоны, и поправлять кокарду на фуражкѣ. Потомъ онъ съ изумленіемъ взглянулъ на блѣдное лицо, отражавшееся въ зеркалѣ, и вниманіе его остановилось на усахъ, пустившихъ богатѣйшій ростъ въ продолженіе послѣднихъ семи недѣль, съ той поры, какъ они въ первый разъ произошли на свѣтъ. По усамъ сочтутъ меня за военнаго чело-вѣка, подумалъ Джой, припомнивъ весьма кстати предска-занія Исидора касательно неминуемаго истребленія, на кото-рое обречены всѣ англійскіе солдаты. И отступивъ назадъ въ свою спальню, онъ судорожно дернулъ за сонетку, призывая своего вѣрнаго слугу.

Исидоръ бросился молніей на этотъ призывъ. Джозефъ рвалъ на себѣ манжеты, галстухъ, разстегивалъ пуговицы жилета, и сидѣлъ въ креслахъ передъ зеркаломъ, поднимая обѣ руки къ своему горлу.

– Coupez moi, Isidor, закричалъ Джозефъ. Vite! Vite! Coupez moi!

Исидоръ подумалъ въ первую минуту, что господинъ его сошелъ съ ума, и просить, чтобы ему перерѣзали горло.

– Les moustaches! продолжалъ задыхаясь мистеръ Джой. Les moustaches... coupez... rasez. Vite!

Джозефъ умѣлъ, при случаѣ, объясняться довольно бѣгло на французскомъ діалектѣ; но никакъ нельзя сказать, чтобы рѣчь его была слишкомъ замѣчательна въ граматическомъ смыслѣ.

Первый разъ въ жизни бритва мосьё Исидора прикасалась къ джентльменскимъ усамъ, которые теперь онъ счистилъ съ неимовѣрной быстротой. Освободившись отъ этого опаснаго украшенія, Джозефъ, къ величайшему наслажденію Исидора, приказаль подать себѣ статскую шляпу и статскій сюртукъ.

— Не порти плю милитерь абить, сказалъ Джой, не годится, донни аву, пренни дегоръ... *roug vous*.

Такимъ-образомъ, фуражка и сюртукъ уже перешли въ законную собственность Исидора. Сдѣлавъ этотъ подарокъ, Джой выбралъ изъ своего партикулярнаго туалета простой чорный фракъ и шолковый жилетъ. Затѣмъ онъ надѣлъ широкій бѣлый галстухъ и пуховую шляпу. еслибъ у него была высокая шляпа съ широкими полями, какую носятъ квакеры, онъ бы нахлобучился ею, не задумавшись ни на минуту.

— *Venez maintenant*, продолжалъ Джозефъ, *суи вей муа*... алонъ... партонъ *dans la rue*.

И проговоривъ эти слова, онъ быстро спустился съ лѣстницы, и очутился на улицѣ.

Хотя молодой фан-Кутсумъ увѣрялъ клятвенно, что онъ только одинъ спасся изъ всей арміи союзниковъ, изрубленныхъ въ куски саблями и штыками солдатъ маршала Нея, однакожь, оказалось, что его показаніе было не совсѣмъ справедливо, и черезъ нѣсколько времени въ городѣ появилось значительное количество мнимыхъ жертвъ, уцѣлѣвшихъ отъ всеобщей рѣзни. Десятки товарищей Кутсума, воротивших-

ся съ поля битвы, объявили единогласно, что они спасаются бѣгствомъ. Пораженіе союзниковъ сдѣлалось теперь несомнѣннымъ фактомъ для всей бельгійской столицы. Французовъ ожидали ежечасно; паническій страхъ усиливался, и повсюду обнаруживались приготовленія къ бѣгству. «Нѣтъ лошадей!» думаль Джозъ, томимый отчаянной тоской. Онъ заставляль Исидора навѣдываться у каждаго встрѣчнаго и поперечнаго, не продаетъ ли кто, или, не отдаетъ ли внаймы какую-нибудь клячу, и сердце его обливалось кровью, когда отовсюду слышался одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. Не бѣжать ли ему пѣшкомъ, куда глаза глядятъ? Но и самый страхъ не могъ сообщить приличной дѣятельности этому полновѣсному организму.

Почти всѣ гостинницы, занятыя Англичанами въ бельгійской столицѣ, были сгруппированы около городского парка, и Джой бродиль нерѣшительными шагами около этого квартала, сталкиваясь съ народными толпами, привлеченными сюда любопытствомъ и страхомъ. Нѣкоторымъ фамиліямъ посчастливилось отыскать лошадей, и Джой смотрѣль завистливыми глазами, какъ онѣ катили по улицѣ мимо него; другіе, такъ же какъ онъ, бродили съ понурыми головами; потерявъ всякую надежду заpastись необходимыми средствами къ побѣгу. Между будущими бѣглецами, Джой замѣтилъ лсди Барикрисъ и Бланку, ея дочь, сидѣвшихъ уже въ каретѣ передъ отворенными воротами гостинницы, гдѣ онѣ квартировали. Ихъ вещи были упакованы, имперіаль экипажа на-

выочень сундуками, и было только одно препятствіе къ побѣгу — недостатокъ двигательной силы.

Комнаты Ребекки Кроли находились въ этой же самой гостинницѣ, и она, до этого времени, имѣла нѣсколько враждебныхъ встрѣчъ съ дамами изъ фамиліи Барикрисъ. Такъ, миледи Барикрисъ толкнула неосторожно мистриссъ Кроли, когда онѣ случайно встрѣтились на лѣстницѣ. Ребекка знала также, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только произносилось ея имя, миледи отзывалась о ней очень дурно. Ея фамильярное обращеніе съ милордомъ Тюфто особенно не нравилось этой дамѣ. Леди Бланка, съ своей стороны, постоянно избѣгала мистриссъ Кроли, какъ-будто она была зачумлена. Одинъ только лордъ Барикрисъ добивался ея знакомства въ ту пору, когда дамы не могли наблюдать за его поведеніемъ.

Само-собою разумѣется, что Ребекка воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ отмстить своимъ врагамъ. Въ гостинницѣ знали, что лошади капитана Кроли остались дома. Миледи Барикрисъ, при всеобщемъ господствѣ паническаго страха, отправила свою горничную къ супругъ капитана съ поклономъ отъ своей особы и желаніемъ узнать цѣну лошадей мистриссъ Крили. Благодаря за поклогъ, Ребекка приказала сказать, что она не привыкла вести переговоры о цѣнѣ съ горничными знатныхъ леди.

Этотъ лаконическій отвѣтъ привелъ въ апартаменты мистриссъ Бекки самого лорда Барикриса; но и его посредничество не имѣло никакого успѣха.

– Послать ко мнѣ свою горничную... да съ чего это она взяла, позвольте спросить? кричала мистриссъ Кроли въ припадкѣ сильнѣйшаго гнѣва. Отчего еще миледи Барикриссъ не приказала мнѣ самой осѣдлатъ лошадей для ея чести? Одного только этого не доставало. И кто хочетъ бѣжать отсюда на моихъ лошадяхъ? миледи Барикриссъ, или, ея *femme de chambre*?

Вотъ и все, что милордъ Барикриссъ принужденъ былъ отнести въ отвѣтъ своей супругѣ. Больше онъ ничего не добился отъ мистриссъ Родонъ Кроли.

Но чего не дѣлаетъ необходимость? Миледи Барикриссъ, приведенная въ отчаяніе неудачнымъ посольствомъ, рѣшилась сама, скрѣпя сердце, сдѣлать визитъ мистриссъ Ребеккѣ Кроли. Она покорнѣйше просила ее назначить какую угодно цѣну, и даже вызвалась пригласить ее въ столичный чертогъ Барикрисовъ, если только мистриссъ Бекки доставить ей средства благополучно возвратиться въ эту резиденцію. Ребекка расхохоталась.

– Неужто вы думаете, сказала она, что я добиваюсь чести быть среди ливрейныхъ констеблей вашего лондонскаго чертога?! Едва ли впрочемъ вы успѣете воротиться туда, по крайней мѣрѣ вмѣстѣ и въ одно время съ вашими брильянтами. Вы отдадите ихъ Французамъ. Они будутъ здѣсь черезъ два часа, и я проѣду этимъ временемъ полдороги въ Гентъ. Я не намѣрена продавать вамъ лошадей – да, хотя бы вы предложили за нихъ тѣ два огромные брильянта, которыми вы

изволили гордиться на балу у герцогини.

Леди Барикрисъ затрепетала отъ ужаса и гнѣва. Брильянты были зашиты въ подкладку одного изъ ея капотовъ, и запряганы въ самое потаенное мѣсто.

— Женщина! Мои брильянты у банкира, и лошади у меня будутъ, сказала миледи Барикрисъ.

Ребекка засмѣялась ей въ лицо. Взбѣшенная миледи сошла внизъ, и усѣлась въ своей каретѣ. Ея горничная, жокей, кучерь и ея супругъ — всѣ были разосланы по разнымъ частямъ города отыскать двухъ или трехъ скотовъ — и горе было бы тѣмъ, которые, послѣ бесполезныхъ поисковъ, воротились слишкомъ поздно! Миледи рѣшилась ускакать въ ту же секунду, какъ приведутъ лошадей, не обращая вниманія, подоспѣетъ или нѣтъ къ тому времени милордъ.

Мистриссъ Кроли имѣла удовольствіе видѣть, какъ миледи Барикрисъ засѣдала въ своей каретѣ безъ лошадей. Она вышла на балконъ, и устремивъ на нее свои зеленые глазки, принялась громогласно оплакивать ея бѣдственную участь.

— Не найди лошадей, тогда какъ всѣ брильянты зашиты въ подушкахъ экипажа — какая ужасная исторія! восклицала мистриссъ Кроли. Какую драгоценную добычу найдутъ Французы... не въ миледи, разумѣется, а въ ея брильянтахъ и каретѣ!

Ребекка сообщила это извѣстіе содержателю гостинницы, всѣмъ слугамъ, всѣмъ гостямъ и безчисленному множеству ротозѣевъ, собравшихся на дворъ. Леди Барикрисъ готова

была выстрѣлить въ нее изъ окна своей кареты.

Наслаждаясь такимъ-образомъ униженіемъ своего врага, Ребекка уловила взглядъ мистера Джоя, который прямо пошелъ къ ней, лишь-только замѣтилъ ее.

Его блѣдное, запуганное, обезсмысленное лицо ясно обнаруживало роковую тайну, которая щемила его сердце. И Джой, какъ миледи Барикрисъ, отыскивалъ средства къ побѣгу.

«Онъ купить моихъ лошадей, подумала Ребекка. У меня еще остается лошадка Тюфто».

Джой быстро подошелъ къ своей пріятельницѣ, и предложилъ вопросъ, повторенный имъ больше сотни разъ въ продолженіе одного часа:

– Не знаете ли вы, гдѣ и какъ достать лошадей?

– Неужели и вы хотите бѣжать? сказала Ребекка улыбаясь. А я думала, что вы будете рыцаремъ нашихъ дамъ, мистеръ Седли.

– Я... я не военный человѣкъ, замѣтилъ Джой.

– Какъ же останется Амелія? Кто будетъ безъ васъ покровительствовать бѣдную вашу сестрицу? спросила Ребекка. Вы, конечно, не оставите ее.

– Могу ли и быть полезнымъ для сестры вслучаѣ... вслучаѣ, если прійдетъ непріятель въ этотъ городъ? отвѣчалъ Джозефъ. Женщинъ они пощадаютъ, конечно, но каммердинеръ мнѣ сказывалъ, что эти подлые трусы поклялись торжественно не давать никакой пощады нашему брату.

– Это ужасно! воскликнула Ребекка, любуясь на его томительное отчаяніе.

– Ктому же, вы угадали, мистриссъ Кроли, я не намѣренъ оставлять сестру, продолжалъ великодушный братъ. Въ моей коляскѣ найдется мѣсто для нея... да и для васъ, если только вамъ угодно. Вся бѣда лишь въ томъ, что лошадей до сихъ поръ я никакъ не могу найти, заключилъ Джой съ глубоки-мъ вздохомъ.

– Я могу продать двуть лошадей...

Джой отъ радости чуть не бросился къ ея ногамъ.

– Живѣй коляску, Исидоръ! закричалъ мистеръ Седли. Лошади найдены, любезный, найдены, найдены!

– Но моихъ лошадей нельзя впрягать въ экипажъ, продолжала мистриссъ Кроли, Бульфинчъ разобьетъ вдребезги вашу коляску.

– Но удобенъ ли онъ для верховой ѣзды?

– Онъ смиренъ, какъ ягненокъ, и прытокъ, какъ заяцъ, отвѣчала Ребекка.

– Подыметъ ли онъ меня? спросилъ Джой.

Онъ уже скакалъ, въ своемъ воображеніи, по открытому полю, нисколько не думая о своей бѣдной сестрѣ. Какой бы, впрочемъ, гиппофилъ устоялъ, на его мѣстѣ, противъ такого соблазна?

Вмѣсто отвѣта, Ребекка попросила его войти въ комнату, куда Джой послѣдовалъ за ней, сгарая нетерпѣливымъ желаніемъ окончить поскорѣе торгъ. Еще ни разу мистеръ

Джой не сорилъ такъ много денегъ, какъ теперь, не болѣе какъ въ полчаса своей жизни. Соразмѣряя цѣнность товара съ горячностью покупателя и чрезмѣрную рѣдкостью продаваемой статьи, Ребекка запросила за своихъ рысаковъ такую чудовищно-огромную цѣну, что статскій джентльменъ невольно попятился назадъ и даже въ изумленіи всплеснулъ руками. «Если хотите покупать, такъ покупайте обоихъ коней, или я не продаю ни одного», сказала Ребекка энергически-рѣшительнымъ тономъ. Родонъ строго запретилъ ей уступать меньше той цѣны, которую она теперь назначила Джозефу.

– Лордъ Барикрисъ, если угодно, дасть мнѣ еще больше; но мнѣ бы хотѣлось услужить собственно вамъ, мистеръ Седли, говорила Ребекка, такъ-какъ я очень хорошо помню всѣ ваши благодѣянія и притомъ люблю вашу сестру.

Словомъ, никто въ мірѣ не обнаруживалъ столько нѣжной привязанности, и вмѣстѣ такой непреклонности воли, истинно-железной, какъ мистриссъ Ребекка Кроли.

Джозефъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, согласился на предложенное условіе безпрекословно, прося, однакожь, нѣкоторой отсрочки для платы; такъ-какъ сумма, вырученная Ребеккой, была слишкомъ огромна – огромна до такой степени, что изъ нея могъ даже составиться маленькій капиталецъ для мистриссъ Кроли. Присоединяя умственно къ этой суммѣ выручку отъ распродажи вещей послѣ смерти Родона, и вдобавокъ еще вдовій пенсіонъ отъ казны, Ребекка

быстро рассчитала, что она будетъ совершенно независима въ этомъ мірѣ, и, стало-быть, ей можно безстрашно смотрѣть на будущую перспективу.

Мысль о бѣгствѣ изъ Брюсселя тоже приходила ей въ голову разъ или два въ продолженіе этого дня; но свѣтлый и проницательный разсудокъ внушилъ ей лучшіе совѣты.

— «Ну, пусть Французы прійдутъ, думала Ребекка, какое зло могутъ они сдѣлать вдовѣ бѣднаго офицера? Фи! Времена грабежей и заточеній прошли давнымъ-давно для прекраснаго и нѣжнаго пола. Насъ преспокойно отошлютъ домой, или пожалуй, я могу, съ нѣкоторымъ комфортомъ, жить и за границей при своемъ маленькомъ доходѣ».

Между-тѣмъ, Джозсфъ и достойный его камердинеръ, мосье Исидоръ, отправились въ конюшню обозрѣвать новопріобрѣтенныхъ коней. Джозъ приказалъ осѣдлать немедленно обоихъ рысаковъ. Онъ хотѣлъ ѣхать въ эту же ночь, въ этотъ самый часъ. И, оставивъ камердинера возиться съ лошадьми, онъ пошелъ домой готовиться къ отъѣзду. Все это должно быть сдѣлано втайнѣ. Онъ пройдетъ въ свою комнату черезъ черную лѣстницу въ боковую дверь. Сборы будутъ не продолжительны, и только одинъ содержатель гостинницы узнаетъ объ его отъѣздѣ. Онъ не хотѣлъ прощаться ни съ Амеліей, ни съ мистриссъ Одаудъ: пусть себѣ остаются и живутъ какъ умѣютъ. Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Въ ту пору какъ Джой торговался съ Ребеккой, и обозрѣвалъ дорогихъ животныхъ, время шло своимъ чередомъ и

разсвѣтъ быстро приближался. Но хотя полночь прошла уже давно, городъ, повидимому, не думалъ отдыхать отъ вечерней тревоги. Во всѣхъ окнахъ свѣтились огни, толпы женщинъ и мужчинъ стояли въ дверяхъ и у воротъ, и по улицамъ все еще бродилъ народъ. Молва съ разнообразными отгѣнками переходила изъ устъ въ уста: одни говорили, что прусская армія истреблена въ конецъ; другіе, что Англичане потерпѣли рѣшительное пораженіе; но были и такіе, которые утверждали, что Веллингтонъ устоялъ крѣпко на занятой позиціи. Этотъ послѣдній слухъ, распространяясь постепенно, пріобрѣталъ большую вѣроятность и силу. Въ городъ, съ поля битвы, еще не появлялся ни одинъ Французъ. Нѣсколько бродягъ, воротившихся изъ арміи, принесли довольно благопріятныя вѣсти. Наконецъ, къ общему удовольствію, приискалъ въ Брюссель адъютантъ съ депешами отъ главнокомандующаго къ городскому коменданту, и скоро, въ разныхъ частяхъ столицы появились оффиціальныя объявленія объ успѣхѣ союзниковъ при Quatre-Bras, и о совершенномъ отраженіи Французовъ, сражавшихся шесть часовъ подъ командою маршала Нея. Адъютантъ пріѣхалъ, вѣроятно, въ ту пору; когда Джозъ и Ребекка производили свой торгъ, или, когда Джозъ уже осматривалъ въ конюшнѣ купленныхъ лошадей. Возвращаясь домой, онъ ясно слышалъ, какъ у воротъ гостиницы разсуждали о свѣжихъ новостяхъ, уже не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Онъ пошелъ сообщить ихъ женщинамъ, состоявшимъ подъ его опекой. Джозъ не

считаль нужнымъ доводить до ихъ свѣдѣнїя, какъ онъ соби-
рался разстаться съ ними, какимъ образомъ купилъ двухъ
рысаковъ, и какую груду злата отвалилъ за оныхъ.

Но успѣхъ или пораженіе не составляютъ слишкомъ боль-
шой важности для женщинъ, такъ-какъ онѣ думаютъ прежде
всего о безопасности особъ, близкихъ къ ихъ сердцу. Из-
вѣстіе о побѣдѣ еще больше увеличило душевную тревогу
мистриссъ Эмми. Ей захотѣлось немедленно ѣхать въ дѣй-
ствующую армію. Она со слезами принялась упрашивать
брата, чтобы онъ отвезъ ее туда. Ея страхъ и сомнѣнїя до-
стигли до совершеннѣйшаго пароксизма, и несчастная ет-
радалица, бывшая въ оцѣпененїи почти цѣлый день, впа-
ла теперь въ истерическое безуміе, и забѣгала взадъ и впе-
редъ. Жалкое зрѣлище! никакой мужчина, томимый даже
предсмертной мукой на кровавомъ полѣ, гдѣ, послѣ упорной
борьбы, лежали сотни храбрыхъ воиновъ – никакой мужчи-
на не могъ испытывать страданій ужаснѣе тѣхъ, какимъ под-
вергалась эта бѣдная, беззащитная жертва. Чувствительное
сердце Джоза не могло перенести этого страшнаго зрѣлища.
Онъ оставилъ сестру подъ опекой ея великодушной собесѣд-
ницы, и сошелъ внизъ, къ воротамъ, гдѣ еще продолжали
разсуждать о военныхъ дѣлахъ, и дожидались новыхъ вѣстей.

Разсвѣтъ между тѣмъ постепенно переходилъ въ ясный
день, когда Джозъ и его собесѣдники стояли у воротъ. Изъ
арміи начали приходить свѣжїя вѣсти, привозимыя людьми,
которые сами были дѣйствующими лицами въ кровавой дра-

мѣ. Фуры и длинныя крестьянскія телѣги, нагруженныя ранеными, закрипѣли въ разныхъ мѣстахъ; страшныя стоны слышались внутри ихъ, и болѣзненные лица грустно выглядывали изъ-подъ соломы. Джозефъ Седли смотрѣлъ съ печальнымъ любопытствомъ на эти колесницы; стоны раненныхъ были ужасны; усталые кони съ трудомъ подвигались впередъ.

— Стой! стой! простоналъ слабый голосъ изъ-подъ соломы.

И телѣга остановилась передъ квартирой мистера Седли.

— Это Джорджъ! вскричала Амелія. Это Джорджъ, я знаю.

Она выбѣжала на балконъ съ своимъ блѣднымъ лицомъ и растрепанными волосами. Но это былъ не Джорджъ. Пришла только вѣсть о Джорджѣ и слава Богу!

Это былъ бѣдный Томъ Стоббль, выступившій изъ Брюсселя за двадцать-четыре часа передъ этимъ, съ полковымъ знаменемъ въ рукахъ, которое онъ такъ храбро защищалъ на полѣ чести и славы. Французскій уланъ ранилъ въ ногу молодого прапорщика, и онъ упалъ, продолжая держать въ рукахъ святыню Трильйоннаго полка. Послѣ сраженія, отыскалось порожнее мѣсто для бѣднаго юноши въ телѣгѣ, и его повезли назадъ, въ Брюссель.

— Мистеръ Седли! мистеръ Седли! вскричалъ слабымъ голосомъ молодой человѣкъ.

Испуганный Джой подошелъ къ телѣгѣ. Онъ не угадалъ сначала, кто его звалъ.

Юный Томъ Стоббль протянулъ свою горячую и слабую

руку.

— Я долженъ остановиться здѣсь, сказалъ онъ. Осборнъ... и... и Доббинъ сказали, что здѣсь... возьмутъ меня... и, и вы дайте ямщику два наполеондора, и... и мать моя заплатитъ вамъ.

Мысли бѣднаго юноши, въ продолженіе длинныхъ лихорадочныхъ часовъ, проведенныхъ въ телѣгѣ, постоянно переносились въ родной пріютъ, подъ кровлю родительскаго дома, оставленнаго имъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ передъ открытіемъ войны. Въ этомъ сладкомъ бреду онъ забывалъ повременамъ свою физическую боль.

Гостинница была велика, и сострадательные жильцы ея взяли всѣхъ пассажировъ крестьянской телѣги, и размѣстили ихъ по разнымъ угламъ. Молодой прапорщикъ былъ перенесенъ наверхъ, въ квартиру Осборновъ. Амелія и мистриссъ Одаудъ выбѣжали къ нему навстрѣчу, лишь-только завидѣли его съ балкона. Вообразите, если можете, чувства этихъ двухъ женщинъ, когда имъ сказали, что день кончился благополучно для ихъ мужей. Съ какимъ восторгомъ Амелія бросилась на шею своей доброй подруги, и съ какимъ жаромъ, становясь на колѣни, молилась она всемогущей силѣ, сохранившей въ этотъ день ея супруга!

Ни одинъ докторъ въ мірѣ не могъ для нашей героини, страдавшей цѣлый день истерическими припадками, предписать рецепта надежнѣе и спасительнѣе того, который былъ теперь ниспосланъ для нея сострадательною судьбою. Она

и мистриссъ Одаудъ бодрствовали безпрестанно при постели раненаго юноши, терпѣвшаго жесточайшую боль. Занятая исполненіемъ этой обязанности, столько свойственной женскому сердцу, Амелія не имѣла досуга задумываться надъ своей собственной грустью, и томить себя бесполезнымъ страхомъ и предчувствіями, возникавшими въ ея разгоряченной головѣ. Молодой пациентъ расказалъ свою простую и трогательную повѣсть о событіяхъ этого дня, и о подвигахъ нашихъ друзей, принадлежавшихъ къ Трильйонному полку. Дѣло было жаркое. Трильйонный полкъ лишился многихъ офицеровъ и солдатъ. Подъ майоромъ убили лошадь, и всѣ думали сначала, что самъ майоръ убитъ, и начальство перейдетъ къ Доббину, но когда огонь прекратился, оказалось, что майоръ сидитъ на спинѣ своего бѣднаго Пирама, и потягиваетъ коньякъ изъ плетёной бутылки. То былъ капитанъ Осборнъ, что поразилъ наповаль французскаго улана, который ранилъ прапорщика. Услышавъ это, Амелія сдѣлалась такъ блѣдна, что юный Стоббль, по внушенію мистриссъ Одаудъ, долженъ былъ прекратить на-время свой расказъ. И то былъ капитанъ Доббинъ, что, послѣ сраженія, несмотря на собственную рану, взялъ на руки молодого человѣка, и отнесъ его къ полковому хирургу, а оттуда въ телѣгу, которая должна была привезти его въ Брюссель. Капитанъ Доббинъ обѣщалъ ямщику два луидора, если онъ довезетъ телѣгу въ городъ, до гостинницы мистера Седли. Онъ велѣлъ сказать капитаншѣ Осборнъ, что сраженіе кончилось, и что мужъ ея

живъ и невредимъ.

— Скажите, пожалуйста, какое у него доброе сердце, у этого Вилльяма Доббина! замѣтила мистриссъ Одаудъ. А я все сердилась, что онъ смѣялся надо мной. Какъ часто наружность бываетъ обманчива!

Юный Стоббль положительно увѣрялъ, что нѣтъ въ цѣлой арміи офицера великодушнѣе и добрѣе капитана Доббина. Онъ принялся съ живѣйшимъ краснорѣчіемъ выхвалять его скромность, снисходительность, храбрость и удивительное хладнокровіе на полѣ битвы. Амелія обращала весьма разсѣянное вниманіе на эту часть разговора: мысли ея были заняты Джорджемъ, и она слушала внимательно только тогда, когда упоминалось въ рѣчи его имя.

Ухаживая за больнымъ, и вдумываясь въ удивительныя событія, происходившія наканунѣ, Амелія провела слѣдующій день съ удовлетворительнымъ спокойствіемъ. Во всей арміи былъ для нея только одинъ человекъ, и какъ-скоро онъ живъ, всѣ другія приключенія, должно признаться, интересовали весьма мало містриссъ Эмми. Донесенія, приносимыя Джоемъ съ улицы, производили весьма неопредѣленное впечатлѣніе на ея слухъ, хотя самъ мистеръ Джой имѣлъ совершенно достаточныя причины для внутренней тревоги, которую вмѣстѣ съ нимъ раздѣляли и другіе обитатели бельгійской столицы. Французы были окончательно отражены союзными войсками, но это произошло вслѣдствіе чрезвычайно упорной битвы, и притомъ дѣло было кончено только

съ одной дивизіей Французовъ. Наполеонъ съ главнымъ корпусомъ стоялъ при Линьи, гдѣ онъ въ-конецъ разбилъ прусскую армію, и собирался теперь двинуть на союзниковъ всѣ свои силы. Герцогъ Веллингтонъ отступалъ къ Брюсселю, и было очень вѣроятно, что передъ стѣнами этой столицы произойдетъ великая битва. Надежда на успѣхъ была болѣе чѣмъ сомнительна. Герцогъ Веллингтонъ могъ совершенно положиться только на двадцать тысячъ англійскаго войска; потому-что Бельгійцы были довольно равнодушны къ общему дѣлу. И съ этой горстью, Веллингтонъ долженъ былъ выдержать напоръ ста-пятидесяти тысячъ челоуѣкъ, предводительствуемыхъ Наполеономъ – самимъ Наполеономъ! Какой полководецъ, при всей своей опытности, могъ съ неравными силами устоять противъ такого гиганта?

Джой приходилъ въ отчаяніе и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, когда размышлялъ обо всѣхъ этихъ вещахъ. Все народонаселеніе Брюсселя раздѣляло эти опасенія, и каждый челоуѣкъ съ политическимъ тактомъ былъ убѣжденъ, что вчерашнее сраженіе было только прелюдіей для великой битвы, которая, такъ-сказать, висѣла на носу. Одна изъ армій, противопоставленныхъ Наполеону, была уже уничтожена въ-конецъ. Малочисленные Англичане, которыхъ еще могутъ вывести противъ него, погибнуть неминуемо на своихъ постахъ, и побѣдитель черезъ трупы непріятелей войдетъ въ столицу. Горе несчастнымъ, которыхъ онъ найдетъ въ ней! Горе мистеру Джою! Уже тайкомъ изготовлялись адреса по-

бѣдоносному вождю, очищались квартиры и фабриковались трехцвѣтныя знамена для торжественной встрѣчи императора Французовъ.

Эмиграція продолжалась съ неутомимою дѣятельностью, и все бѣжало, что только могло найти средства къ побѣгу. Когда Джой, передъ обѣдомъ, семнадцатаго іюня, зашелъ навѣстить Ребекку, карета Барикрисовъ покатила, наконецъ, отъ воротъ гостинницы, гдѣ жила мистриссъ Родонъ Кроли. Милордъ Барикрисъ, неизвѣстно какими судьбами, успѣлъ, наконецъ, добыть пару лошадей, и поѣхалъ съ своимъ семействомъ по дорогѣ въ Гентъ, гдѣ сгруппировались теперь всѣ политическія и дипломатическія лица. Съ ними былъ и Лудовикъ, преслѣдуемый съ такимъ ожесточеніемъ безпощадною судьбою.

Джой почувствовалъ, что вчерашняя отсрочка была только кратковременною передышкой, и что онъ скоро будетъ имѣть нужду въ своихъ дорогихъ рысакахъ. Весь этотъ день онъ сокрушался невыразимою тоской. Пока Англичане стояли между Брюсселемъ и Наполеономъ, Джой не видѣлъ еще повода къ немедленному бѣгству, но на всякій случай, онъ перевелъ своихъ лошадей изъ отдаленнаго стойла въ конюшню той гостинницы, гдѣ была его квартира, такъ, чтобы имѣть ихъ безпрестанно передъ глазами и, если понадобится, защитить ихъ отъ насильственнаго похищенія. Для этой цѣли, Исидору поручено было стоять въ дверяхъ конюшни, и держать ухо востро. Лошади были осѣдланы. Мосье Исидоръ

съ нетерпѣніемъ дожидался вождельнной минуты бѣгства.

Послѣ вчерашняго приѣма, Ребекка уже не хотѣла болѣе видѣть свою милую подругу. Она обстригла букетъ, подаренный ей Джорджемъ, подбавила свѣжей воды къ цвѣтамъ, и прочитала еще разъ записку Джорджа.

— Бѣдная женщина! сказала она, перебирая между своими пальцами измятый клочокъ раздушевной бумаги. Что бы она почувствовала, если бы мнѣ вздумалось показать ей эту вещичку!.. И сердце ея сокрушается изъ-за этого негодяя... глупца... фанфарона, который нисколько не заботится о ней! Нѣтъ, мой добрый Родонъ достоинѣе въ тысячу разъ этого человѣка.

И потомъ она углубилась въ размышленіе относительно того, что ей дѣлать на бѣломъ свѣтѣ, какъ-скоро не станетъ добраго Родона. Какъ это хорошо, что онъ догадался оставить своихъ лошадей!

Впродолженіе этого дня, мистриссъ Кроли, видѣвшая не безъ досады, какъ покатила отъ воротъ карета Барикрисовъ, припомнила благоразумную предосторожность этой фамиліи относительно брильянтовъ и подражая миледи Барикрисъ, рѣшилась сама взяться за иголку. Работа ея пошла очень быстро и, менѣе чѣмъ въ часъ, мистриссъ Кроли укрыла въ безопаснѣйшее мѣсто всѣ свой драгоцѣннлсти, со включеніемъ векселей и банковыхъ билетовъ. Устроивъ это дѣло, она приготовилась на все: бѣжать, если потребуетъ необходимость, или остаться въ Брюсселѣ и истрѣтить тор-

жествующаго побѣдителя, будь онъ Англичанинъ или Французъ. И я никакъ не могу поручиться, что въ эту ночь не грезился ей пріятный сонъ, въ которомъ мистриссъ Кроли видѣла себя герцогиней или *Madame Maréchale*; но намъ достоверно извѣстно, что бѣдный Родонъ, окутанный въ офицерскую шинель, провелъ на бивуакѣ подъ дождемъ весьма тревожную ночь, думая постоянно о своей маленькой женѣ, оставленной почти безъ всякаго покровительства и защиты.

Слѣдующимъ днемъ было воскресенье. Мистриссъ майорша Одаудъ, оставъ отъ сна, имѣла удовольствіе видѣть, что оба ея пациента значительно поправились въ здоровьѣ и оживились духомъ, послѣ отдыха предшествующей ночи. Сама майорша вздремнула немножко въ креслахъ подлѣ амелииной кровати. Она и не раздѣвалась, чтобы удобнѣе, при первой необходимости, явиться на помощь къ прапорщику, или къ своей молодой подружѣ. Съ наступленіемъ утра неустрашимая мистриссъ Одаудъ пошла въ свою собственную квартиру, чтобы заняться многотруднымъ и блистательнымъ туалетомъ, приличнымъ праздничному дню. Здѣсь, въ скромной спальнѣ, еще такъ недавно оживляемой присутствіемъ ея супруга, лежала на подушкѣ его фуражка и стояла въ углу палка въ томъ видѣ, какъ онъ ее оставилъ. Долго пробыла майорша въ этой комнатѣ.

По возвращеніи въ гостинницу, она принесла съ собою эстетически-умозрительно-практически-назидательныя произведенія своего собственнаго родственника, достопо-

чтеннаго декана, которыя она неукоснительно читала каждый субботній день, не понимая, къ счастью, всѣхъ этихъ словъ, длинныхъ, запутанныхъ и чрезвычайно хитрыхъ, такъ-какъ достойный деканъ былъ мужъ ученый и великій латинистъ. Вообще, мистриссъ Одаудъ читала очень хорошо, не пропуская даже латинскихъ цитатъ, произносимыхъ ею на британскій манеръ. Съ какимъ, бывало, усерднымъ вниманіемъ слушалъ ее Михайль Одаудъ, когда, въ продолженіе морскаго путешествія, она засѣдала наверху каюты! Майорша предложила возобновить это чтеніе теперь, въ назиданіе Амеліи и раненаго прапорщика. Открылась картина умили- тельная: майорша читала, Амелія слушала, юный Стоббль думалъ о своей мамашѣ... Въ этотъ день и въ этотъ же самый часъ, мильйоны британскихъ женщинъ и мужчинъ молились въ двадцати тысячахъ церквей...

Они не слышали страшнаго шума, возмутившаго спокой- ствіе нашихъ брюссельскихъ друзей. То былъ гулъ ватерло- оскихъ орудій.

Услышавъ этотъ страшный ревъ, Джой уже не могъ боль- ше отдѣлываться однимъ страхомъ, и рѣшился бѣжать. Онъ бросился въ комнату больнаго прапорщика, гдѣ сидѣли на- ши женщины, и съ азартомъ обратился къ мистриссъ Эмми.

– Не могу больше терпѣть, сказалъ онъ, – пора убираться всѣмъ отсюда подобру поздорову. Я ѣду. Эмми, и ты должна ѣхать со мной. Я купилъ для тебя лошадь – нѣтъ нужды за какую цѣну: одѣвайся и поѣдемъ. Ты сядешь на одну лошадь

съ Исидоромъ.

– Что это значить? воскликнула мистриссъ Одаудъ, закрывая свою книгу, – я должна сказать, что вы трусь, мистеръ Седли.

– Ёдемъ, Амелія, скорѣе, мой другъ, продолжалъ оторопѣлый Джой. Нечего смотрѣть на эту женщину: она сама не знаетъ что говорить. Развѣ дожидаться здѣсь, чтобы пришли Французы, и всехъ насъ изрѣзали въ куски? Ёдемъ, Эмми.

– Вы забываете Трильйонный полкъ, любезный другъ, сказалъ юный Стоббль. раненный герой, лежавшій на своей постели, – вы по крайней мѣрѣ, не оставите меня, мистриссъ Одаудъ?

– Нѣтъ, сынъ мой, сказала майорша, подходя къ постели и цалуя молодого человѣка: никто не посмѣетъ дотронуться до тебя пальцемъ, пока я твердо стою на своемъ посту. Я не сдѣлаю отсюда шагу, пока не получу паспорта отъ своего Мика. Да и какъ мнѣ ѣхать? Развѣ вмѣстѣ съ этимъ сухопарымъ дѣтиной, позади его сѣдла? Хороша была бы фигура, нечего сказать.

Молодой человѣкъ захохоталъ, воображая такихъ всадниковъ, какъ майорша Одаудъ и мистеръ Джой; эта картина заставила даже улыбнуться мистриссъ Эмми.

– Я не прошу ее, кричалъ мистеръ Джой, – какое мнѣ дѣло до этой ирландки? Пусть остается, если хочетъ. Поѣдемъ Амелія. Хочешь ли, Эмми?

– Ёхать съ тобой, Джозефъ... безъ мужа? Нѣтъ, Джозефъ,

проговорила Амелія, бросая изумленный взглядъ на своего брата.

И она подала руку неустрашимой майоршѣ. Терпѣніе Джоза истощилось.

— Ну, такъ прощайте, сказалъ онъ, неистово отворяя дверь сжатымъ кулакомъ.

На этотъ разъ онъ уже дѣйствительно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ походу и, выбѣжавъ изъ дому, тотчасъ же взгромоздился на одного изъ своихъ скакуновъ. Мистриссъ Одаудъ услышала конскій топотъ и, подойдя къ окну, сдѣлала нѣсколько презрительныхъ замѣчаній насчетъ бѣднаго Джозефа, который между-тѣмъ уже выѣхалъ на улицу, сопровождаемый своимъ вѣрнымъ Исидоромъ, щеголявшимъ въ фуражкѣ съ золотой кокардой. Бойкіе кони, долго стоявшіе въ конюшнѣ безъ употребленія, обнаруживали теперь необыкновенную живость, и выдѣлывали среди улицы прехитрые курбеты. Мистеръ Джой, всадникъ робкій и неуклюжій, представлялъ изъ себя довольно странную фигуру на конскомъ сѣдлѣ.

— Посмотри-ка на него, Амелія, говорила мистриссъ Одаудъ, выставляясь изъ окна гостиной, такой куклы мнѣ еще ни разу не приходилось видѣть.

Скоро всадники исчезли за угломъ улицы, выходившей на гентскую дорогу. Мистриссъ Одаудъ провожала ихъ саркастическими залпами, пока они совсѣмъ не скрылись отъ ея глазъ.

Весь этотъ день, съ самаго утра до солнечнаго заката, канонада не умолкала ни на минуту. Въ глубокіе сумерки ревъ пушекъ внезапно прекратился.

Мы всё читали и знаемъ хорошо, что случилось въ этотъ промежутокъ. Ватерлооская повѣсть вертится на языкъ у каждаго Британца. И вы, и я, бывшіе дѣтьми въ ту пору, когда великая баталія была выиграна и потеряна, никогда не уставали слушать, повторять и пересказывать исторію знаменитой битвы гигантовъ. Воспоминаніе о ней до сихъ поръ кружитъ головы соотечественникамъ храбрыхъ воиновъ, потерявшихъ этотъ день. Они пламенѣютъ неукротимымъ желаніемъ отмстить, рано или поздно, за свое униженіе при Ватерлоо, и какъ знать! наступить, вѣроятно, вождедѣнный часъ, когда въ лѣтописяхъ французскаго и англійскаго міра появятся новыя страницы, славныя для Франціи, позорныя для Англійи, и наоборотъ, и прочая, и прочая, и прочая, и такъ далѣе, до скончанія вѣковъ...

Всѣ наши пріятели принимали весьма дѣятельное участіе въ этой великой битвѣ. Между-тѣмъ какъ женщины молились и плакали въ десяти миляхъ отъ боеваго поля, колонны неустрашимой англійской пѣхоты принимали и отражали неистовый натискъ французской кавалеріи. Ружейныя залпы, слышанныя въ Брюсселѣ, вспахивали, бороздили и боронили ихъ ряды: храбрые товарищи падали, и мѣста ихъ немедленно заступались пережившими храбрецами. Къ вечеру, французская атака, встрѣченная съ такимъ мужество-

мь, ослабѣла въ своей силѣ и перемѣнила направленіе. Были у Французовъ другіе враги, и они начали дѣлать приготовленія къ окончательному приступу. Роковая минута наступила: колонны наполеоновской гвардіи двинулись на холмъ Сен-Жана, чтобы окончательно стереть Англичанъ съ этой высоты, гдѣ они продержались цѣлый день. Презирая смертоносные залпы, посылаемые навстрѣчу британской артиллеріей, благородные гвардейцы стройнымъ маршемъ шли впередъ, по направленію къ холму. Уже перевѣсъ готовъ былъ, казалось, склониться на ихъ сторону, какъ вдругъ колонны начали разстроиваться и волноваться. Потомъ онѣ остановились, все еще продолжая стоять, грудью противъ непріятельскаго огня. Наконецъ, англійскіе полки стремительно бросились съ своего поста, откуда не могла сбить ихъ никакая сила въпродолженіе дня, и остатки наполеоновской гвардіи обратились въ бѣгство.

Преслѣдованіе непріятеля продолжалось на нѣсколько миль. Въ Брюсселѣ не слышали больше ружейныхъ залповъ. Ночной мракъ обложилъ и городъ, и боевое поле. Амелія молилась за своего Джорджа, который плавалъ въ собственной крови, убитый наповаль непріятельскою пулей.

Джой ускакалъ, и съ его бѣгствомъ кампанія кончилась.